

ISSN 2410–2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

1 (47)

2026

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки);
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписной индекс – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук

Егоров В.Н. – заместитель главного редактора
Фаустова Н.А. – заместитель главного редактора, канд. филол. наук

Варфоломеев А.А. – канд. полит. наук

Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук

Зверева Т.В. – д-р полит. наук

Иванов О.П. – д-р полит. наук

Ишин А.В. – д-р ист. наук

Карпович О.Г. – д-р полит. наук, д-р юрид. наук

Конопляник А.А. – д-р экон. наук

Косов Г.В. – д-р полит. наук

Липкин М.А. – д-р ист. наук

Мастепанов А.М. – д-р экон. наук

Неймарк М.А. – д-р ист. наук

Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук

Пашенцев Е.Н. – д-р ист. наук

Сидорова Л.Н. – канд. полит. наук

Ткаченко М.Ф. – д-р экон. наук

Усманов Р.Х. – д-р полит. наук

Цвык В.А. – д-р филос. наук

Юнблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-91063 от 01 апреля 2026 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Игнатенко В.В.</i> Конкуренция России, США и Китая на мировом рынке вооружений и ее влияние на международную безопасность	6
<i>Давыдов С.Г., Кукарека А.Н., Шишков В.В.</i> «Доктрина Трампа»: эволюция подходов к России в Стратегии национальной безопасности США	24
<i>Ранджбар Мешкин Д., Лебедева С.А.</i> Участие КНР и США в обеспечении безопасности в Африке: миротворческие операции ООН, военное присутствие и ресурсные интересы	42
<i>Грудев В.Е.</i> Международное научно-техническое сотрудничество в условиях фрагментации мировой экономической системы	57
<i>Сячин В.Г.</i> Анализ системы двусторонних валютных своп-соглашений Народного банка Китая и их влияния на международное использование юаня	73

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Ногмова А.Ш.</i> Эволюция государственной приграничной политики России	94
<i>Дудайти А.К.</i> От конфронтации к прагматизму: российско-грузинские отношения после 2012 года	110
<i>Рябинина О.К.</i> Финляндия продолжает курс на сохранение геополитической напряженности	125

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Высоцкий П.А.</i> Внешняя политика стран Черноморского региона: обзор документов	138
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Жильцов С.С.</i> Экономика Китая: промежуточные итоги и перспективы развития	156
К сведению авторов	166

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014 г. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021).

- 5.2.5. World economy;
- 5.5.2. Political institutions, Processes and Technologies;
- 5.5.4. International relations, Global and Regional studies;
- 5.6.7. The history of international relations and foreign policy.

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 1st half of 2026 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation. The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief
Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)

Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Andrey Ishin, DSc (History)

Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)

Andrey Konoplyanik, DSc (Economics)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Evgeny Pashentcev, DSc (History)

Lidiia Sidorova, PhD (Political Science)

Marina Tkachenko, DSc (Economics)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014
Reregistered ПИ № ФС77-91063 of April 01, 2026

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, 2026

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World. 2026. No. 1 (47)

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Victoria Ignatenko.</i> Competition Between Russia, the United States and China in the Global Arms Market and Its Impact on International Security	6
<i>Stanislav Davydov, Andrey Kukareka, Vasily Shishkov.</i> "Trump's Doctrine": Evolution of Approaches to Russia in the U.S. National Security Strategy	24
<i>Danial Ranjbar, Sofya Lebedeva.</i> China and U.S. Involvement in African Security: UN Peacekeeping, Military Footprint and Resource Interests	42
<i>Vasily Grudev.</i> International Scientific and Technical Cooperation in the Context of Fragmentation of the Global Economic System	57
<i>Valeriy Syachin.</i> Analysis of the Bilateral Currency Swap Agreements of the People's Bank of China and Their Impact on the International Use of the Chinese Yuan	73

REGIONAL PROBLEMS

<i>Adelina Nogmova.</i> Evolution of the state Border Policy of Russia	94
<i>Albert Dudayti.</i> From Confrontation to Pragmatism: Russian-Georgian Relations After 2012	110
<i>Olga Ryabinina.</i> Finland Continues Its Policy of maintaining Geopolitical Tensions	125

HISTORY AND RELIGION

<i>Pavel Vysotsky.</i> Foreign Policy of the Black Sea countries: Review of the Documents	138
---	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Sergey Zhiltsov.</i> China's Economy: Interim Results and Development Prospects	156
--	-----

Notice to the authors	166
------------------------------------	-----

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Игнатенко Виктория Владимировна,

Второй секретарь,
Посольство Российской Федерации
в Демократической Республике Конго.

Victoria V. Ignatenko,

Second Secretary,
Embassy of the Russian Federation
in the Democratic Republic of the Congo.

E-mail: ignatenko.v.v@my.mgimo.ru

КОНКУРЕНЦИЯ РОССИИ, США И КИТАЯ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ВООРУЖЕНИЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

COMPETITION BETWEEN RUSSIA, THE UNITED STATES, AND CHINA IN THE GLOBAL ARMS MARKET AND ITS IMPACT ON INTERNATIONAL SECURITY

Аннотация: статья посвящена анализу конкуренции ведущих держав на мировом рынке вооружений как значимого компонента современной международной безопасности и военно-технического сотрудничества. Актуальность исследования определяется тем, что торговля вооружениями выступает не только экономическим сегментом, но и значимым инструментом внешней политики и проецирования силы. Цель исследования состоит в выявлении причин, форм и последствий соперничества ключевых экспортеров вооружений, а также в определении того, как данная конкуренция воздействует на региональную стабильность, структуру союзов и глобальный баланс сил. В статье рассматриваются геополитические, экономические и технологические факторы конкуренции. Анализируются позиции США, России и Китая в различных регионах. Особое внимание уделяется соперничеству в отдельных сегментах рынка: военной авиации, бронетехнике, системах противовоздушной обороны, военно-морских платформах и беспилотных летательных аппаратах. В результате исследования установлено, что США сохраняют доминирующие позиции за счет технологического превосходства, развитой союзнической сети и программ военной помощи. Россия, несмотря на санкционное давление и сокращение доли в мировом экспорте, сохраняет значение как поставщик надежных и сравнительно доступных вооружений. Китай усиливает позиции благодаря ценовой гибкости,

технологическому развитию и увязке военно-технического сотрудничества с экономическими инициативами. Сделан вывод, что конкуренция на рынке вооружений имеет двойственный эффект. Она стимулирует модернизацию и технологические инновации, но одновременно усиливает милитаризацию регионов, осложняет урегулирование конфликтов и повышает значимость механизмов контроля над вооружениями. При этом обозначена взаимосвязь экспорта вооружений с геополитическим влиянием, национальной безопасностью и внешнеполитическими интересами государств.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, экспорт вооружений, технологическое соперничество, оборонно-промышленный комплекс, проецирование силы, региональная стабильность.

Abstract: the article analyzes competition among leading powers in the global arms market as a significant component of contemporary international security and military-technical cooperation. The relevance of the study is determined by the fact that the arms trade functions not merely as an economic sector, but also as an important instrument of foreign policy and power projection. The purpose of the study is to identify the causes, forms, and consequences of rivalry among key arms exporters, as well as to determine how this competition affects regional stability, alliance structures, and the global balance of power. The article examines the geopolitical, economic, and technological factors of competition. It analyzes the positions of the United States, Russia, and China in various regions. Particular attention is paid to rivalry in specific market segments: military aviation, armored vehicles, air defense systems, naval platforms, and unmanned aerial vehicles. The study finds that the United States retains its dominant position due to technological superiority, an extensive alliance network, and military assistance programs. Russia, despite sanctions pressure and a declining share of global arms exports, remains an important supplier of reliable and relatively affordable weapons. China is strengthening its position through pricing flexibility, technological development, and the linkage of military-technical cooperation with broader economic initiatives. The article concludes that competition in the arms market has a dual effect. It stimulates modernization and technological innovation, while at the same time intensifying the militarization of regions, complicating conflict resolution, and increasing the importance of arms control mechanisms. The study also highlights the relationship between arms exports, geopolitical influence, national security, and the foreign policy interests of states.

Key words: military-technical cooperation, arms exports, technological rivalry, defense-industrial complex, power projection, regional stability.

Введение

Мировой рынок вооружений занимает особое место в системе международных отношений, поскольку соединяет экономический обмен, военно-техническую зависимость и политическое влияние [1, с. 101]. В отличие от большинства товарных рынков, оборонная продукция поставляется в условиях экспортного контроля, лицензионных ограничений, политических согласований и длительного послепродажного сопровождения. Сделка по поставке вооружений редко завершается передачей готового изделия. Она предполагает обучение личного состава, ремонт, модернизацию, поставку запасных частей, обновление программного обеспечения и адаптацию инфраструктуры [3, с. 28]. По этой причине экспорт вооружений создает устойчивый канал взаимодействия между поставщиком и получателем, а его значение выходит за пределы финансового результата.

Торговля вооружениями рассматривается как разновидность военно-экономических и военно-технических связей, через

которые государство поддерживает оборонный потенциал партнеров, закрепляет политические обязательства [13] и влияет на конфигурацию региональных сил [19]. Зависимость от поставщика может проявляться в технической совместимости систем, в потребности в сервисной поддержке, в регулярной модернизации платформ и в подготовке специалистов [7]. При таком подходе рынок вооружений оказывается одним из инструментов воспроизводства союзов, партнерств и зон политического притяжения.

После завершения биполярной конфронтации ожидания снижения роли военной силы оказались ограниченными по времени. К началу XXI века расширение региональных конфликтов, рост оборонных расходов, технологическая революция в военной сфере и обострение отношений между ведущими державами вновь придали торговле вооружениями стратегический характер. Соперничество в этой области не сводится к борьбе производителей за контракт. Оно отражает более широкую трансформацию мирового порядка, в рамках которой экспортные решения становятся частью внешнеполитической стратегии [2, с. 95–96; 14], а импорт вооружений — способом укрепления автономии, поиска гарантий безопасности либо балансирования между центрами силы [4].

Для целей настоящей статьи под вооружениями и военной техникой (ВВТ) понимаются основные категории обычных вооружений: танки, боевые бронированные машины, артиллерийские системы крупного калибра, боевые самолеты, вертолеты, военные корабли, ракеты, ракетные пусковые установки и беспилотные аппараты самолетного типа. Финансовый объем такого рынка оценить весьма затруднительно. Часть государств не раскрывает стоимость контрактов, данные о сроках поставок и комплектности сделок часто неполны, а статистика по фактическим поставкам и по заключенным соглашениям не совпадает. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ)¹, стоимость глобальной торговли

¹ Данные СИПРИ по поставкам вооружений относятся к фактическим поставкам основных видов обычных вооружений, включая продажи, лицензионное производство, помощь, дары и лизинг. Для проведения сопоставлений данных по поставкам различных видов вооружений и выявления общих тенденций СИПРИ использует значение показателя тренда. Эти значения являются показателем объема международных поставок вооружений, базирующимся на оценке потенциала оружия, а не его денежной стоимости. Поскольку объем поставок может год от года колебаться, в качестве более стабильного показателя тенденций в международных поставках основных видов обычных вооружений используется пятилетнее скользящее среднее значение.

оружием в 2022 г. составляла не менее 138 млрд долл. США^{2, 3}, при этом реальный показатель, вероятно, выше из-за неполноты открытой отчетности.

Концентрация экспорта остается высокой. Согласно СИПРИ, в 2020–2024 гг. США занимали 43% мирового экспорта основных обычных вооружений, Россия — 7,8%, Китай — 5,9%. Несмотря на изменение долей, эта тройка сохраняет аналитическое значение, поскольку каждая из держав обладает развитой оборонно-промышленной базой, внешнеполитическими инструментами продвижения своей продукции и устойчивыми сетями партнеров [15]. Европейские государства в совокупности формируют значимый сегмент предложения, однако в рамках данной статьи они не рассматриваются как единый субъект ввиду различий в национальных экспортных режимах и стратегических приоритетах.

Таблица 1

США, Россия и Китай в мировом экспорте основных обычных вооружений в 2020–2024 гг.

Страна	Доля 2020–2024 (%)	Доля 2015–2019 (%)	Изменение (%)	Основные покупатели (доля в общем объеме экспорта, %) 2020–2024
США	43	35	+21	Саудовская Аравия (12); Украина (9,3); Япония (8,8)
Россия	7,8	21	-64	Индия (38); Китай (17); Казахстан (11)
Китай	5,9	6,2	-5,4	Пакистан (63); Сербия (6,8); Таиланд (4,6)

Источник: составлено по данным SIPRI Fact Sheet, March 2025.

Рост объемов мировых продаж оружия с начала XXI века демонстрирует активность рынка. Возросшая геополитическая напряженность, борьба за партнеров и стратегическое доминирование, а также экономические интересы приводят к интенсификации конкуренции лидеров не только за сбыт, но и за место в системе международных отношений.

² Financial value of the global arms trade. SIPRI databases. URL: <https://www.sipri.org/databases/financial-value-global-arms-trade> (дата обращения: 16.02.2025).

³ Данные относятся к последней доступной финансовой оценке СИПРИ.

Причины конкуренции на мировом рынке вооружений. Позиции России, США и Китая

Современный рынок вооружений является одним из высококонкурентных секторов мировой экономики, что обусловлено сочетанием геополитической напряженности, технологических достижений и стратегических национальных интересов. Страны по всему миру вкладывают значительные средства в оборонные закупки, превращая военную промышленность в капиталоемкий сектор мировой экономики. От обычных вооружений до передовых военных технологий конкуренция среди производителей вооружений интенсивна, а мировые державы борются за доминирование. Конкуренция в данной области связана с рядом политических, экономических и технологических факторов.

Ведущим аспектом является стремление к геополитическому влиянию. Активные региональные конфликты и проблемы безопасности стимулируют спрос на оружие, заставляют страны постоянно обновлять свои арсеналы, прибегать к закупкам у наиболее развитых в этом отношении стран. Поставляя оружие ключевым партнерам, государства укрепляют двусторонние связи и обеспечивают долгосрочное влияние [12]. США, Россия и Китай преобладают в военной промышленности и обеспечивают вооружением союзников и партнеров в различных регионах мира. Так, Китай активно продвигает военную продукцию в Африке и Азии, предлагая выгодные условия поставок [5]. Пекин стремится не только увеличить долю рынка, но и создать технологическую базу для независимого производства вооружений. Страны с прочными дипломатическими и военными связями зачастую предпочитают закупать оружие у своих союзников, чтобы укрепить отношения и обеспечить оперативную совместимость [8]. Например, государства-члены НАТО по большей части покупают оружие у американских фирм. Аналогичным образом Россия поставляет ВВТ странам, находящимся в сфере ее интересов, таким как Индия, государства Африки и Ближнего Востока, укрепляя тем самым свое геополитическое положение. По мнению американского аналитика Р. Каплана, экспорт оружия представляет собой форму «мягкой силы», позволяющей державам расширять влияние без прямого военного вмешательства⁴.

⁴ The Virtues of Hard Power. Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/stratfor/2013/05/22/the-virtues-of-hard-power/#2dc3f02f18f5> (accessed: 20.03.2025).

Оборонные бюджеты продолжают расти, государства отдают приоритет национальной безопасности, еще больше подпитывая спрос на передовое оружие. В оборонную промышленность активно инвестируют. Правительства предоставляют субсидии и льготные кредиты для повышения конкурентоспособности своих производителей. Так, государственной поддержкой пользуются организации российской Государственной корпорации «Ростех». В свою очередь, Китай развивает корпорацию “Norinco” и “AVIC”. Отмечается, что такие меры помогают удерживать конкурентоспособность национальных компаний в условиях жесткого соперничества. Помимо прочего, развитие собственных военных технологий позволяет странам снижать зависимость от импорта оружия и укреплять национальную безопасность.

Наряду с политическими причинами, существуют и экономические параметры. Продажа оружия формирует значимые экспортные доходы для государств-производителей, стимулирует экономическое развитие и обеспечивает рабочие места. Происходит борьба за рынки сбыта [6].

На современном этапе наблюдается усиление технологического соперничества. Конфликты становятся более технологичными, что вынуждает государства разрабатывать и внедрять новые виды вооружений. Инновации в области искусственного интеллекта, кибервойны, автономного оружия и гиперзвуковых ракет создают новые горизонты для конкуренции. Военные подрядчики и оборонные фирмы вкладывают значительные средства в исследования и разработки, что приводит к постоянному циклу технологических достижений. Страны и корпорации, которые не успевают за темпом технологических изменений, рискуют отстать как в военном, так и в экономическом плане.

Многие военные разработки находят применение в гражданской сфере — спутниковые технологии, беспилотные аппараты и системы связи. Например, технологии, разработанные в военной авиации, активно применяются в коммерческой, как это произошло с навигацией или электродистанционной системой управления. Как отмечает экономист Н. Смит, оборонные технологии часто оказываются катализатором инноваций в других отраслях промышленности⁵.

⁵ Defence science and innovation: An affordable strategic advantage. *JSTOR*. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep04083?seq=1> (accessed: 20.03.2025).

Каждая из лидирующих в настоящее время на рынке вооружений держав обладает уникальными технологическими преимуществами, стратегическими интересами и геополитическими целями, что определяет ее позиции на международной арене.

Соединенные Штаты долгое время занимают первую позицию на рынке вооружений. На протяжении двадцатилетнего периода американцы планомерно увеличивали объемы экспорта ВВТ. Среди их основных покупателей — страны с высокой платежеспособностью. Многие из них имеют собственные высокоразвитые и высокотехнологичные производства. Преимущества США кроются в высоких технологиях и широкой сети партнеров, которые предпочитают американские системы вооружений. Они активно используют военное сотрудничество как инструмент внешней политики, укрепляя влияние в Европе, Азии и на Ближнем Востоке. Программы военной помощи и совместные разработки способствуют упрочению долгосрочных связей с союзниками, что усиливает их конкурентоспособность на рынке. Однако Соединенные Штаты часто связывают соответствующий экспорт политическими требованиями, что ограничивает число контактов.

США и Россия (до 1991 г. Советский Союз) на протяжении большей части периода после 1950 г. неизменно были крупнейшими поставщиками вооружений. Тем не менее в последние годы разрыв между ними существенно увеличился. В период 2020–2024 гг. на фоне геополитических трансформаций доля России в глобальном экспорте сократилась до 7,8% против 21% в 2015–2019 гг.⁶ При этом, подобно Соединенным Штатам, Россия производит и экспортирует широкий спектр военной продукции. Игрет роль наследие СССР с высокоразвитым и масштабным оборонно-промышленным комплексом. Российское оружие славится своей надежностью, простотой в эксплуатации и сравнительно низкой стоимостью. Преимуществом является также гибкость предложений и отсутствие жестких политических условий при продаже оружия. Несмотря на санкции и политическое давление со стороны Запада, Россия сохраняет устойчивые ниши на рынках Азии и Африки. Особенно важную роль играют контракты с Индией, Китаем, Египтом и Алжиром. Однако текущие мировые события, в том числе конфликт на Украине, усложнили доступ России к некоторым международным рынкам и технологиям.

⁶ SIPRI Yearbook 2025. *SIPRI*. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2025> (accessed: 17.05.2025).

Китайская стратегия строится на быстром развитии собственной оборонной промышленности и постепенном превращении бывшего крупного импортера в экспортера широкого профиля. В 1990-е и 2000-е гг. КНР активно использовала внешний технологический задел, включая закупки российских систем, затем расширила национальную производственную базу и стала предлагать партнерам авиационную, бронетанковую, ракетную, военно-морскую и беспилотную технику. Китайское предложение привлекательно для государств, которым важны умеренная цена, гибкие финансовые условия, быстрое внедрение новых технологий и готовность к инфраструктурной увязке. Развитие военно-технического сотрудничества Китая с Африкой, Латинской Америкой и Юго-Восточной Азией помогает Пекину расширять влияние. Кроме того, страна активно использует экономические инициативы, такие как «Один пояс — один путь», для укрепления военно-политических связей с партнерами [21]. В то же время ограничением пока еще является определенный недостаток репутации китайского оружия.

Россия, США и Китай активно конкурируют в различных регионах мира. Каждая из стран использует свои технологические достижения, политические связи и экономические ресурсы для укрепления позиций на этом рынке.

В Европе ведущим экспортером вооружений остаются Соединенные Штаты благодаря тесному сотрудничеству со странами НАТО. По мнению эксперта по международной безопасности М. О'Хэнлона из Брукингского института, поддержка стран Восточной Европы американскими системами вооружений укрепляет позиции США на континенте⁷. Однако Россия способна сохранить влияние в ряде государств благодаря модернизации советских вооружений. Китай в данном регионе играет более ограниченную роль, хотя эксперт по азиатским исследованиям Э. Смалл отмечает нарастающее влияние там китайских технологий⁸.

Особенно остро конкуренция проявляется в Азии. США имеют прочные связи с Японией, Южной Кореей и Тайванем. Как утверждают некоторые аналитики, это сотрудничество направлено

⁷ Strategic responsibility: Rebalancing European and trans-Atlantic defense. *Brookings*. URL: <https://www.brookings.edu/articles/strategic-responsibility-rebalancing-european-and-trans-atlantic-defense/> (accessed: 17.03.2025).

⁸ China's military is tapping into EU-funded research. *Politico*. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-funds-research-that-involves-chinese-military-linked-universities/> (accessed: 17.03.2025).

на сдерживание растущего влияния Китая [20]. КНР, в свою очередь, укрепляет контакты с Пакистаном и другими странами Юго-Восточной Азии. Эксперт по китайской оборонной политике Т. Хедли подчеркивает роль Пекина в модернизации вооружений своих союзников⁹. Россия продолжает поставки в Индию и Вьетнам, что, согласно военному обозревателю А. П. Леонкову, помогает Москве сохранять влияние в регионе¹⁰.

Ближний Восток остается одним из крупнейших рынков вооружений в мире. США являются основным поставщиком для Саудовской Аравии, ОАЭ и Израиля. По мнению Э. Кордесмана из Центра стратегических и международных исследований, эти поставки поддерживают региональную стабильность и укрепляют позиции Вашингтона¹¹. Россия активно сотрудничает с Ираном, Сирией и Египтом, а политолог А. Л. Фролов указывает на возрастающее доверие там к российскому вооружению¹². Китай, как отмечает эксперт по Ближнему Востоку Н. Левинсон, постепенно усиливает свои позиции, предлагая беспилотные летательные аппараты и другую передовую технику¹³.

Усиливается конкуренция между Россией, США и Китаем на африканском континенте. Россия восстанавливает свое влияние, поставляя вооружение странам Северной и Центральной Африки. Эксперт по африканским отношениям П. Нантулья подчеркивает стратегическое значение этих поставок¹⁴. Китай активно инвестирует в экономику региона и предлагает вооружение по доступным ценам, в том числе с привязкой к инвестиционным программам, о чем пишет Юнь Сун из Института мира США¹⁵.

⁹ China's Modernizing Military. *Council on Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-modernizing-military> (accessed: 17.03.2025).

¹⁰ Леонков: Россия успешно действует в Центральной Азии. *Sputnik*. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20171130/5375570.html> (дата обращения: 17.03.2025).

¹¹ The Arab-U.S. Strategic Partnership and the Changing Security Dynamic of the Gulf. *CSIS*. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/151014_Cordesman_ArabUSStrategicPartnership_Web.pdf (accessed: 20.03.2025).

¹² Военный эксперт Андрей Фролов — о больших переменах на рынках вооружений в связи с военной операцией России на Украине. *Известия*. URL: <https://iz.ru/1311338/andrei-frolov/fakty-i-posledstviia> (дата обращения: 20.03.2025).

¹³ Column: Chinese, local drones reflect changing Middle East. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/apps-drones-idUSL5N20S5UZ/> (accessed: 20.03.2025).

¹⁴ Russia Sanctions a Boon for Chinese Arms Sales to Africa? *VOA*. URL: <https://www.voanews.com/a/russia-sanctions-a-boon-for-chinese-arms-sales-to-africa-/7010383.html> (accessed: 20.03.2025).

¹⁵ China's Expanding Security Footprint in Africa: From Arms Transfers to Military Cooperation. *ISPI*. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/chinas-expanding-security-footprint-in-africa-from-arms-transfers-to-military-cooperation-184841> (accessed: 20.03.2025).

Соединенные Штаты сохраняют позиции через программы военной помощи и обучение местных вооруженных сил, как отмечает М. Джонс из «Рэнд Корпорейшн»¹⁶.

В Латинской Америке США традиционно играют ведущую роль благодаря историческим связям и географической близости. Согласно мнению эксперта по Латинской Америке Э. Эллиса, американское влияние в регионе остается доминирующим [10]. Россия поставляет оружие в Венесуэлу, на Кубу и в Никарагуа, отмечается при этом устойчивый спрос на российское оружие¹⁷. Китай постепенно входит на региональный рынок, активно комбинирует военные контракты с инфраструктурными инвестициями¹⁸.

Конкуренция России, США и Китая на мировом рынке вооружений продолжается во всех регионах. Каждая из держав использует свои преимущества для укрепления позиций, что оказывает значительное влияние на международную безопасность и геополитический баланс сил. Эксперты сходятся во мнении, что дальнейшее развитие этой конкуренции будет определять международные отношения в XXI веке.

Несмотря на то, что вышеупомянутые страны-лидеры обладают компетенциями в производстве практически всех видов обычных вооружений, экспортная конкуренция наблюдается и по отдельным их видам.

Одним из самых конкурентных сегментов рынка вооружений являются истребители и другие боевые самолеты. В области военной авиации Россия и США конкурируют в производстве и поставках истребителей пятого поколения — Су-57 и F-22 Raptor, F-35 Lightning II соответственно. Хотя их стоимость существенно разнится, технические характеристики сопоставимы, а по мнению российского военного летчика генерал-майора В. А. Попова, Су-57 значительно превосходит F-22 и F-35 по маневренности¹⁹,

¹⁶ Factoring Africa into U.S. Security Policy. *RAND*. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA3437-1.html> (accessed: 20.03.2025).

¹⁷ «Перспективный регион»: как Россия укрепляет свои позиции на оружейном рынке Латинской Америки. *RT*. URL: <https://russian.rt.com/world/article/922938-latinskaya-amerika-oruzhie-eksport-rf> (дата обращения: 20.03.2025).

¹⁸ China's Growing Influence in Latin America. *Council on Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org/background/china-influence-latin-america-argentina-brazil-venezuela-security-energy-bri> (accessed: 20.03.2025).

¹⁹ Генерал сравнил Су-57 с американским F-35. *Лента.ру*. URL: <https://lenta.ru/news/2025/01/31/general-sravnil-su-57-s-amerikanskim-f-35/> (дата обращения: 18.03.2025).

что критически важно во время ближнего боя. В то же время в российском экспорте преобладают экономически эффективные и проверенные в бою Су-30 и Су-35. Китай активно расширяет экспорт своих самолетов, предлагая такие модели, как JF-17 (разработанный совместно с Пакистаном для их ВВС) и J-10С. Они успешно продаются развивающимся странам, ищущим современную авиацию по более низкой цене, таким как Пакистан, Мьянма, государства африканского континента.

Широким спросом на мировом рынке пользуются танки и бронетехника. В экспортной номенклатуре России в большинстве случаев представлены Т-72 и Т-90, включая модернизированный вариант, предлагается баланс ценовой доступности и огневой мощи. Американский М1 Abrams остается предпочтительным вариантом для хорошо финансируемых армий. Китай производит основные боевые танки VT-4 и VT-5, ориентируясь на развивающиеся военные державы.

Ракетные технологии, включая противовоздушные, противокорабельные и баллистические ракетные системы, являются растущей областью конкуренции. Россия добилась значительного прогресса в продвижении системы противовоздушной обороны С-400, которую приобрел ряд стран, в том числе Индия, Китай, Турция (член НАТО). Соединенные Штаты экспортируют передовые системы противовоздушной обороны Patriot и THAAD, которые используются такими союзниками, как Япония, Южная Корея и Саудовская Аравия. Китай расширяет экспорт через систему HQ-9 (конкурент Patriot и С-400), она поставлялась Пакистану и Алжиру.

Военно-морская мощь является еще одним важным полем конкуренции трех стран. Россия сосредоточилась на дизель-электрических подводных лодках, таких как класс Kilo, и малозаметных фрегатах, покупателями которых по большей части являлись Индия, Вьетнам и Алжир. США строят передовые военно-морские суда, включая эсминцы класса Arleigh Burke, в основном для своих традиционных партнеров — Японии, Австралии и Южной Кореи. Китай стал сильным конкурентом в военно-морском экспорте, выставив на продажу фрегаты и подводные лодки типа 054А.

Быстрорастущим сегментом мировой торговли оружием становятся беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Представленные на экспорт российские образцы «Орлан-10Е», «Орлан-30», «Орион-Э» уступают по потенциалу американскому

MQ-9 Reaper или китайскому Wing Loong, отличающимся тем не менее по классу. Однако ведется активная работа по совершенствованию разведывательных и ударных отечественных беспилотников, среди которых комплекс с барражирующими боеприпасами «Ланцет-Э», тяжелый БПЛА С-70 «Охотник».

В технологическом плане все же более очевидна тенденция соперничества в разработках, чем конкуренции. В развитие новых видов вооружений вкладываются большие средства. Передовые образцы, их демонстрация на различных международных выставках, а иногда и на поле боя, привлекают внимание покупателей, создают положительный имидж экспортера в целом, что также может сказаться на повышении спроса у конкретной страны-производителя.

Одним из ярких примеров политизации оружейной конкуренции стала закупка Турцией российской системы ПВО С-400. Анкара заключила контракт в 2017 г., а первые поставки получила в 2019 г., аргументируя выбор сочетанием стоимости и эффективности, а также сложностями переговоров по альтернативным предложениям. Вашингтон трактовал интеграцию С-400 как риск для инфраструктуры НАТО и для защиты чувствительной информации по F-35, предупреждал о последствиях и в итоге исключил Турцию из программы F-35, а также ввел санкции в рамках «Закона о противодействии противникам Америки посредством санкций»²⁰. Для России сделка стала демонстрацией способности выходить на рынки за пределами традиционной клиентуры и использовать экспорт ВВТ как инструмент укрепления политических связей. Для Турции — примером стремления к стратегической автономии в условиях усложняющейся региональной среды. В более широком смысле кейс показал, что конкуренция на рынке вооружений способна создавать трения внутри союзов и становиться фактором переформатирования военно-политических отношений.

Стратегическую конкуренцию США и Китая в Юго-Восточной Азии иллюстрирует опыт Таиланда. После военного переворота 2014 г. ограничения со стороны США сократили оборонное сотрудничество и ускорили диверсификацию закупок: в 2017 г. Таиланд одобрил приобретение китайской подводной

²⁰ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act-Related Sanctions. *Office of Foreign Assets Control*. URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act-related-sanctions> (accessed: 21.03.2025).

лодки S26T (393 млн долл. США)²¹ и закупил китайские танки VT-4²². На этом фоне Вашингтон предпринял попытку восстановить позиции, одобрив в 2019 г. продажу 60 бронемашин Stryker (около 175 млн долл. США)²³. Кейс демонстрирует, как государства-импортеры используют конкуренцию поставщиков для расширения выбора и маневра, а также как политические ограничения со стороны одного экспортера открывают окно возможностей для другого.

По мере усиления глобальной гонки вооружений конкуренция между Соединенными Штатами, Россией и Китаем будет продолжать формировать международную безопасность [11]. У каждой страны есть свои сильные стороны в разных категориях вооружений, привлекательные для разных рынков на основе цены, технологий и политической ориентированности. Продолжающееся соперничество не только подпитывает военную модернизацию во всем мире, но и укрепляет геополитические союзы и конкуренцию. В ближайшие годы ключевыми факторами успеха станут способность адаптировать продукты под нужды заказчиков, гибкость политических условий и готовность к долгосрочному сотрудничеству.

Следствия конкуренции и ее влияние на международную безопасность

Конкуренция мировых держав на рынке вооружений оказывает глубокое влияние на международную безопасность, экономику и политические отношения.

Наблюдается постоянное совершенствование военных технологий. Огромные средства вкладываются в исследования и разработки для получения стратегических преимуществ, что способствует появлению новых типов оружия. Активное развитие ведущих игроков в сфере вооружений приводит к необходимости адаптации оборонных систем других стран. В этой связи некоторые аналитики опасаются стремительной гонки вооружений.

²¹ Thailand approves \$393-mln purchase of Chinese submarines. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/world/thailand-approves-393-mln-purchase-of-chinese-submarines-idUSKBN17Q15N/> (accessed: 23.03.2025).

²² Thailand Receives Final Batch of VT-4 Battle Tanks From China. *Military Watch Magazine*. URL: <https://militarywatchmagazine.com/article/thailand-receives-final-batch-of-vt-4-battle-tanks-from-china> (accessed: 23.03.2025).

²³ Initial US approval for sale of Strykers to Thai army. *Bangkok Post*. URL: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/1721371/initial-us-approval-for-sale-of-strykers-to-thai-army> (accessed: 23.03.2025).

В последние годы демонстрируется рост военных расходов. Так, оборонный бюджет США в 2024 г. составил рекордные 886,3 млрд долл. США²⁴. Государства, стремясь не отставать от конкурентов, увеличивают данный показатель. Такая тенденция не может не оказывать давление на экономику и социальные статьи бюджета (Дж. Стиглиц; П. Коллиер)²⁵ [9], но одновременно оборонные инвестиции способны стимулировать инновации и занятость [17, с. 133–135]. В то же время обеспечение военного паритета снижает вероятность вооруженных столкновений, так как государства осознают высокую цену конфликта. В научной литературе представлены различные оценки данной взаимосвязи, та или иная линия поведения зависит от стратегии конкретной страны, а иногда и политических амбиций ее руководства.

Продажа оружия ведет к милитаризации регионов и может способствовать эскалации локальных конфликтов, особенно при слабом контроле конечного пользователя и рисках утечки вооружений. Б. Джонс подчеркивает, что бесконтрольное распространение ВВТ затрудняет урегулирование²⁶, тогда как Р. Вайц отмечает сдерживающий потенциал поставок союзникам²⁷.

Конкуренция на рынке вооружений порождает геополитическую напряженность: стремление к военному превосходству усиливает недоверие и повышает риск инцидентов в спорных зонах. Полемика о «сдерживании» Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе отражает противоположные оценки роли США и КНР^{28, 29}.

Наряду с рисками, инновации в ВПК нередко находят применение в гражданской сфере (навигация, связь, беспилотные технологии) и поддерживают развитие смежных отраслей. Д. Миндел

²⁴ Байден подписал оборонный бюджет США на рекордные \$886 млрд. *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/12/2023/658602639a79479e3d18ef4d> (дата обращения: 21.03.2025).

²⁵ Dangers of deficit-cut fetishism. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/mar/07/deficit-fetishism-government-spending> (accessed: 21.03.2025).

²⁶ The future of multilateral peacebuilding and conflict prevention. *Atlantic Council*. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/the-future-of-multilateral-peacebuilding-and-conflict-prevention/> (accessed: 22.03.2025).

²⁷ A Requiem for Dominance: New US Strategies to Deter Aggression. *Hudson Institute*. URL: <https://www.hudson.org/events/requiem-dominance-new-us-strategies-deter-aggression> (accessed: 22.03.2025).

²⁸ America's Security Role in the South China Sea. *CD*. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2015/07/americas-security-role-in-the-south-china-sea?lang=en> (accessed: 22.03.2025).

²⁹ The center of military power in the world is moving to Asia. *CS Monitor*. URL: <https://www.csmonitor.com/Commentary/Global-Viewpoint/2014/0327/Robert-Kaplan-The-center-of-military-power-in-the-world-is-moving-to-Asia> (accessed: 22.03.2025).

отмечает, что военные технологии часто опережают гражданские инновации и стимулируют новые решения³⁰ [16].

Конкуренция мировых держав на рынке вооружений имеет как технологические, так и геополитические последствия. Она обусловлена не только стремлением государств обеспечить свою безопасность, но и экономическими выгодами, и прежде всего политическими амбициями. Она может стимулировать научный прогресс, но также создает угрозу нестабильности, увеличивает экономические затраты. Для минимизации негативных эффектов необходимы международные соглашения и механизмы контроля вооружений, направленные на поддержание глобального баланса сил. По мнению эксперта по безопасности М. Кларка, без глобальных соглашений и эффективного контроля вооружений мир может столкнуться с новой эпохой нестабильности и конфликтов³¹.

Заключение

Конкуренция России, США и Китая на мировом рынке вооружений отражает более широкую перестройку международных отношений. Экспорт ВВТ служит каналом влияния, инструментом поддержки союзников и партнеров, механизмом промышленной политики и способом закрепления долгосрочной взаимозависимости. Поэтому анализ рынка вооружений требует учета стоимости контрактов, долей экспорта, политических условий, технологической совместимости, сервисной инфраструктуры и места поставок в региональных балансах.

США сохраняют лидерство благодаря технологическому превосходству, союзнической сети и способности предлагать комплексные решения в рамках устоявшихся структур безопасности. Россия, несмотря на сокращение доли в мировом экспорте и внешние ограничения, сохраняет значимые ниши за счет накопленной базы эксплуатации, развитых компетенций в отдельных сегментах и устойчивых связей с рядом партнеров. Китай укрепляет позиции благодаря промышленному росту, ценовой гибкости и увязке оборонного сотрудничества с более широкими экономическими инициативами.

³⁰ Timeless virtues, new technologies. *MIT*. URL: <https://news.mit.edu/2025/timeless-virtues-new-technologies-david-mindell-book-0205> (accessed: 22.03.2025).

³¹ The Future of Arms Control in a Multilateral and Multi-Domain Environment. *NATO Defence College Research Papers 21*. URL: <https://www.osti.gov/servlets/purl/1836208> (accessed: 22.03.2025).

Региональная динамика показывает, что конкуренция не имеет единой модели. В Европе она определяется союзническими обязательствами и стандартами НАТО, в Азии — балансированием между США и Китаем, на Ближнем Востоке — высокой платежеспособностью и остротой угроз, в Африке — стоимостью и простотой эксплуатации, в Латинской Америке — политическими циклами и стремлением к автономии. В отраслевом разрезе наиболее чувствительными остаются авиация, ПВО, ракетные технологии, военно-морские платформы, бронетехника и беспилотные комплексы.

Для международной безопасности такое соперничество имеет двойственный результат. Оно способно поддерживать сдерживание и обороноспособность партнеров, но в то же время может усиливать гонку вооружений и продлевать конфликты [18]. Оружие продолжает оставаться важным инструментом военной стратегии.

В перспективе конкуренция на рынке ВВТ будет оставаться напряженной и во многом технологической, а ее влияние на международную безопасность будет зависеть от способности государств развивать механизмы контроля над вооружениями и регулирования торговли оружием.

Литература

1. Барабанов С.В. Мировая торговля вооружениями и военной техникой. *Мировая экономика и международные отношения*. М.: ИМЭМО РАН, 1998. № 4. С. 99–112. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-1998-4-99-112>
2. Белоусов С.В. Мировой рынок оружия. *Мировая экономика и международные отношения*. М.: ИМЭМО РАН, 2010. № 7. С. 91–101. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-7-91-101>
3. Лященко В.П. Торговля оружием: основы теории и организации, государственное регулирование, мировая конъюнктура и конъюнктурный анализ, представительства субъекта ВТС в стране и за рубежом, международные торги (тендеры). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2010. 349 с.
4. Accommodating Rising Powers. Past, Present, and Future / Ed. by T.V. Paul. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 3. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316460191>
5. Bitzinger R.A. Arms to Go: Chinese Arms Sales to the Third World. *International Security*. 1992. Vol. 17, № 2. P. 84–111. <https://doi.org/10.2307/2539169>
6. Brzoska M. The Economics of Arms Imports After the End of the Cold War. *Defence and Peace Economics*. 2004. Vol. 15, № 2. P. 111–123. <https://doi.org/10.1080/1024269032000110496>
7. Catrina C. Arms Transfers and Dependence. Geneva; New York: UNIDIR; Taylor & Francis, 1988. 409 p.
8. Chou C.C., Teng C.-S., Tung H.H. How do alliances trade arms? Political alliance networks and global arms transfers. *PLOS ONE*. 2023. Vol. 18, № 3. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0282456>
9. Collier P. War and Military Spending in Developing Countries and Their Consequences for Development. *The Economics of Peace and Security Journal*. 2006. Vol. 1, № 1. — P. 10–13.
10. Ellis R.E. America's Strategy for Latin America and the Caribbean. *Air & Space Power Journal — Africa and Francophonie*. 2017. Vol. 8, № 2. P. 10–31.

11. García-Alonso M.D.C., Levine P. Arms Trade and Arms Races: A Strategic Analysis. *Handbook of Defense Economics*. Vol. 2. Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 941–971. [https://doi.org/10.1016/S1574-0013\(06\)02029-1](https://doi.org/10.1016/S1574-0013(06)02029-1)
12. Kim T., Yarhi-Milo K., Lanoszka A., Cooper Z. To Arm or to Ally? The Patron's Dilemma and the Strategic Logic of Arms Transfers and Alliances. *International Security*. 2016. Vol. 41, № 2. P. 90–139. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00250
13. Kinne B.J. Agreeing to Arm: Bilateral Weapons Agreements and the Global Arms Trade. *Journal of Peace Research*. 2016. Vol. 53, № 3. P. 359–377. <https://doi.org/10.1177/0022343316630037>
14. Kinsella D. Arms Transfer Dependence and Foreign Policy Conflict. *Journal of Peace Research*. 1998. Vol. 35, № 1. P. 7–23. <https://doi.org/10.1177/0022343398035001002>
15. Krause K. Arms and the State: Patterns of Military Production and Trade. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 299 p.
16. Martí Sempere C. What Is Known About Defence Research and Development Spill-Over? *Defence and Peace Economics*. 2018. Vol. 29, № 3. P. 225–246. <https://doi.org/10.1080/10242694.2016.1239364>
17. Mazzucato M. The Entrepreneurial State. *Soundings*. 2011. Vol. 49, № 49. P. 131–142. <https://doi.org/10.3898/136266211798411183>
18. Moore M. Selling to Both Sides: The Effects of Major Conventional Weapons Transfers on Civil War Severity and Duration. *International Interactions*. 2012. Vol. 38, № 3. P. 325–347. <https://doi.org/10.1080/03050629.2012.676511>
19. Pierre A.J. The Global Politics of Arms Sales. Princeton: Princeton University Press, 1982. 352 p.
20. Winkler S.C. Strategic Competition and US–China Relations: A Conceptual Analysis. *The Chinese Journal of International Politics*. 2023. Vol. 16, № 3. P. 333–356.
21. Yang C.H. Determinants of China's Arms Exports: A Political Economy Perspective. *Journal of the Asia Pacific Economy*. 2020. Vol. 25, № 1. P. 156–174. <https://doi.org/10.1080/13547860.2019.1637706>

References

1. Barabanov S.V. World Trade in Arms and Military Equipment. *World Economy and International Relations*. Moscow: IMEMO RAS, 1998. № 4. P. 99–112. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-1998-4-99-112>. (In Russ.)
2. Belousov S.V. World Arms Market. *World Economy and International Relations*. Moscow: IMEMO RAS, 2010. № 7. P. 91–101. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-7-91-101>. (In Russ.)
3. Liashchenko V.P. Trade in Arms: Fundamentals of Theory and Organization, State Regulation, World Market Conditions and Market Analysis, Representations of the Subject of Military-Technical Cooperation in the Country and Abroad, International Bidding (Tenders). 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Ekonomika, 2010. 349 p. (In Russ.)
4. Accommodating Rising Powers. Past, Present, and Future / Ed. by T.V. Paul. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 3. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316460191>
5. Bitzinger R.A. Arms to Go: Chinese Arms Sales to the Third World. *International Security*. 1992. Vol. 17, № 2. P. 84–111. <https://doi.org/10.2307/2539169>
6. Brzoska M. The Economics of Arms Imports After the End of the Cold War. *Defence and Peace Economics*. 2004. Vol. 15, № 2. P. 111–123. <https://doi.org/10.1080/1024269032000110496>
7. Catrina C. Arms Transfers and Dependence. Geneva; New York: UNIDIR; Taylor & Francis, 1988. 409 p.
8. Chou C.C., Teng C.-S., Tung H.H. How do alliances trade arms? Political alliance networks and global arms transfers. *PLOS ONE*. 2023. Vol. 18, № 3. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0282456>
9. Collier P. War and Military Spending in Developing Countries and Their Consequences for Development. *The Economics of Peace and Security Journal*. 2006. Vol. 1, № 1. P. 10–13.
10. Ellis R.E. America's Strategy for Latin America and the Caribbean. *Air & Space Power Journal — Africa and Francophonie*. 2017. Vol. 8, № 2. P. 10–31.
11. García-Alonso M.D.C., Levine P. Arms Trade and Arms Races: A Strategic Analysis. *Handbook of Defense Economics*. Vol. 2. Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 941–971. [https://doi.org/10.1016/S1574-0013\(06\)02029-1](https://doi.org/10.1016/S1574-0013(06)02029-1)

12. Kim T., Yarhi-Milo K., Lanoszka A., Cooper Z. To Arm or to Ally? The Patron's Dilemma and the Strategic Logic of Arms Transfers and Alliances. *International Security*. 2016. Vol. 41, № 2. P. 90–139. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00250
13. Kinne B.J. Agreeing to Arm: Bilateral Weapons Agreements and the Global Arms Trade. *Journal of Peace Research*. 2016. Vol. 53, № 3. P. 359–377. <https://doi.org/10.1177/0022343316630037>
14. Kinsella D. Arms Transfer Dependence and Foreign Policy Conflict. *Journal of Peace Research*. 1998. Vol. 35, № 1. P. 7–23. <https://doi.org/10.1177/0022343398035001002>
15. Krause K. Arms and the State: Patterns of Military Production and Trade. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 299 p.
16. Marti Sempere C. What Is Known About Defence Research and Development Spill-Overs? *Defence and Peace Economics*. 2018. Vol. 29, № 3. P. 225–246. <https://doi.org/10.1080/10242694.2016.1239364>
17. Mazzucato M. The Entrepreneurial State. *Soundings*. 2011. Vol. 49, № 49. P. 131–142. <https://doi.org/10.3898/136266211798411183>
18. Moore M. Selling to Both Sides: The Effects of Major Conventional Weapons Transfers on Civil War Severity and Duration. *International Interactions*. 2012. Vol. 38, № 3. P. 325–347. <https://doi.org/10.1080/03050629.2012.676511>
19. Pierre A.J. The Global Politics of Arms Sales. Princeton: Princeton University Press, 1982. 352 p.
20. Winkler S.C. Strategic Competition and US–China Relations: A Conceptual Analysis. *The Chinese Journal of International Politics*. 2023. Vol. 16, № 3. P. 333–356.
21. Yang C.H. Determinants of China's Arms Exports: A Political Economy Perspective. *Journal of the Asia Pacific Economy*. 2020. Vol. 25, № 1. P. 156–174. <https://doi.org/10.1080/13547860.2019.1637706>

Давыдов Станислав Геннадьевич,

доктор исторических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Общеакадемический факультет, Москва.

Stanislav G. Davydov,

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, All-Academic Faculty, Moscow.
E-mail: a105trk@yandex.ru

Кукарека Андрей Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Общеакадемический факультет, Москва.

Andrey N. Kukareka,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, All-Academic Faculty, Moscow.
E-mail: akukareka@mail.ru

Шишков Василий Валерьевич,

кандидат политических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Общеакадемический факультет, Москва.

Vasiliy V. Shishkov,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, All-Academic Faculty, Moscow.
E-mail: fh55@mail.ru

**«ДОКТРИНА ТРАМПА»:
ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К РОССИИ
В СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ США**

**“TRUMP’S DOCTRINE”:
EVOLUTION OF APPROACHES
TO RUSSIA IN THE U.S. NATIONAL SECURITY
STRATEGY**

Аннотация: в статье исследуются изменения в стратегии Америки по отношению к России, представленные в одном из важнейших политических документов США — Стратегии национальной безопасности. Работа направлена на исследование преемственности и изменчивости в американской внешней политике и политике национальной безопасности, направленной на ограничение российских национальных интересов. В центре исследовательского внимания — проблема формирования политики новой администрации Трампа в отношении России. В работе использовались такие методы, как компаративный анализ и контент-анализ. Изучение используемых материалов и политических событий сопровождалось применением методов системного и ситуационного анализа.

Предпосылкой разработки проблемы выступает то обстоятельство, что анализ СНБ дает возможность составить довольно полное представление об актуальных целях Вашингтона и об основных способах, которыми предполагается их достижение.

Исследование содержит последовательное рассмотрение и сопоставление документов 2015, 2017, 2022 и 2025 годов. Стратегические установки, выраженные в них, сопоставлены с политикой Вашингтона на российском направлении. Отдельное внимание уделяется изучению данных документов, рассматриваемых в качестве выражения представлений внешнеполитического истеблишмента США по российскому вопросу. Проведенный в рамках исследования контент-анализ американских документов демонстрирует, что с 2014 г. стратегия Вашингтона в отношении России сохраняла свою преемственность.

В работе обосновывается вывод об укорененности антагонизма по отношению к России в стратегических установках внешнеполитического истеблишмента США. Алармизм в отношении России стал руководством к действиям, направленным на военную поддержку Украины, формирование антироссийской коалиции, усиление военного присутствия в Европе, новый этап расширения НАТО и усиление санкционного давления. Проведенное исследование позволило высказать предположение об эволюции данных установок от нарастающего алармизма к проявлению скептического восприятия российского внешнеполитического потенциала.

Ключевые слова: внешнеполитический истеблишмент США, либеральный мировой порядок, Стратегия США, российско-украинский конфликт, расширение НАТО, национальные интересы России, национальная безопасность России.

Abstract: the article examines the changes in America's strategy towards Russia, presented in one of the most important political documents of the United States — the National Security Strategy. The work is aimed at investigating the continuity and variability in American foreign and national security policy aimed at limiting Russian national interests. The research focuses on the problem of shaping the policy of the new Trump administration towards Russia. Methods such as comparative analysis and content analysis were used in the work. The study of the materials used and political events was accompanied by the use of methods of system and situational analysis.

The prerequisite for developing the problem is the fact that the NSC analysis makes it possible to get a fairly complete picture of Washington's current goals and the main ways in which they are supposed to be achieved.

The study contains a consistent review and comparison of documents from 2015, 2017, 2022 and 2025. The strategic objectives expressed in them are compared with Washington's policy in the Russian direction. Special attention is paid to the study of these documents, considered as an expression of the views of the US foreign policy establishment on the Russian issue. The content analysis of American documents conducted as part of the study demonstrates that since 2014, Washington's strategy towards Russia has maintained its continuity.

The paper substantiates the conclusion that antagonism towards Russia is rooted in the strategic attitudes of the US foreign policy establishment. Alarmism against Russia has become a guide to actions aimed at military support for Ukraine, the formation of an anti-Russian coalition, strengthening the military presence in Europe, a new stage of NATO expansion and increased sanctions pressure. The conducted research allowed us to suggest the evolution of these attitudes from increasing alarmism to a manifestation of skeptical perception of Russian foreign policy potential.

Keywords: The US foreign policy establishment, the liberal world order, the US Strategy, the Russian-Ukrainian conflict, the expansion of NATO, Russia's national interests, Russia's national security.

Введение

Более десятилетия непрерывно нарастает напряженность в отношениях между Россией и Америкой. Вашингтон последовательно препятствует реализации внешнеполитических интересов России, стремясь истощить ее потенциал в качестве самостоятельного центра силы и ограничить формирование благоприятных внешних условий для российского развития¹. До недавнего времени открытая враждебность США политике Москвы могла привести к все менее контролируемой эскалации противостояния. В настоящее время противоречия между Москвой и Вашингтоном остаются без разрешения.

Избрание Д. Трампа в 2024 г. на второй президентский срок повлекло за собой изменения во внешней политике США. Период, прошедший со времени вступления в должность президента, отмечен яркими выступлениями самого главы американского государства и членов его администрации. Не менее эффектными стали военные акции в Иране, Венесуэле и Нигерии. Новое политическое руководство настаивает на своем прагматичном подходе к внешней политике. При этом осуществляет военные авантюры в Иране, проявляет непоследовательность в инициативах по урегулированию конфликта на Украине. Перечень примеров может быть продолжен. В связи с этими обстоятельствами одной из центральных тем международной повестки выступает вопрос о новой стратегии США.

В определенной степени ответ на данный вопрос представлен в документе — Стратегия национальной безопасности США (далее — СНБ, Стратегия), опубликованном в декабре 2025 г., в котором представлена позиция Белого дома по основным направлениям внешней политики и обеспечению национальной безопасности.

Данная статья направлена на исследование изменений в стратегии Америки по отношению к России. Предмет работы заключается в изучении эволюции подходов Белого дома на российском направлении, в особенности формирования стратегии администраций Трампа 2017 и 2025 гг.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Указом Президентом Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 03.01.2026).

Цель работы заключается в исследовании проблемы преемственности и изменчивости американской стратегии, направленной на ограничение российских национальных интересов.

Теоретико-методологическую основу статьи составляют публикации отечественных ученых, систематически исследующих проблемное поле российско-американских отношений и вопросы, связанные со стратегией Вашингтона: А. Д. Богатурова, В. Н. Конышева, О. П. Иванова, О. В. Приходько, А. А. Сергунина, А. В. Фененко, Т. А. Шаклеиной [3; 8; 7; 10; 13; 15] и других отечественных международных.

Авторы данной статьи исходят из того, что во внешнеполитическом истеблишменте США сформировались несколько устойчивых систем взглядов на Россию, описанных И. А. Сафранчуком: скептицизм, алармизм, реализм и сотрудничество без условий [11]. Данные подходы продолжают оказывать влияние на определение стратегического курса Вашингтона. Представляется, что действующая администрация Белого дома формирует собственный взгляд на Россию и двусторонние отношения.

Характеристика СНБ в качестве документа американской внешней политики

В американской стратегической культуре безопасность понимается как комплекс превентивных мер по предотвращению появления угроз [14, с. 69]. СНБ США — это публичный политический документ, определяющий обеспечение национальной безопасности преимущественно в сфере внешней политики.

Обязанность президента США принять и утвердить такой документ предусмотрена законом Голдуотера — Николса, подписанным Р. Рейганом 01.10.1986 (Goldwater-Nichols Department of Defense Reorganization Act of 1986²). Стратегия имеет фундаментальное значение для формирования стратегических установок в сфере национальной безопасности и обороны Америки. Документ не только адресован американскому внешнеполитическому истеблишменту, но и представляет собой своего рода декларацию о внешнеполитических приоритетах действующей администрации Белого дома. В последние десятилетия в СНБ рассматривается положение дел в мире с точки зрения угроз и вызовов притязаниям США на лидерство и доминирование в мире.

² Goldwater-Nichols Department of Defense Reorganization Act of 1986. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/dod_reforms/Goldwater-NicholsDoDRoordAct1986.pdf (accessed: 03.01.2026).

В целом можно говорить о том, что рассмотрение положений Стратегии позволяет увидеть актуальную картину мировой политики, основные противоречия международных отношений и их основных участников глазами руководства Белого дома.

**СНБ-2017: Белый дом определяет,
что Россия становится ревизионистской державой**

После победы на президентских выборах Д. Трампа — кандидата от республиканцев, приход в Белый дом новой администрации повлек пересмотр основ стратегии США, сформированных за период президентства Б. Обамы.

К этому времени отношения между Россией и США уже двигались по нисходящей траектории. Попытка перезагрузки по вопросам межгосударственного взаимодействия, предпринятая администрацией Обамы, не дала результатов. Вашингтон не планировал отступать от принципиальных основ своей стратегии, таких как утверждение своего одностороннего превосходства, расширение НАТО, размещение элементов противоракетной обороны вблизи российских границ, ограничение политики России на постсоветском пространстве.

Следствием стала череда «цветных революций» в странах СНГ, «пятидневная война» 2008 г. и кризис на Украине. В 2014 г., после воссоединения Крыма с Россией и восстание на Донбассе США пошли на политическую и материальную поддержку Украины.

На уровне осмысления стратегического курса в СНБ-2015³ постулировалась необходимость противостояния «российской агрессии» и впервые прозвучала тревога за сохранение американского лидерства. Авторы обращали внимание на усилившийся динамизм международных отношений, связанный с изменением баланса мощи среди государств. Политика России рассматривалась в качестве открытого вызова господству Америки.

Новая администрация Белого дома по-своему подошла к формулированию основ стратегии США, в том числе по отношению к России.

СНБ-2017⁴ основана на постулатах «Сделать Америку снова великой» и «Америка прежде всего». В документе декларируется

³ The National Security Strategy of the United States of America. *The White House*. Washington, D.C., February 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 03.01.2026).

⁴ The National Security Strategy of the United States of America. *The White House*. Washington, D.C., December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 03.01.2026).

рассмотрение национальных интересов и безопасности с позиций «принципиального реализма» — сильное и суверенное американское государство выступает главной гарантией процветания. На первый план было поставлено обеспечение интересов американского народа, его процветания и образа жизни.

Благостная картина мира, объединенного глобальным сотрудничеством и ведомого США к процветанию, рисуемая администрацией Б. Обамы, в котором лишь отдельные страны, такие как Россия, еще стремятся сохранить свою самостоятельность, резко сменяется описанием геополитического соперничества, представленного в СНБ-2017. Согласно документу, Америка находится в мире, в котором нарастает конкуренция великих держав — Китая и России («ревизионистские державы»), что требует радикального пересмотра ложных идей о вовлечении соперников в глобальное взаимодействие и перехода к политике «сохранения мира посредством силы».

С точки зрения авторов документа, Россия вновь желает стать великой державой. Также в планы Москвы входит воссоздание сферы влияния. Российская стратегия направлена на подрыв трансатлантического единства и ограничение влияния США в мире с тем, чтобы изменить мировой порядок в свою пользу. Россия представлена в качестве основной проблемы безопасности в Европе [6, с. 16]. При этом разработчики документа не считали, что действия Москвы выйдут за пределы порога открытого военного конфликта.

В итоге, за риторикой «принципиального реализма» сохранялась основная идея американской внешней политики — обеспечение экономического и военного превосходства США. Алармизм по отношению к Москве нарастал. Россия, поставленная в один ряд с Китаем в качестве ревизионистской державы, оказывалась в положении основного геополитического соперника Америки, оспаривающего свободу рук США в одном из критических регионов — Европе и обладающего модернизированными стратегическими ядерными силами, способными угрожать критической американской инфраструктуре.

Необходимо ответить на вопрос: насколько декларируемые положения СНБ-2017 были реализованы в политике администрации Трампа. Следует отметить, что Россия стала одним из основных объектов санкций, В 2018 г. Белый дом заявил о выходе из ДРСМД, и в 2019 г. вышел из данного договора. Администрация Трампа стала инициатором выхода из Договора по открытому

небу. В 2017 г. были начаты поставки летального оружия на Украину. Также была открыта возможность приобретения американского оружия Киевом на платной основе. Было увеличено финансирование вооруженных сил США в Европе и развернуты военные подразделения на восточном фланге НАТО в Польше и Прибалтике [9]. В этот же период США перешли к политике энергетического доминирования [4], а по сути, к установлению контроля за мировыми энергопотоками, что стало еще одной сферой соперничества с Москвой.

В целом можно сказать, что, выбирая путь развития российско-американских отношений, администрация Трампа выбрала сценарий алармистской конфронтации [1; 2]. Политика администрации Трампа по отношению к России не только стала продолжением предыдущей администрации, но была более жесткой и не склонной к компромиссам по наиболее актуальным вопросам двусторонних отношений. Характеристика России в СНБ-2017 в качестве ревизионистской державы выразилась в комплексе мер, направленных на сдерживание Москвы и подрыв российской безопасности.

СНБ-2022: несостоявшийся триумф «алармистов». Россия как стратегическая угроза США и их союзникам

После выборов 2020 г., сопровождавшихся политическим кризисом в Белом доме, сменилась администрация, пост президента занял кандидат от Демократической партии Дж. Байден.

Изданию новой Стратегии предшествовала публикация Предварительного стратегического руководства по вопросам национальной безопасности (Interim National Security Strategic Guidance, далее — ПСР)⁵ — временного документа, призванного спешно заменить СНБ времен президентства Трампа⁶. Документ был направлен на переориентацию внешней политики и политики национальной безопасности на действия в интересах глобального лидерства США. При этом сохранялся алармистский подход, выраженный в предыдущих стратегических документах.

⁵ Interim National Security Strategic Guidance. White House. Washington, D.C., March 2021. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed: 07.02.2026).

⁶ Сушенцов А.А. Внутренние противоречия новой внешнеполитической доктрины Джо-зефа Байдена. 12.04.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vnutrennie-protivorechiya-novoy-doktriny-baydena/> (дата обращения: 07.02.2026).

Только через полтора года Белый дом представил новый полноценный документ — Стратегию 2022⁷. Ко времени принятия СНБ-2022 в российско-американских отношениях произошли существенные изменения. В 2021 г. противоречия между Москвой и Вашингтоном включали широкий спектр вопросов: стратегическая стабильность, расширение НАТО, поставки энергоресурсов в Европу (Северный поток — 2), санкционное давление, кибербезопасность, борьба с терроризмом, а также формат дипломатических отношений. Особое значение для двусторонних отношений имела проблема Украины и реализация Минских соглашений. Попытки Киева уклониться от исполнения данных договоренностей и пойти на эскалацию на Донбассе привели к сосредоточению российских войск у зоны конфликта.

Переговоры Путина и Байдена в Женеве 16.01.2021 стали возможностью обсудить эти и другие вопросы [5], но к процессу выстраивания диалога они не привели. Представляется, что Белому дому в отношениях с Москвой на данном этапе не удалось руководствоваться идеями, выраженными в ПСР.

В декабре 2021 г. МИД России представил США и НАТО проект договора, предусматривающего ограничения расширения Североатлантического альянса и влияния США на постсоветском пространстве, который был отклонен в Вашингтоне и Брюсселе.

Специальная военная операция, начавшаяся 24.02.2022, стала во многом ответом на усиление угроз России со стороны США и поддержке с их стороны провокационных действий Украины. Действия Москвы имели превентивный характер с учетом того, что Вашингтон не отказался от своих обещаний включить Украину в НАТО. Ко времени публикации СНБ-2022 Америка перешла к военной поддержке Киева и ввела беспрецедентные санкции против России. Вашингтон пошел на полномасштабное вовлечение в конфликт почти за 8 тыс. километров от своих границ.

Данные обстоятельства не могли не найти отражения в СНБ-2022. Однако следует сказать несколько слов об общем подходе к международным отношениям и внешней политике, выраженном в документе.

Система и участники международных отношений представлены в черно-белых красках. С одной стороны — демократии, возглавляемые Америкой. С другой — набирающие силу авто-

⁷ National Security Strategy. October 12, 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (accessed: 07.02.2026).

кратии: Китай и Россия. Тональность документа близка к эсхатологической. Мир в целом ставится перед дилеммой: объединиться вокруг США для решения глобальных (трансграничных) проблем — изменение климата, нехватка энергии, вызовы в обеспечении продовольственной безопасности, угрозы, связанные с распространением инфекционных заболеваний, терроризма, — или стать ареной соперничества и конфликтов в условиях стремительно ухудшающихся условий существования. Логика документа заключается в том, что без превосходства США в новом геополитическом противостоянии оказывается невозможным спасение всех стран от глобальных вызовов.

России уделено особое внимание, она охарактеризована в качестве непосредственной угрозы либеральному мировому порядку, возглавляемому США. Москва обвиняется в том, что проводит империалистическую внешнюю политику, кульминацией которой стало вторжение на Украину, и представляет собой угрозу безопасности в Европе. В СНБ-2022, в части, исключительно посвященной России, подробно описываются все эпизоды политики Москвы, вызывающие недовольство в Вашингтоне, начиная с событий 2014 г. и заканчивая внутренней российской политикой. По мнению авторов документа, российская политика должна быть обречена на стратегическое поражение.

Следует согласиться с П. Ю. Тебиным, в документе речь идет о «долгосрочном, всеобъемлющем окружении России»⁸. В СНБ-2022 содержится 71 упоминание о России, и в этом отношении Стратегия превосходит все другие документы (см. таблицу). О противодействии российской политике говорится в связи со стратегической стабильностью, киберугрозами, военным строительством, энергетической и продовольственной безопасностью, Арктикой и Африкой. Москва представлена соперником, действия которого нуждаются во всестороннем сдерживании, превосходящем пределы времен холодной войны.

Администрация Байдена последовательно придерживалась курса на стратегическое поражение России, стремясь не допустить подъема нового центра силы на евразийском континенте [16]. Белый дом расширил санкции в отношении Москвы и российских компаний. США последовательно осуществляли поддержку Украины и поставки вооружений. Байден

⁸ Тебин П. О новой Стратегии национальной безопасности США. Валдайские записки № 120. Декабрь 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/43490/> (дата обращения: 07.02.2026).

предоставлял согласие на удары американскими ракетами по российской территории. В рамках расширения трансатлантического партнерства в НАТО были приняты Швеция и Финляндия, что создало новую угрозу на северо-западных рубежах России, и был развернут штаб координации усилий по помощи Украине. Также в период президентства Байдена отмечалась политическая дестабилизация в Грузии и Молдавии — постсоветских странах, входящих в сферу стратегического внимания США.

Политические контакты с российской стороной были практически прекращены. Белый дом, руководствуясь доводами «алармистов» в политическом истеблишменте, не видел иного пути урегулирования конфликта на Украине, кроме признания Россией своего поражения. Такое признание уже в силу самого факта должно было разрешить все имеющиеся противоречия в пользу США.

Тем не менее ход вооруженного конфликта, экономическая и социально-политическая устойчивость России показали несостоятельность стратегии Вашингтона.

СНБ-2025: формирование «доктрины» Трампа. Россия и европейские союзники США

Победа Трампа на президентских выборах в 2024 г. привела к очередному пересмотру стратегических установок США. Новой администрации потребовалось время для того, чтобы сформулировать свое видение стратегических приоритетов Америки.

По мнению А. В. Сушенцова, Ежегодный обзор угроз национальной безопасности (Annual Threat Assessment 2025⁹) должен был предварять появление новой Стратегии. В этом документе главным внешнеполитическим вызовом для США становится усиливающаяся координация между Россией, Китаем, Ираном и КНДР¹⁰. В Стратегии, изданной новой администрацией Трампа, содержались существенные отличия от прежнего подхода.

⁹ Annual Threat Assessment of The U.S. Intelligence Community. March 2025. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2025-Unclassified-Report.pdf> (accessed: 07.02.2026).

¹⁰ Сушенцов А.А. Что общего у Байдена и Трампа? Обзор доклада разведки США об угрозах в 2025 году. URL: <https://rutube.ru/video/768efbb6215491d7d49f347413c8cf64/> (дата обращения: 07.02.2026).

СНБ-2025 опубликована в ноябре прошлого года¹¹. Стратегия возвращает лозунг «Америка прежде всего» во внешнюю политику США. При рассмотрении документа обращает на себя внимание его структура, заголовки первых трех разделов сформулированы в форме вопросов: «В чем заключается американская стратегия?», «Чего должны хотеть Соединенные Штаты?» и «Каковы средства Америки, чтобы получить то, что Мы хотим?». В данных разделах в сжатом виде представлена критика глобалистской стратегии США после холодной войны и обоснование нового взгляда на национальные интересы и национальную безопасность.

Непосредственно вопросам стратегии посвящена четвертая часть документа, которая начинается с рассмотрения десяти принципов, среди которых: Мир через силу, Предрасположенность к невмешательству, Гибкий реализм, Баланс сил и другие. Анализ данных принципов показывает, что Белый дом рассматривает национальные государства в качестве основных участников международных отношений и отказывается от вмешательства во внутреннюю политику. Основное внимание смещается в сторону крайне прагматично понимаемых национальных интересов Америки и поддержанию такого баланса сил в мире, который бы не позволил ограничивать американскую политику. Иными словами, Вашингтон готов уважать интересы других государств, но только до тех пор, пока они не затрагивают американские интересы.

Документ имеет выраженный декларативный характер, по стилистике существенно отличается от предыдущих стратегий, избегая эпитетов в адрес держав-конкурентов¹². Если СНБ-2017, несмотря на трампистские лозунги, развивала идеи, заложенные в предыдущем документе, например о державах, представляющих угрозу для Соединенных Штатов, то СНБ-2025 сосредоточена на перестройке принципиальных основ внешней политики и политики национальной безопасности. Стратегия 2025 полностью отказывается от идеи глобального мира, ведомого США к процветанию, — идеи, наиболее заметно представленной в документе администрации Байдена.

¹¹ National Security Strategy of the United States of America. *White House*. Washington, D.C., November 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed: 07.02.2026).

¹² Сучков М. Америка сердится и сосредотачивается. *Коммерсантъ*. 07.12.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8268996> (дата обращения: 07.02.2026).

Может создаться впечатление, что, отказываясь от либерального порядка, администрация Трампа готова скорректировать внешнюю политику в пользу дипломатии и поиска консенсуса. Здесь следует обратиться к «доктрине Трампа», озвученной вице-президентом Дж. Вэнсом после ударов по Ирану в 2025 г., состоящей в четком соотношении национальных интересов, дипломатии и применения силы. Принципы внешней политики и политики безопасности, изложенные в СНБ-2025, расширяют, дополняют и уточняют данный подход. Мир через силу — это не просто фигура речи, а скорее руководство к действию для администрации Белого дома.

П. Ю. Тебин полагает, что, хотя Америка остается экспансионистской державой и несмотря на идею «мира посредством силы», акцент делается на внешнеполитических аспектах, а не военных [12]. Заметим, что картина мира, считываемая в документе 2025 г., скорее походит на гоббсовскую «войну всех против всех», в которой прав тот, кто сильнее, чем на готовность к выстраиванию равноправного диалога с основными акторами международных отношений.

Заметим, что китайские исследователи более однозначны в оценке документа. Основным содержанием документа, по их мнению, выступает не снижение стратегической враждебности, а открытие нового этапа «гибридной войны», направленной на максимизацию преимуществ и минимизацию издержек США и максимизацию затрат противника на развитие¹³. Так, в отношениях Пекина и Вашингтона, на взгляд китайских экспертов, не может быть места иллюзиям: «не следует недооценивать упорство Соединенных Штатов рассматривать Китай как своего главного противника»¹⁴. Такие оценки документа и американской политики связаны не только с напряженностью в двусторонних отношениях, но и с практикой политики Вашингтона, в том числе в первый президентский срок Трампа.

¹³ Ван Пэн. В последнем докладе «Стратегия национальной безопасности» США подчеркивает важность «прагматичного сдерживания» Китая. Дипломатическая мысль Си Цзиньпина и дипломатия Китая в новую эпоху. 10.12.2025. 王鹏. 美国最新《国家安全战略》报告突出对华“务实遏制”. 习近平外交思想和新时代中国外交网站. URL: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2025-12/10/content_118220692.shtml (дата обращения: 21.02.2026).

¹⁴ У Чунси, Шао Юйцзюнь, Сюэ Лэй, Су Лю Цян, Чжан Чун. Когда появляется точка перегиба? Возможные тенденции политики Трампа 2.0 в отношении Китая. Доклад Американского исследовательского центра Шанхайского института международных исследований. Октябрь 2025 г. 吴纯思 邵育群 薛磊 苏刘强 张翀. 特朗普2.0对华政策之可能趋势. URL: <https://www.sis.org.cn/updates/cms/cms/202510/302028391mh2.pdf> (дата обращения: 21.02.2026).

Россия в СНБ 2025 упоминается 10 раз (для сравнения, Китай — 22), что является наименьшим количеством упоминаний среди рассматриваемых документов. В большинстве случаев о России говорится в разделе «Продвижение европейского величия» (Promoting European Greatness). В данном разделе указывается на то, что выстраивание союзнических отношений с обновленными европейскими странами, стремящимися восстановить свое бывшее величие, составляет стратегический интерес США. В связи с этим наиболее приоритетно восстановление условий стабильности в Европе.

Заслуживает внимания указание в документе на то, что в долгосрочной перспективе некоторые члены НАТО утратят свою европейскую идентичность. В связи с этим в СНБ-2025 ставится вопрос о том, сохранят ли такие государства свою приверженность союзу с США. В стратегии предлагается активно противодействовать этой тенденции. Кроме того, для Вашингтона важно не допустить наращивания экономического взаимодействия между Европой и Китаем. В этом контексте администрация Трампа заявляет о необходимости создания для европейских стран возможностей для самостоятельного развития, необходимым условием чего рассматривается внутриа- и внешнеполитическая стабилизация.

О России заходит речь в документе в связи с утратой Европой стратегической уверенности. Следствием вооруженного конфликта на Украине стал кризис безопасности в Европе. Россия и ведущие страны ЕС теперь не могут быть уверены в собственной безопасности. В этой связи США представляют себя в качестве посредника, усилия которого направлены на восстановление стратегической стабильности на евразийском пространстве. Тем самым, полагают в Вашингтоне, возможно снизить риск эскалации конфликта между Россией и Европой.

Далее о России говорится в связи с обозначением целей Вашингтона в конфликте на Украине. Прекращение боевых действий выступает основным интересом Соединенных Штатов, что позволит стабилизировать европейскую экономику и предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта.

При изучении документа обращают на себя внимание не столько рассмотренные несколько абзацев, сколько то, что, за исключением украинской проблемы, проигнорирована практически вся остальная повестка российско-американских противоречий. Даже при рассмотрении ядерного сдерживания вопрос о выстраивании диалога с Россией оставлен за рамками

Стратегии 2025, хотя администрация Байдена в СНБ-2022 вменяла себе в заслугу продление договора о стратегических наступательных вооружениях (СНВ-3).

В целом анализ документа позволяет говорить об особом взгляде администрации Трампа на выстраивание отношений с Россией. Основным пространством диалога выступает скорейшее завершение российско-украинского конфликта, что рассматривается в качестве необходимой предпосылки для политического реформирования европейских стран в идейно близкие к администрации Трампа режимы. Такой подход Белого дома, вероятно, служит одной из причин, по которой европейские политики стремятся затянуть урегулирование конфликта.

Следует обратить внимание на то, что с точки зрения авторов документа прекращение войны и восстановление Украины необходимы для сохранения жизнеспособной украинской государственности. На наш взгляд, в данном случае жизнеспособное (*viable state*) следует понимать как обладающее достаточным потенциалом для нового военного противостояния с Россией, в случае если этого потребуют интересы США и их европейских союзников.

Обращает на себя внимание разница между взглядом на Россию в Ежегодном обзоре и СНБ-2025. Если в первом документе Россия по-прежнему представлена ведущей мировой дестабилизирующей силой, то в Стратегии внимание к российской проблематике сведено к минимуму.

Представляется ли возможным, исходя из этого, говорить о том, что ее авторы данного документа являются «скептиками» и рассматривают Россию в качестве державы, влияние которой снижается и сама она находится в упадке, сложно сказать однозначно, руководствуясь только документом. Определенно из Стратегии 2025 не следует намерения США выстраивать долгосрочные партнерские отношения с Россией.

Данный вывод подкрепляется обстоятельствами российско-американских переговоров в 2025 г. За исключением встречи президентов России и США в Анкоридже, комплексного обсуждения проблем двусторонних отношений не было. Санкционное давление на Россию не только сохранилось в полном объеме, но и было усилено¹⁵. При этом вопрос об устранении первопричин

¹⁵ Тимофеев И. Что в 2025 году происходило на фронтах санкционной войны. *Профиль*. 03.01.2026. URL: <https://profile.ru/abroad/chto-v-2025-godu-proishodilo-na-frontah-sankcionnoj-vojny-1799720/> (дата обращения: 21.02.2026).

кризиса, приведшего к военному конфликту на Украине, остается нерешенным. Представляется, что завершение вооруженной фазы противостояния во многом будет зависеть от хода боевых действий.

Заключение

СНБ — крайне идеологизированные документы, что в целом характерно для американской стратегической культуры. Во всех документах выражается убежденность в силовом потенциале Америки, а также характерный американоцентризм, связывающий интересы США и мирового развития. В данных характеристиках проявляется преемственность стратегического курса Вашингтона.

Доведенная почти до абсурда в СНБ Байдена либеральная «эсхатология», уступает место американскому пониманию многополярного мира — войне всех против всех, праву сильного. Согласно такому подходу, силу и власть следует конвертировать в политические, геополитические и экономические преимущества перед новым конкурентом — Китаем.

СНБ администраций Трампа 2017 и 2025 гг. подчинены общей «философии», согласно которой мир представляется ареной соперничества за власть и могущество между государствами. При этом в данных стратегиях также присутствуют значимые различия. «Принципиальный реализм» документа 2017 г. сменяется «гибким реализмом» в 2025 г., за которым скрывается готовность к беспринципной борьбе за место под солнцем в новых условиях.

Изменения в общих подходах к стратегии национальной безопасности влияют на восприятие России в политических установках Белого дома.

Алармистское восприятие России внешнеполитическим истеблишментом Вашингтона достигло апогея в администрации Байдена. Россия рассматривалась в качестве одного из новых центров силы, бросающих вызов «порядку, основанному на правилах». После начала СВО стратегическое поражение России становится императивом для Вашингтона. Согласно взглядам «алармистов» Россия, якобы стремящаяся восстановить свою империю, способна угрожать глобальному превосходству США. Алармизм в отношении России стал руководством к действиям, направленным на военную поддержку Украины, формирование антироссийской коалиции, усиление военного присутствия в Европе, новый этап расширения НАТО и усиление санкционного давления.

Тем существеннее представляется отход от данной позиции, выраженный в СНБ-2025. Проведенный анализ позволяет сделать предположение о том, что Белый дом склоняется к позиции «скептиков» в оценке российского силового потенциала и внешнеполитических возможностей. С точки зрения действующей администрации, если Россия и представляет угрозу, то только европейским союзникам. Вероятно, такая аберрация представлений в Белом доме о России обусловливается новой структурой стратегических приоритетов США, в которых ключевое значение приобретает сдерживание Китая. При этом принципиально важным для Вашингтона выступает сохранение украинской государственности, что, в свою очередь, ставит под вопрос посредническую миссию представителей США в завершении российско-украинского конфликта.

Также нельзя исключить, что незавершенность российско-украинского конфликта дает новые аргументы в пользу снижения алармизма в оценке «российской угрозы».

В заключение следует сказать, что в системе представлений внешнеполитического истеблишмента США Россия рассматривается в качестве антагониста, что приобрело характер долгосрочной стратегической установки. Если высказанное по результатам настоящего исследования предположение о смене преобладающих представлений о российском потенциале в Вашингтоне окажется верным, то оно может найти подтверждение в усилении давления на российские внешнеполитические позиции и новых попытках ограничения национальных интересов России со стороны Америки и ее союзников.

Литература

1. Безруков А. О., Силаев Н. Ю., Сушенцов А. А. Прогноз угроз международной безопасности России в 2017 г. *Вестник МГИМО Университета*. 2017. № 2 (53). С. 226–253. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-226-253>. EDN YZHWYR
2. Безруков А. О., Сушенцов А. А. Феномен Д. Трампа и сценарии развития российско-американских отношений. *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9, № 1. С. 109–123. EDN YRIDQS
3. Богатуров А. Д. Попытка перестроить мир «по-американски». *Вестник МГИМО Университета*. 2021. Т. 14, № 5. С. 49–64. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-49-64>. EDN MDKKBV
4. Боровский Ю. В. Международное измерение современной энергетической политики США: вызовы России и миру. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 3. С. 341–353. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-341-353>. EDN BDGXCS
5. Бубнова Н. И. Российско-американский саммит в июне 2021 г.: структурирование конфронтации или задел на будущее? *Россия и современный мир*. 2021. № 4 (113). С. 58–84. <https://doi.org/10.31249/rsm/2021.04.03>. EDN CQQDRV

6. Грибин Н. П. «Америка прежде всего» или «Америка в одиночестве»? (о Стратегии национальной безопасности США Дональда Трампа: аналитический обзор). *Власть*. 2018. Т. 26, № 2. С. 7–19. EDN YPJSRH
7. Иванов О. П. Американская стратегия сдерживания США в условиях перехода к полицентричному миру. Инструмент политики глобального доминирования. *Обозреватель*. 2025. № 1 (408). С. 6–14. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2025_1_6. EDN MSSBOK
8. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2011. № 1 (493). С. 23–36. EDN NCPEKF
9. Панюжева М. М. Евroatлантическая безопасность в треугольнике США — ЕС — Россия и фактор Трампа. *Вестник МГИМО Университета*. 2019. Т. 12, № 6. С. 78–108. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-78-108>. EDN VSVRCZ
10. Приходько О. В. Стратегия США относительно соперничества великих держав. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2025. № 2(662). С. 10–24. <https://doi.org/10.31857/S2686673025020013>. EDN IOPHFG
11. Сафранчук И. А. Устойчивые системы стратегических взглядов на Россию в американском экспертном сообществе. *Вестник МГИМО Университета*. 2015. № 6 (45). С. 93–105. EDN VHIXLT
12. Тебин П. Ю. Небольшая прекрасная стратегия. *Россия в глобальной политике*. 2026. Т. 24, № 1. С. 15–29. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2026-24-1-15-29>
13. Фененко А. В. Современная история международных отношений: 1991–2025. М.: Аспект Пресс, 2025. 536 с. EDN TCJRUC
14. Фененко А. В. Современные концепции ядерного сдерживания. *Международные процессы*. 2012. Т. 10, № 2(29). С. 68–87. EDN PFFVSF
15. Шаклеина Т. А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011). *Россия и США: К новому мировому порядку*. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 106–126. EDN XJGXBV
16. Шишков В. В. «Стратегическое поражение России» как константа политики США в конфликте на Украине. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. Общественные науки. 2024. № 3(856). С. 47–55. EDN WLJVHX

References

1. Bezrukov A. O., Silaev N. Yu., Sushencov A. A. Forecast of Threats to Russia's International Security in 2017. *Bulletin of MGIMO University*. 2017. № 2(53). P. 226–253. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-226-253>. EDN YZHWYR. (In Russ.)
2. Bezrukov A. O., Sushencov A. A. Fenomen D. The D. Trump phenomenon and scenarios for the development of Russian-American relations. *Comparative politics*. 2018. Т. 9, № 1. P. 109–123. EDN YRIDQS. (In Russ.)
3. Bogaturov A. D. An attempt to rebuild the world “in the American way”. *Bulletin of MGIMO University*. 2021. Т. 14, № 5. P. 49–64. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-49-64>. EDN MDKKBP. (In Russ.)
4. Borovskij Yu. V. The International Dimension of Modern U.S. Energy Policy: Challenges for Russia and the world. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: International Relations. 2019. Т. 19, № 3. P. 341–353. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-341-353>. EDN BDGXCS. (In Russ.)
5. Bubnova N. I. The Russian-American summit in June 2021: structuring the confrontation or laying the groundwork for the future? *Russia and the modern world*. 2021. № 4(113). P. 58–84. <https://doi.org/10.31249/rsm/2021.04.03>. EDN CQQDRV
6. Gribin N. P. “America first” or “America alone”? (on Donald Trump's US National Security Strategy: an analytical review). *Power*. 2018. Т. 26, № 2. P. 7–19. EDN YPJSRH. (In Russ.)
7. Ivanov O. P. The American strategy of containing the United States in the context of the transition to a polycentric world. An instrument of global dominance policy. *Observer*. 2025. № 1(408). P. 6–14. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2025_1_6. EDN MSSBOK. (In Russ.)
8. Konyshchev V. N., Sergunin A. A. Barack Obama's National Security Strategy: old wine in new wineskins? *USA and Canada: economy, politics, culture*. 2011. № 1(493). P. 23–36. EDN NCPEKF. (In Russ.)
9. Panyuzheva M. M. Euro-Atlantic security in the USA — EU — Russia triangle and the Trump factor. *Bulletin of MGIMO University*. 2019. Т. 12, № 6. P. 78–108. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-78-108>. EDN VSVRCZ. (In Russ.)

10. Prihod'ko O. V. The US strategy regarding the rivalry of the great powers. *USA and Canada: economy, politics, culture*. 2025. № 2 (662). P. 10–24. <https://doi.org/10.31857/S2686673025020013>. EDN IOPHFG. (In Russ.)
11. Safranchuk I. A. Stable systems of strategic views on Russia in the American expert community. *Bulletin of MGIMO University*. 2015. № 6(45). P. 93–105. EDN VHIXLT
12. Tebin P. Yu. An excellent little strategy. *Russia in global politics*. 2026. Т. 24, № 1. P. 15–29. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2026-24-1-15-29>
13. Fenenko A. V. Modern history of international relations: 1991–2025. Moscow: Aspekt Press, 2025. 536 p. EDN TCJRUO. (In Russ.)
14. Fenenko A. V. Modern concepts of nuclear deterrence. *International processes*. 2012. Т. 10, № 2(29). P. 68–87. EDN PFFVSF. (In Russ.)
15. Shakleina T. A. The evolution of the US global strategy (2001–2011). *Russia and the USA: Towards a new world order*. Moscow: Aspekt Press, 2023. P. 106–126. EDN XJGXBV. (In Russ.)
16. Shishkov V. V. "Russia's strategic defeat" as a constant of U.S. policy in the conflict in Ukraine. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2024. № 3 (856). P. 47–55. EDN WLJVHX. (In Russ.)

Ранджбар Мешкин Даниал,

кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
кафедра теории и истории международных отношений,
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, Москва.

Daniyal M. Ranjbar,

Candidate of Sciences in History,
Senior Lecturer,
Department of theory and history of International Relations,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow.
E-mail: daniealranjbar@gmail.com

Лебедева Софья Александровна,

бакалавр, международные отношения,
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, Москва.

Sofya A. Lebedeva,

Bachelor, International Relations,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow.
E-mail: lebedevasofia.work@gmail.com

**УЧАСТИЕ КНР И США
В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В АФРИКЕ:
МИРОТВОРЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ООН,
ВОЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ И РЕСУРСНЫЕ ИНТЕРЕСЫ**

**CHINA AND U.S. INVOLVEMENT IN AFRICAN SECURITY:
UN PEACEKEEPING, MILITARY FOOTPRINT
AND RESOURCE INTERESTS**

Аннотация: в статье сопоставляются подходы КНР и США к участию в обеспечении безопасности на Африканском континенте. Анализ охватывает два взаимосвязанных, но институционально различных уровня: участие в операциях ООН по поддержанию мира и использование национальных либо партнерских механизмов военно-политического присутствия. Такой подход позволяет избежать смешения многосторонней миротворческой деятельности с самостоятельными внешнеполитическими инструментами государств. На основе статистических материалов ООН, официальных документов и исследований российских и зарубежных авторов показано, что китайская модель в большей степени связана с многосторонними миссиями, инженерно-медицинскими подразделениями

и созданием образа ответственного участника глобального управления безопасностью. Американская модель характеризуется меньшим численным участием в операциях ООН, но более развитой системой двусторонних и региональных форматов, включая AFRICOM, подготовку партнерских сил, логистическую инфраструктуру и контртеррористическое взаимодействие. Ресурсный фактор рассматривается как часть геоэкономической среды, влияющей на значимость отдельных регионов Африки, а не как содержание мандатов ООН.

Ключевые слова: КНР, США, Африка, миротворческие операции, энергетические ресурсы, «мягкая сила», AFRICOM, «Один пояс — один путь».

Abstract: The article compares Chinese and U.S. approaches to security engagement in Africa. The analysis covers two interconnected but institutionally different levels: participation in UN peace operations and the use of national or partnership-based military-political mechanisms. This distinction makes it possible to analyse multilateral peacekeeping separately from the foreign-policy instruments of individual states. Drawing on UN statistics, official documents and scholarly literature, the article argues that China relies more visibly on UN missions, engineering and medical units, and the image of a responsible contributor to global security governance. The U.S. model is marked by limited personnel contributions to UN operations, but by a broader network of bilateral and regional security formats, including AFRICOM, partner-force training, logistics infrastructure and counterterrorism cooperation. The resource factor is treated as part of the geo-economic environment that shapes the strategic value of particular African regions, rather than as a function of UN mandates.

Key words: PRC, USA, Africa, peacekeeping operations, energy resources, soft power, AFRICOM, Belt and Road Initiative.

Введение

В начале XXI в. Африка заняла заметное место в стратегиях крупнейших внешних акторов. Среди внешних акторов наиболее заметны Китайская Народная Республика и Соединенные Штаты Америки, чье участие в операциях по поддержанию мира и военных миссиях в Африке постоянно растет. Причины такого участия выходят за рамки сугубо гуманитарных мотивов, и в итоге миротворческая активность обеих держав служит не только целям поддержания мира, но и сопровождается более широким контекстом геополитических и экономических интересов в Африке. КНР и США демонстрируют разные модели вовлеченности. Пекин последовательно увеличивал участие в операциях ООН по поддержанию мира, направляя в африканские миссии инженерные, медицинские, охранные и иные подразделения. Вашингтон, напротив, сохраняет сравнительно небольшой контингент в структурах ООН, однако активно использует собственные и партнерские инструменты безопасности: Африканское командование США, программы подготовки, разведывательно-логистическое содействие и региональные форматы взаимодействия.

В настоящем исследовании африканская политика КНР и США рассматривается через различие между многосторонними механизмами, действующими в рамках ООН, и национальными форматами военно-политического присутствия. Подобная оптика

позволяет оценить количественные показатели участия в миссиях, не сводя всю деятельность внешних акторов к одной правовой категории. Основное внимание уделяется тому, как повестка стабилизации и поддержания мира соотносится с более широкими долгосрочными интересами двух держав на континенте.

Миротворческие операции КНР

С начала 2010-х гг. Китай стал заметнее использовать площадку ООН для демонстрации готовности участвовать в решении международных кризисов. После прихода Си Цзиньпина к власти¹ миротворческая повестка получила дополнительное значение в китайском внешнеполитическом дискурсе: она стала связываться с ответственностью крупной державы, поддержкой многосторонности и укреплением сотрудничества с государствами Глобального Юга [1, с. 30–31]. Важным этапом стало расширение состава китайских подразделений. Если ранее Китай преимущественно направлял инженеров, медиков и специалистов материально-технического обеспечения, то с середины 2010-х гг. появились и более сложные форматы участия, включая охранные и пехотные подразделения. В 2015 г. Пекин объявил о намерении создать резерв миротворческих сил и оказать поддержку развитию африканского потенциала реагирования на кризисы. Эти решения позволили КНР укрепить позицию одного из наиболее заметных постоянных членов Совета Безопасности ООН в сфере предоставления персонала для операций².

Миротворческая деятельность Китая в Африке реализовывалась в том числе в Южном Судане³, ЦАР, Мали, Западной Сахаре, ДРК, Абьее, а также в других зонах. Стоит отметить, что на 2021 г.⁴ количество миротворцев из Китая было выше двух тысяч⁵,

¹ Си Цзиньпин избран Председателем Китайской Народной Республики. Информационное агентство Синьхуа. URL: http://xinhuanet.com/2013lh/2013-03/14/c_132232934.htm (дата обращения: 30.09.2025).

² «中国的和平发展道路» [Белая книга. Путь мирного развития Китая]. 国务院新闻办公室 [Информационное бюро Государственного совета КНР]. URL: [中国的和平发展道路_白皮书_中国政府网 \(www.gov.cn\)](http://www.gov.cn) (accessed: 02.10.2025).

³ Пан Ги Мун осудил конфликт в Южном Судане. ИА Синьхуа. URL: https://russian.news.cn/2016-07/12/c_135506600.htm (дата обращения: 02.10.2025).

⁴ Contribution of Uniformed Personnel to UN by Country and Personnel Type 2021. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/01contributions_to_un_peacekeeping_operations_by_country_and_post_45_december_21.pdf (accessed: 01.10.2025).

⁵ Contributors to UN Peacekeeping Operations by Country and Post Police, UN Military Experts on Mission, Staff Officers, and Troops. January 2021. *UN docs*. January 2021. URL: [01_SummaryOfContributions_by_Country_and_Post_JAN2021_web](https://www.un.org/peacekeeping/01_SummaryOfContributions_by_Country_and_Post_JAN2021_web) (accessed: 30.09.2025).

а к 2023⁶ году оно выросло до 2277⁷ человек. Согласно статистике ООН за 2024 г.⁸, КНР предоставляла 1801 сотрудника в разные миссии⁹, включая MINURSO, MINUSCA¹⁰, MONUSCO, UNISFA, UNITAMS и UNMISS¹¹ [13, с. 713]. Что примечательно, китайские миротворцы также в 2018 году были приглашены для участия в Пекинском саммите Форума китайско-африканского сотрудничества¹².

После переизбрания Си Цзиньпина на третий пятилетний срок на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая в 2022 г. [7, с. 40] значение китайского вклада стало определяться не только количественными, но и качественными характеристиками. Пекин делает акцент на тех видах деятельности, которые создают видимый гуманитарный и инфраструктурный эффект¹³: инженерные работы, медицинское обеспечение, охрана объектов миссии, транспортная поддержка и содействие базовой стабилизации. В этом проявляется стремление Китая совместить участие в многосторонней безопасности с формированием позитивного внешнеполитического имиджа [9, с. 155].

Отдельного внимания заслуживает взаимодействие ООН и Африканского союза. Китай поддерживает развитие африканских механизмов реагирования на кризисы, участвует в подготовке специалистов и подчеркивает, что африканские государства должны играть ключевую роль в урегулировании

⁶ Contribution of Uniformed Personnel to UN by Country and Personnel Type 2023. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/05_missions_detailed_by_country_64_july_2023.pdf (accessed: 02.10.2025).

⁷ Uniformed Personnel Contributing Countries by Ranking 2023. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/02_country_ranking_63_june_2023.pdf (accessed: 06.10.2025).

⁸ Contribution of Uniformed Personnel to UN by Country and Personnel Type 2024. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/01_contributions_to_un_peacekeeping_operations_by_country_and_post_75_june_2024.pdf (accessed: 02.10.2025).

⁹ Uniformed Personnel Contributing Countries by Ranking Experts on Mission, Formed Police Units, Individual Police, Staff Officer, and Troops. December 2021. *UN docs*. December 2021. URL: 02-Contributions by Country (Ranking) (accessed: 01.10.2025).

¹⁰ МИНУСКА — фактологический бюллетень. *UN peacekeeping*. Current operations. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/minusca> (дата обращения: 29.09.2025).

¹¹ МООНЮС — фактологический бюллетень. *UN peacekeeping*. Current operations. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/unmiss> (дата обращения: 30.09.2025).

¹² На круглом столе саммита Форума по китайско-африканскому сотрудничеству были приняты Пекинская декларация и Пекинский план действий. *ИА Синьхуа*. URL: https://russian.news.cn/2018-09/05/c_137444789.htm (дата обращения: 02.10.2025).

¹³ Полный текст доклада XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. *Министерство иностранных дел КНР*. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zyzz/> (дата обращения: 02.10.2025).

региональных конфликтов. Такая линия соответствует общей китайской риторике о сотрудничестве «Юг — Юг» и невмешательстве во внутренние дела партнеров [3, с. 193].

Ресурсный контекст китайского присутствия в Африке

География китайского участия в миротворческих операциях часто пересекается с районами, где Пекин имеет экономические и инфраструктурные интересы. Это пересечение не означает, что мандаты ООН подчинены коммерческим задачам, однако оно показывает, что безопасность, политическая видимость и экономическое присутствие в Африке формируют единую внешнеполитическую среду. Наиболее очевидным примером является Южный Судан. После отделения от Судана эта страна получила значительную часть нефтяных месторождений, а китайская CNPC¹⁴ стала одним из важных иностранных участников нефтяного сектора. Экспорт южносуданской нефти зависит от транзита через Судан и доступа к Порт-Судану, поэтому стабильность в регионе имеет значение для энергетических интересов Пекина. Китайская дипломатия еще в 2012 г. стремилась содействовать снижению напряженности между Суданом и Южным Суданом, поскольку срыв поставок затрагивал экономические интересы КНР.

Демократическая Республика Конго важна для Китая прежде всего как источник критически важных минералов. Медь, кобальт и колтан используются в электронике, аккумуляторной промышленности¹⁵ и производстве электромобилей [4, с. 151]. Китайские компании участвуют в крупных добывающих проектах, а соглашение Sicominес стало одним из символов модели «инфраструктура в обмен на ресурсы». Поэтому участие КНР в MONUSCO целесообразно рассматривать в контексте заинтересованности Пекина в общей стабилизации региона, а не как механизм прямой охраны отдельных коммерческих объектов¹⁶. Инвестиции Китая насчитывают десятки миллиардов долларов¹⁷.

¹⁴ Chinese Loans to Africa. *Chinese Loans to Africa Database*. URL: <https://www.bu.edu/gdp/chinese-loans-to-africa-database/> (accessed: 03.10.2025).

¹⁵ Battery industry in China — statistics & facts. URL: <https://www.statista.com/top-ics/13607/battery-industry-in-china/?srsltid=AfmBOoopmoXz8-Zdywo7oiKN6g7XYpCvYt-tU7pn2yO-6yj3ZHS-l6nxL> (accessed: 02.10.2025).

¹⁶ China Global Investment. *China Global Investment Tracker Online*. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (accessed: 02.10.2025).

¹⁷ 一带一路 倡议十周年, 中非经贸合作成果丰硕 [В десятую годовщину Инициативы «Один пояс — один путь» китайско-африканское экономическое и торговое сотрудничество достигло плодотворных результатов]. URL: <http://www.hn.news.cn/20230614/d93e63907ef-040808644862e3a48f34f/c.html> (accessed: 02.10.2025).

Мали и Центральноафриканская Республика также представляют интерес с точки зрения сырьевых возможностей. В Мали значимы золото, урановый потенциал и положение в Сахеле. В ЦАР — алмазы, золото, уран и перспективы развития добывающей промышленности¹⁸. Китайское присутствие в этих странах пока неоднородно по масштабу, но оно вписывается в общую линию на расширение политического доверия и экономических связей с африканскими партнерами¹⁹.

Таким образом, ресурсный фактор в китайском случае проявляется не как самостоятельный мандат миротворцев, а как часть общего контекста, в котором КНР оценивает значение отдельных конфликтных зон. Чем выше экономическая значимость региона и плотность китайских проектов, тем больше интерес Пекина к стабильности, безопасности инфраструктуры и поддержанию рабочих отношений с местными элитами²⁰.

«Мягкая сила» КНР в Африке

Китайская политика в Африке сочетает материальные и символические инструменты влияния. Помимо торговли и инвестиций, Пекин использует образовательные программы, медицинскую помощь [14, с. 62], культурное присутствие, деятельность Институтов Конфуция²¹, медийные проекты и подготовку кадров. Эти направления усиливают восприятие Китая как партнера, ориентированного на развитие, а не только на извлечение ресурсов²². Важную роль в упомянутой стратегии играют инфраструктурные проекты в рамках инициативы «Один пояс — один путь»²³, а также китайские инвестиции в экономику Африки. Важно отметить,

¹⁸ Chinese mining companies financing development in the Central African Republic. *Africa-China reporting*. URL: <https://africachinareporting.com/chinese-mining-companies-financing-development-in-the-central-african-republic/> (accessed: 03.10.2025).

¹⁹ Africa's Leading Gold Producers to Attend AMW 2025. *African mining week*. URL: <https://african-miningweek.com/news/africas-leading-gold-producers-attend-amw-2025> (accessed: 02.10.2025).

²⁰ Chinese Loans to Africa. *Chinese Loans to Africa Database*. URL: <https://www.bu.edu/gdp/chinese-loans-to-africa-database/> (accessed: 03.10.2025).

²¹ Расцвет институтов Конфуция в Африке. URL: https://news.rambler.ru/asia/40761125/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 03.10.2025).

²² Интересы Китая в Африке. Материалы РСМД. *РСМД*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interes-ki-taya-v-afrike/> (дата обращения: 03.10.2025).

²³ «Один пояс — один путь» китайско-африканское экономическое и торговое сотрудничество достигло плодотворных результатов. URL: <http://www.hn.news.cn/20230614/d93e63907ef-040808644862e3a48f34f/c.html> (accessed: 02.10.2025).

что кредиты КНР и строительство портов, хабов и железных дорог, а также объектов энергетики делают Китай важнейшим партнером для ряда стран Африканского континента²⁴.

Операции ООН по поддержанию мира дополняют эту линию. Участие в них позволяет КНР демонстрировать приверженность многосторонности и готовность нести часть расходов по обеспечению международной безопасности. В африканских миссиях китайские подразделения часто выполняют задачи инженерного, медицинского и охранного характера, что создает более мягкий образ военного присутствия и отличает его от прямых национальных операций²⁵. При этом миротворческая активность не может быть отделена от общей стратегии внешнеполитической репутации. В глазах африканских правительств участие Китая в миссиях ООН подтверждает его статус не только инвестора, но и государства, готового поддерживать устойчивость региональной среды. Такая репутационная составляющая особенно важна в тех странах, где Пекин развивает инфраструктурные и сырьевые проекты. Следовательно, «мягкая сила» Китая в Африке формируется на стыке экономики, дипломатии, гуманитарного взаимодействия и многосторонней безопасности. Миротворческое участие усиливает этот комплекс, но не подменяет собой ни экономическую политику, ни самостоятельные двусторонние инициативы [12, с. 108].

Кейсы США

В рассматриваемый период 2013–2024 гг. политика США в отношении Африки развивалась при администрациях Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена. В первый президентский срок Б. Обамы африканское направление не входило в число ключевых внешнеполитических приоритетов Вашингтона, поскольку основное внимание уделялось внутренней экономической повестке, Ираку, Афганистану и другим кризисам конфликтным территориям. На втором сроке администрация Обамы предприняла попытку усилить вовлеченность США в африканские дела, что было

²⁴ Китай выделил на сотрудничество с Африкой \$51 млрд. *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2024/66db19529a79470f083dab3f> (дата обращения: 03.10.2025).

²⁵ 中国军队参加联合国维和行动30年 白皮书 [Белая книга «Вооруженные силы Китая: 30 лет участия в миротворческих операциях ООН»]. 国务院新闻办公室 [Информационное бюро Государственного совета КНР]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-09/18/content_5544398.htm (accessed: 03.10.2025).

связано в том числе с ростом присутствия Китая, Индии, ЕС и других акторов на богатом полезными ископаемыми и быстро-развивающемся континенте [2, с. 59].

В 2013 г. Соединенные Штаты предоставили 118²⁶ военнослужащих и полицейских для операций ООН, в 2014 г. — 127²⁷ человек, а затем показатели постепенно снизились. При администрации Б. Обамы²⁸ Вашингтон пытался активнее работать с африканскими партнерами, в том числе через инициативы по подготовке сил быстрого реагирования и повышению эффективности миротворческих контингентов. 2015 год ознаменовался запуском программы под названием «Африканское партнерство быстрого реагирования по поддержанию мира», суть которой заключалась в развитии потенциала таких африканских стран, как Эфиопия, Танзания, Уганда и т. д. Тем не менее миротворческий контингент США в миссиях ООН, согласно статистике, был небольшим²⁹.

С приходом к власти Д. Трампа гуманитарные и миротворческие направления в Африке не считались приоритетными³⁰. К 2017 г. число американских миротворческих контингентов сократилось до 55, и данный показатель тяжело сравнивать с китайским за аналогичный год (2,644)³¹. К 2019 г. из-за политики президента США Д. Трампа³² численность американского персонала в миссиях ООН сократилась до 31 человека³³, а в 2020³⁴–2021³⁵ гг. показатели оставались на уровне около 30 человек.

²⁶ Ranking of Military and Police Contributions to UN Operations 2013. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/dec13_2.pdf (accessed: 03.10.2025).

²⁷ UN Mission's Contributions by Country 2014. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/dec14_5.pdf (accessed: 03.10.2025).

²⁸ Белый дом опубликовал меморандум Обамы, предлагающий реформы миротворческих операций ООН. TACC. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2298808> (дата обращения: 03.10.2025).

²⁹ UN Mission's Contributions by Country 2015. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/dec15_3.pdf (accessed: 03.10.2025).

³⁰ Ranking of Military and Police Contributions to UN Operations 2016. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/dec16_2.pdf (accessed: 04.10.2025).

³¹ Summary of military and police contribution to United Nations operations 2017. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/msr_31_dec_2017_0.pdf (accessed: 04.10.2025).

³² Стратегия Трампа в отношении Африки. URL: <https://polinform.su/102392-strategiya-trampa-v-otnoshenii-afriki-udivila-vseh-atlantic-council.html> (дата обращения: 05.10.2025).

³³ Ranking of Military and Police Contributions to UN Operations 2019. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/2_country_ranking_15.pdf (accessed: 05.10.2025).

³⁴ Contributors to UN Peacekeeping Operations by Country 2020. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/01_summary_of_contributions_33.pdf (accessed: 05.10.2025).

³⁵ Contributors to UN Peacekeeping Operations by Country and Post Police, UN Military Experts on Mission, Staff Officers, and Troops. January 2021. *UN docs*. January 2021. URL: [01_SummaryOfContributions_by_Country_and_Post_JAN2021_web](https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/01_SummaryOfContributions_by_Country_and_Post_JAN2021_web) (accessed: 30.09.2025).

Администрация Дж. Байдена придала большее значение конкуренции с Китаем и Россией в Африке, но это не привело к резкому росту³⁶ американского³⁷ участия в миротворческих контингентах ООН [13, с. 37]. На прошедшем в 2022 году саммите США — Африка³⁸ прозвучало заявлением о том, что американское правительство планирует инвестировать 55 млрд долларов до 2025 г. в различные сферы экономики и инфраструктуры Африки.

Основной инструмент США в Африке связан не с миссиями ООН, а с национальными и партнерскими форматами. Центральное место занимает AFRICOM, созданное как специализированное командование, отвечающее за взаимодействие с большинством африканских государств, контртеррористическое сотрудничество, военную подготовку и координацию операций. Важными элементами американской инфраструктуры являются Camp Lemonnier в Джибути, пункты логистического обеспечения, беспилотные площадки и программы поддержки местных сил безопасности³⁹. Такое различие имеет принципиальное значение для анализа. Персонал ООН действует в рамках мандатов соответствующих миссий, тогда как AFRICOM, двусторонние соглашения, военные учения и разведывательная поддержка относятся к иным правовым и политическим механизмам. Поэтому американское присутствие в Африке следует рассматривать как многоуровневую систему, где участие в операциях ООН является лишь одним из элементов.

Энергетические ресурсы и анализ интересов США

Сопоставление энергетической карты Африки с зонами военного и миротворческого участия США указывает на возможную взаимосвязь⁴⁰. В странах с большими запасами нефти и газа (Нигерия, Ливия, Ангола) представляется усиленное американское военное присутствие, связанное с обеспечением

³⁶ Contribution of Uniformed Personnel to UN by Country and Personnel Type 2022. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/01_contributions_to_un_peacekeeping_operations_by_country_and_post_57_december_22_rev1.pdf (accessed: 05.10.2025).

³⁷ Contribution of Uniformed Personnel to UN by Country and Personnel Type 2024. *UN Peacekeeping*. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/01_contributions_to_un_peacekeeping_operations_by_country_and_post_75_june_2024.pdf (accessed: 02.10.2025).

³⁸ Навязать свое присутствие: как США укрепляются в Африке. *TACC*. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16639293> (дата обращения: 02.10.2025).

³⁹ About the United States Africa Command. *United States Africa Command*. URL: <https://africom-web-app.azurewebsites.net/about-the-command> (accessed: 06.10.2025).

⁴⁰ Minerals Due Diligence. URL: <https://www.responsiblemineralsinitiative.org/minerals-due-diligence/cobalt/> (accessed: 02.10.2025).

стабильности в районах добычи. В регионах добычи урана (Нигер) США создают базы, проводят военные учения и поддерживают местные армии. В странах, обладающих минеральными ресурсами для высоких технологий (ДРК)⁴¹, американское участие проявляется в большей степени в виде политической и гуманитарной поддержки миссий ООН, но при этом можно наблюдать отчетливый стратегический характер. Наконец, в районах, контролирующих глобальные транспортные маршруты (Красное море, Гвинейский залив), США поддерживают базы и антипиратские операции.

Главными направлениями ресурсной политики США в Африке выступают три блока. Во-первых, это нефть и газ. Ключевое значение имеют страны Западной Африки, Нигерия и Ангола, а также перспективные офшорные месторождения Ганы и всего Гвинейского залива [1, с. 30]. Не менее значимым регионом является Северная Африка, где сосредоточены крупнейшие на континенте запасы нефти в Ливии и газовые ресурсы Алжира. Во-вторых, важнейшим элементом выступает уран, добыча которого сосредоточена в Нигере⁴². Хотя основным потребителем урана остается Европа, контроль над этим сырьем имеет стратегическое значение и для США, в контексте как энергетики, так и ядерной безопасности. В-третьих, в XXI в. резко возрос интерес к критическим минералам, включая кобальт, колтан, литий и медь, сосредоточенных в Демократической Республике Конго⁴³. Эти ресурсы необходимы для аккумуляторов, электроники и военной промышленности. В данном случае США стремятся не столько к прямой добыче, сколько к предотвращению монополии Китая на поставки.

Американское присутствие реализуется через AFRICOM, сеть военной инфраструктуры и партнерских программ, а также через ограниченное участие в многосторонних миссиях ООН [1, с. 31]. Исторический опыт участия США в Сомали, включая UNOSOM II 1993–1995 гг.⁴⁴, а также поддержку африканских сил в рамках

⁴¹ Baldwin G. Localizing Security Governance in the DRC: Security Committees in Action. *SIPRI*. URL: <https://www.sipri.org/publications/2025/policy-reports/localizing-security-governance-drc-security-committees-action> (accessed: 06.10.2025). <https://doi.org/10.55163/GATG8638>

⁴² Baudais V. Military Entrenchment in Mali and Niger: Praetorianism in Retrospect. *SIPRI*. URL: <https://www.sipri.org/publications/2024/policy-reports/military-entrenchment-mali-and-niger-praetorianism-retrospect> (accessed: 06.10.2025). <https://doi.org/10.55163/ssww4661>.

⁴³ Богуславский А. Кто пользуется африканскими природными ресурсами? *РСМД*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kto-polzuetsya-afrikanskimi-prirodnymi-resursami/> (дата обращения: 07.10.2025).

⁴⁴ United Nations Operation in Somalia. UNOSOM II (March 1993 — March 1995). *UN Peacekeeping*. URL: <https://peacekeeping.un.org/mission/past/unosom2.htm> (accessed: 07.10.2025).

AMISOM/ATMIS с 2007 г.⁴⁵, показывает многообразие форм американского участия в обеспечении безопасности на континенте.

Кобальт, колтан, литий, медь, которые находятся в ДРК и Замбии, нужны для аккумуляторов, зеленой энергетики, ИТ и военной промышленности, поэтому США стремятся обеспечить доступ к этим ресурсам, чтобы не оказаться зависимыми от Китая, который уже контролирует большую часть добычи и переработки. Кроме того, кобальт и редкоземельные ресурсы используются в авиации, электронике, системах наведения, что важно для оборонной сферы США.

Сравнительный анализ подходов КНР и США

КНР и США являются двумя значимыми внешними акторами в Африке, однако используют различные модели участия в обеспечении безопасности. Африка в XXI в. стала важным пространством геоэкономического и геополитического соперничества, поскольку рассматривается не только как источник природных ресурсов, но и как перспективный рынок, пространство политического партнерства и площадка для проекции глобального влияния. При этом инструментарий двух держав различается как по институциональной форме, так и по политической логике.

Китайская модель в большей степени рассчитана на долгосрочное экономическое и инфраструктурное присутствие. Пекин стремится интегрировать Африку в архитектуру сотрудничества «Юг — Юг» и в инициативу «Один пояс — один путь» [6, с. 121]. Для КНР континент важен как источник энергетических и минеральных ресурсов, рынок для товаров и услуг, а также пространство политико-дипломатического взаимодействия. Китай реализует крупные проекты в транспортной, энергетической и телекоммуникационной сферах, включая железные дороги, порты и электростанции. При этом участие КНР в операциях ООН по поддержанию мира повышает ее статус ответственного участника многосторонней безопасности, но не должно отождествляться с национальными экономическими проектами или базовой инфраструктурой за пределами мандатов ООН.

США, в свою очередь, позиционируют себя как партнер по безопасности и сравнительно ограниченно участвуют в операциях

⁴⁵ AMISOM/ATMIS. *The African Union Transition Mission in Somalia website*. URL: <https://atmis-au.org/> (accessed: 07.10.2025).

ООН по поддержанию мира⁴⁶. Основной вес американского присутствия в Африке приходится на национальные, двусторонние и региональные форматы: AFRICOM⁴⁷, партнерские соглашения, логистическую инфраструктуру, обучение, разведывательное и контртеррористическое взаимодействие [11, с. 36]. Эти инструменты реализуются в регионах, имеющих значение для энергетических маршрутов, добычи стратегических ресурсов и контроля кризисных зон [5, с. 37]. Однако их следует анализировать отдельно от деятельности миротворческого персонала ООН, поскольку они имеют иную правовую природу, источники финансирования и политические задачи.

Таблица 1

**Формы вовлеченности КНР и США
в отдельных африканских регионах**

Регион / миссия	КНР: основной формат	США: основной формат	Ресурсно-стратегический контекст
Мали / MINUSMA	Инженерные, медицинские и охранные подразделения в составе миссии ООН	Ограниченное участие в миссии, подготовка и поддержка партнеров в Сахеле	Золото, урановый потенциал, значение Сахеля для региональной безопасности
Южный Судан / UNMISS	Заметное участие в миссии ООН и поддержка стабилизационной повестки	Небольшое присутствие в формате ООН, политико-дипломатическая поддержка урегулирования	Нефтяной сектор и транзит через Судан к Красному морю
ДРК / MONUSCO	Инженерно-медицинский вклад в миссию ООН, интерес к устойчивости региона	Политическая, гуманитарная и экспертная поддержка, внимание к цепочкам критических минералов	Кобальт, медь, колтан, литий и другие ресурсы для высокотехнологичных отраслей
ЦАР / MINUSCA	Участие в многосторонней миссии, ограниченное экономическое присутствие	Финансирование и логистическая поддержка, взаимодействие с партнерами	Алмазы, золото, урановый потенциал и конкуренция внешних акторов

⁴⁶ Campbell J. Trump's Africa Policy Is Better Than It Looks. *Council on foreign relations*. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/trumps-africa-policy-better-it-looks> (accessed: 05.10.2025).

⁴⁷ Flintlock. *Global security website*. URL: globalsecurity.org/military/ops/flintlock.htm (accessed: 07.10.2025).

Африканский Рог / Джибути	База НОАК как национальная логистическая инфраструктура за пределами формата ООН	Camp Lemonnier и система AFRICOM	Баб-эль-Мандеб, Красное море, морские перевозки нефти и торговые маршруты
--------------------------------------	---	--	---

Источник: подготовлено авторами.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что КНР и США используют разные модели участия в обеспечении безопасности в Африке. Китай делает акцент на участии в операциях ООН по поддержанию мира, инженерно-медицинских подразделениях, инфраструктурном сотрудничестве и формировании образа ответственного участника многосторонней безопасности. США, напротив, сравнительно ограниченно участвуют в миротворческих операциях ООН, но обладают более развитой системой национального военно-политического присутствия, включающей AFRICOM, партнерские программы, логистическую инфраструктуру и контртеррористическое взаимодействие.

Ресурсный фактор не следует рассматривать как единственное или прямое объяснение участия КНР и США в африканской безопасности. Вместе с тем он формирует важный геоэкономический контекст, в котором Южный Судан, ДРК, Сахель, Джибути, Гвинейский залив и другие регионы приобретают повышенное значение. Операции ООН, национальные программы безопасности и экономическое присутствие внешних акторов могут пересекаться географически, но не совпадают по правовой природе, мандатам и политическим функциям.

Таким образом, вовлеченность внешних держав в африканскую архитектуру безопасности формируется на пересечении нескольких факторов: необходимости стабилизации конфликтных регионов, участия в многосторонних механизмах поддержания мира, развития партнерских программ и усиления конкуренции за ресурсы, транспортные маршруты и политическое влияние. В этом контексте участие КНР и США в операциях ООН и иных форматах безопасности отражает не только гуманитарное и стабилизационное измерение, но и более широкий комплекс их долгосрочных интересов на Африканском континенте. При этом операции ООН сохраняют самостоятельную правовую и институциональную логику, не сводимую к интересам отдельных государств.

Литература

1. Алимов А. А., Нестерова И. Е. Интересы США в современных африканских государствах. *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2017. № 2 (43). С. 29–33.
2. Бобкин Н. Н. Политика США в отношении миротворческих операций ООН. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2021. № 9. С. 54–69. <https://doi.org/10.31857/S268667300016432-5>
3. Бокерия С. А. Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы. *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17, № 2. С. 189–207. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08>
4. Гемуева К. А. Экспорт Китая в страны Африки: связь с энергетическими проектами. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. № 2. С. 145–163. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10005>
5. Глазунов О. Н., Яблоков Е. С. Особенности и приоритеты внешней политики США и КНР в странах Северной и Тропической Африки. *Общество: политика, экономика, право*. 2025. № 3. С. 34–41. <https://doi.org/10.34670/AR.2026.10.51.019>
6. Дейч Т. Л. Место Африки в инициативе Китая «Один пояс, один путь». *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 2. С. 118–127. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127>
7. Кашин В. Б. XX съезд КПК и его влияние на политику КНР в сфере обороны. *Российское китаеведение*. 2023. № 1. С. 35–45. <https://doi.org/10.48647/ISSA.2023.20.91.030>
8. Кудрин Г. М. США и противодействие террористическим организациям в Африке в начале XXI в. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2019. № 9 (37). С. 248–252.
9. Ли Ц. Миротворческая деятельность Китая в ООН: особенности, вызовы и перспективы. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2023. № 4. С. 142–172. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-142-172>
10. Медушевский Н. А. Военное присутствие мировых держав на Африканском континенте: аналитический обзор. *Теории и проблемы политических исследований*. 2022. Т. 11. № 2А. С. 99–114. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.86.63.012>
11. Шамаров П. В. Геополитика США в сфере миротворчества. *Социально-политические науки*. 2019. №3. С. 35–38.
12. Шамаров П. В. Международное миротворчество: политико-правовые основы. *Этносоциум и межнациональная культура*. 2019. № 6(132). С. 104–113.
13. Юймэн Ц. Расширение миротворческих операций Китая в Африке. Беларусь у сучасным свеце: материалы XXI Международной научной конференции, посвященной 101-й годовщине образования Белорусского государственного университета. Глав. ред. Е. А. Достанко. Минск: БГУ, 2022. С. 711–715. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.5.40777>
14. Hudson J., Venkataramani R., Miao S. et al. China's COVID-19 aid in Africa: trends and implications for future pandemic preparedness. *Global Health*. 2025. Vol. 21. P. 59. <https://doi.org/10.1186/s12992-025-01153-0>

References

1. Alimov A. A., Nesterova I. E. U.S. interests in contemporary African states. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*. 2017. No. 2 (43). P. 29–33. (In Russ.)
2. Bobkin N. N. U.S. policy towards UN peacekeeping operations. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021. No. 9. P. 54–69. <https://doi.org/10.31857/S268667300016432-5>. (In Russ.)
3. Bokeriya S. A. UN–AU partnership in peacekeeping: trends and challenges. *International Organisations Research Bulletin*. 2022. Vol. 17, No. 2. P. 189–207. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08>. (In Russ.)
4. Gemueva K. A. China's exports to African countries: links with energy projects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2021. No. 2. P. 145–163. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10005>. (In Russ.)
5. Glazunov O. N., Yablokov E. S. Features and priorities of the foreign policies of the United States and the PRC in the countries of North and Tropical Africa. *Society: Politics, Economics, Law*. 2025. No. 3. P. 34–41. <https://doi.org/10.34670/AR.2026.10.51.019>. (In Russ.)

6. Deich T. L. Africa's place in China's Belt and Road Initiative. *World Economy and International Relations*. 2020. Vol. 64, no. 2. P. 118–127. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127>. (In Russ.)
7. Kashin V. B. The 20th CPC Congress and its influence on the PRC's defence policy. *Russian Sinology*. 2023. No. 1. P. 35–45. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.20.91.030>. (In Russ.)
8. Kudrin G. M. The United States and countering terrorist organisations in Africa at the beginning of the 21st century. *Skif. Student Science Issues*. 2019. No. 9 (37). P. 248–252. (In Russ.)
9. Li Ts. China's peacekeeping activities in the UN: features, challenges and prospects. *Moscow University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*. 2023. No. 4. P. 142–172. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-142-172>. (In Russ.)
10. Medushevskii N. A. Military presence of world powers on the African continent: an analytical review. *Theories and Problems of Political Studies*. 2022. Vol. 11, No. 2A. P. 99–114. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.86.63.012>. (In Russ.)
11. Shamarov P. V. U.S. geopolitics in the sphere of peacekeeping. *Socio-Political Sciences*. 2019. No. 3. P. 35–38. (In Russ.)
12. Shamarov P. V. International peacekeeping: political and legal foundations. *Ethnosocium and Interethnic Culture*. 2019. No. 6 (132). P. 104–113. (In Russ.)
13. Yuimeng Ts. Expansion of China's peacekeeping operations in Africa. In: *Belarus in the Modern World: Proceedings of the XXI International Scientific Conference Dedicated to the 101st Anniversary of the Belarusian State University*. Ed. by E. A. Dostanko. Minsk: BGU, 2022. P. 711–715. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.5.40777>. (In Russ.)
14. Hudson J., Venkataramani R., Miao S. et al. China's COVID-19 aid in Africa: trends and implications for future pandemic preparedness. *Global Health*. 2025. Vol. 21. P. 59. <https://doi.org/10.1186/s12992-025-01153-0>

Грудев Василий Евгеньевич,

кандидат экономических наук,
министр инвестиций, промышленности и внешних связей
Сахалинской области, Южно-Сахалинск.

Vasily E. Grudev,

PhD (Economics),
Minister of Investments, Industry and External Relations
of the Sakhalin Region, Yuzhno-Sakhalinsk.

E-mail: grudev@ya.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION IN THE CONTEXT OF FRAGMENTATION OF THE GLOBAL ECONOMIC SYSTEM

Аннотация: в статье представлен анализ проблем развития международного научно-технического сотрудничества (МНТС) как вида торгово-экономического сотрудничества в контексте разворачивающегося мирового кризиса. Исследуется современная экономическая политика стран, лидирующих в мировом экономическом и научно-техническом развитии (НТР), являющаяся одной из главных причин распада системы международных отношений, которые сложились во второй половине XX в. Важнейшим следствием такого положения стала фрагментация мировой экономической системы, сопровождающаяся усилением нетарифного протекционизма, в частности его крайнего проявления — санкций. Анализ текущей динамики ограничений, в первую очередь санкций, и сравнение американской политики в МНТС в отношении различных стран показывают, что именно США, стоявшие у истоков этой системы, играют сегодня ключевую роль в ее разрушении. Автор приходит к выводу, что значительный ущерб, наносимый глобальному МНТС такими процессами, приведет к появлению в мире нескольких конкурирующих между собой технологических зон, объединяющих страны, открытые для взаимовыгодного сотрудничества друг с другом, имеющие близкие взгляды на проблемы НТР, устойчивого развития, безопасности и т. д. Такие зоны будут иметь собственные технологические стандарты и формироваться вокруг одной или нескольких стран-лидеров, способных предложить оригинальную и конкурентоспособную технологическую экосистему. Автор полагает, что фундаментом таких объединений могут служить региональные соглашения об упрощении механизмов взаимной торговли, охватывающие сегодня большую часть мирового ВВП. По мнению автора, Российская Федерация имеет все шансы стать центром одного из таких объединений.

Ключевые слова: наука и техника, экономическое развитие, протекционизм, санкции, технологии, НИОКР.

Abstract: The article presents an analysis of the problems of development of international scientific and technical cooperation as a type of trade and economic cooperation in the context of the unfolding global crisis. The article examines the current economic policies of countries

that are leading in global economic and scientific and technological development, which is one of the main reasons for the collapse of the system of international relations that developed in the second half of the 20th century. The most important consequence of this collapse has been the fragmentation of the global economic system, which has been accompanied by an increase in non-tariff protectionism, particularly in the form of sanctions. An analysis of the current dynamics of restrictions, primarily sanctions, and a comparison of the US's policy towards various countries, shows that the United States, which was at the forefront of this system, is now playing a key role in its destruction. The WTO rules and court decisions are observed by the country's leadership at its own discretion. The author concludes that the significant damage caused to the global ICT sector by these processes will lead to the emergence of several competing technological zones in the world, which will unite countries that are open to mutually beneficial cooperation and share similar views on issues such as scientific and technological progress, sustainable development, security, and more. These zones will have their own technological standards and will be formed around one or more leading countries that can offer an original and competitive technological ecosystem. The author believes that regional agreements on simplifying mutual trade mechanisms, which currently cover most of the world's GDP, can serve as the foundation for such associations. According to the author, Russian Federation has the potential to become the center of one of these associations.

Key words: science and technology, economic development, protectionism, sanctions, technology, R&D.

Введение

В условиях расширяющегося мирового кризиса, затронувшего самые разные сферы международных отношений — от экономики до спорта, важное значение приобретает оценка перспектив международного сотрудничества как в целом, так и в отдельных его сферах. Эта работа в отношении (международного) научно-технического сотрудничества особенно важна. К сожалению, подлинное значение МНТС далеко не всегда очевидно. В нашей стране МНТС ассоциируется главным образом с НИОКР (т. е. понимается в основном как совместные международные исследования и/или сопутствующие им мероприятия). Такое восприятие естественным образом отражается в позиции государства, что хорошо видно на примере утвержденной 16 мая 2025 г. Концепции международного научно-технического сотрудничества РФ, где МНТС определяется как «комплекс совместных мероприятий, работ, отношений и форм взаимодействия на международном уровне субъектов научной и (или) научно-технической деятельности в различных областях науки, техники и инноваций в целях получения новых знаний и формирования новых научных подходов, развития технологий и уникальных компетенций, а также создания новых и усовершенствования имеющихся научных и (или) научно-технических результатов для национальных нужд или реализации на мировом рынке». Подобные определения способствуют восприятию МНТС как преимущественно гуманитарного вида сотрудничество, а разного рода ограничения, налагаемые на МНТС (например, санкции), — как вид нематериального

наказания страны (сродни запретам на участие в международных спортивных состязаниях или лишению права голоса в международной организации) за нарушения международного права. Такой взгляд на МНТС не только создает неполное представление о его значении, но, как показывает практика, не позволяет сторонам конфликта своевременно и адекватно оценить потенциальный ущерб от налагаемых ограничений.

На деле МНТС — важная часть современного международного **экономического** сотрудничества, не только обеспечивающая максимально эффективное использование научных ресурсов, распространение в мире передовых технологий и идей, но (что принципиально важно) сопровождающая (обеспечивающая) прочие виды международного сотрудничества, в частности международную торговлю. Косвенным подтверждением этому является совокупный объем средств, ежегодно инвестируемых в исследования и разработки бизнесом передовых стран, во много раз превышающий суммарно инвестируемый национальными правительствами. Например, в Республике Корея, по данным за 2025 г., частными компаниями профинансировано 76,1% (около 124 млрд долл. по ППС) от общего объема финансирования НИОКР в стране¹.

Разумеется, эффективное МНТС, помимо решения сугубо экономических задач, обеспечивает достижение целей НТР отдельных стран неэкономического характера, а также решение многих важных задач современности в сфере экологии, устойчивого развития, освоения космоса, здравоохранения и т. д. При этом экономические показатели, даже если в конкретном случае они не являются основными «критериями успеха», часто выступают в качестве важных его верификаторов. Например, улучшения в экологии могут отражаться в падении спроса на определенные виды медицинских товаров или росте объемов рыбного промысла и т. д.

Нередко в таких сферах, как вышеперечисленные, сотрудничество наиболее развитых в технологическом отношении стран — ключевое условие успеха. Однако в реалиях кризиса, подобного нынешнему, его соблюдение может оказаться непростой задачей. Ввиду нарастающих разногласий отдельные передовые страны

¹ Global Innovation Index 2025. WIPO. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/index.html> (accessed: 11.01.2026).

(или группы стран) нередко оказываются по разные стороны «баррикад». Тесная связь высокотехнологичного сектора с ВПК, играющим заметную роль в крупных национальных экономиках, серьезно усугубляет ситуацию. Примеры прошлого (в т. ч. России 1990-х гг.) показывают, что даже сугубо экономические проблемы отдельно взятой страны могут привести к утрате достижений ее НТР не только для нее самой, но и для человечества в целом. Следовательно, серьезный экономический кризис глобального характера способен нанести существенный урон общемировому НТР. То давление, которое испытывает МНТС сегодня, является индикатором именно такого кризиса. Среди важнейших его черт, ярко проявляющихся в разрушении устоявшихся экономических связей, по степени ущерба, наносимого МНТС, можно выделить следующие:

- 1) фрагментация мировой экономической системы;
- 2) усиление нетарифного протекционизма;
- 3) широкое использование санкций.

«**Фрагментация**» (или «регионализация») мировой экономической системы, складывавшейся в течение более 30 лет после распада «социалистического лагеря» и СССР, ядром и главным бенефициаром которой являются США, стала характерной чертой развивающегося кризиса. В свою очередь, МНТС стало главной «жертвой» упомянутого процесса. В наши дни в большинстве зарубежных публикаций на эту тему делается акцент на событиях, последовавших за началом специальной военной операции на Украине, прямо или косвенно представляя их в качестве главной причины «старта» такой фрагментации. Однако серьезные работы, посвященные данной проблеме, появились еще до событий 2014 г., на пике рецессии 2008–2013 гг. [7]. В те годы главным объектом международной критики была не Россия, а разного рода соглашения о свободной торговле, в первую очередь инициированные США. Критики указывали на закладываемый американскими проектами документов курс на «регионализацию», «инновационный обход» норм Всемирной торговой организации, «антикитайскую политику» и т. д. [19]. Уже тогда экспертным сообществом отмечалось, что разного рода ограничения МНТС, в т. ч. посредством технологического регулирования, защиты интеллектуальной собственности в сфере технологий и т. д., используются в качестве инструментов упомянутых «инноваций» [3]. Сегодня, когда США открыто демонстрируют утрату интереса к «глобальному проекту», становится очевидно, что события

на Украине — лишь катализатор процессов, начавшихся задолго до 2022 г. Запущенные ранее механизмы заработали в полную силу. Количество антироссийских санкций только за первые два года СВО выросло в восемь раз, превысив ограничения, «накопленные» такими странами, как Иран, Сирия и КНДР, за несколько десятков лет². Скорость этих процессов прямо свидетельствует о том, что идея разделения мирового экономического пространства давно вызревала в умах элит Глобального Запада, а политические события последних лет дали им шанс.

Усиление нетарифного протекционизма

Существенное усиление протекционизма — явный признак экономической фрагментации, известный со времен глубокой древности. Он сопутствовал каждому распаду экономических систем ойкумены, например, позднеримского экономического мира в III веке н. э. [20]. Однако нетарифный вид протекционизма, пожалуй, никогда прежде не был так широко и разнообразно использован, как в последние десятилетия. В отличие от тарифного, использующего такие «прозрачные» инструменты, как тарифы, квоты и субсидии, нетарифный протекционизм использует меры гораздо менее «прозрачные» — внутреннее технологическое регулирование, стандарты экологической безопасности и т. д. Ограничение МНТС, как вид нетарифного протекционизма, также явление не новое, его теоретические истоки прослеживаются в веберизме [14]. Со второй половины XX в. значение этого вида протекционизма нарастает. Глобальный Запад, в первую очередь США, — признанный лидер мирового НТР, является главным источником такого рода ограничений, ставших для США сначала важным инструментом холодной войны, а затем инструментом американоцентричной глобализации. Еще в 1954 г. Станислав Андрески в работе «Военная организация и общество» писал: «...революция в сфере транспорта и коммуникаций уже обрекла национальное государство на роль анахронизма... при таких обстоятельствах мировая империя не только возможна, но и (если не произойдет полного уничтожения) неизбежна» [9]. Очевидно, что США пошли именно таким («имперским») путем глобализации. На это, в частности, указывали критики проекта соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, обращая

² Russia Sanctions Dashboard. *Castellum.AI*. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (accessed: 11.01.2026).

внимание на то значительное место, которое отводилось в нем параграфам, посвященным регулированию оборота интеллектуальной собственности [11; 19]. По их мнению, США таким образом стремились ограничить в своих интересах торговые возможности как остальных участников соглашения, так и стран, не включенных в него, в первую очередь Китая [1; 7]. Внимание критиков привлек и тот факт, что переговоры проходили в режиме секретности, а документы, принятые по их итогам, не предназначались для публикации.

Помимо международных соглашений, распространенным инструментом нетарифного протекционизма традиционно выступает внутреннее («местное») регулирование. Примерами его «недобросовестного» использования могут служить меры ЕС по ограничению «шумности» самолетов, фактически направленные против российских авиаперевозчиков, и «сертификационная» кампания против российской вакцины «Спутник», развернутая в США и ЕС во время пандемии COVID-19.

Многолетнее лидерство США и их ближайших союзников в мировом НТР и управляемые ими процессы глобализации, ослабив авторитет национального государства, способствовали укреплению позиций конкурирующих с ним транснациональных корпораций, большинство из которых являются налоговыми резидентами стран «Большой семерки» (США — около 30%). Численность ТНК и субъектность на мировой арене постоянно возрастают [6]. ТНК контролируют примерно 80% мировой патентной базы, обеспечивают половину мирового промышленного производства и четверть мирового ВВП [5]. Объемы МНТС и международной торговли, которую ведут между собой эти компании, превышают показатели отдельных стран [4]. Примерно половина сегодняшних ТНК — высокотехнологичные компании. И хотя интересы ТНК не всегда совпадают с интересами США, принцип «Что хорошо для “Дженерал моторс”, хорошо для Америки» по-прежнему актуален. Благодаря ТНК, повсеместное распространение «западных» стандартов, в частности, в ИКТ и фармацевтике, создало еще один «нетарифный» инструмент, позволяющий, например, игнорировать результаты и авторство НИОКР или блокировать выход на мировые рынки инновационного продукта.

Наша страна в полной мере испытала на себе действие описанных инструментов. Не секрет, что сохранение после 1991 г. ограничений МНТС «эпохи СССР» и отказ в экономической поддержке российских реформ, аналогичной предоставленной

странам бывшего «социалистического лагеря», были частью политики «сдерживания», усиливавшейся по мере восстановления России после кризиса «переходного периода» 1990-х гг. Например, поправка Джексона — Вэника (символ сдерживания СССР), введенная в 1974 г. (формально отменена в 2012 г.), действует до сих пор под другим названием³. На это указывает и оригинальная формулировка соответствующего решения конгресса США: «...Jackson–Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012»⁴. Документы так называемой «Доктрины Вулфовица», относящиеся к 91–92 гг. XX в., показывают, что Россия, по замыслу западных партнеров, в технологическом отношении должна была оставаться зависимой от США и их союзников⁵. Средством достижения этой цели стали многочисленные ограничения в МНТС в отношении передовых отечественных предприятий и научных центров, вводившиеся задолго до событий 2022 г.

Китай — еще один пример объекта нетарифного протекционизма со стороны США. Ограничения на трансфер в Китай критически важных технологий в таких, например, сферах, как производство полупроводников или реактивных двигателей, стали важнейшим «нетарифным» инструментом «тарифной войны» США против этой страны.

Если американскую политику ограничения МНТС в интересах «технологического сдерживания» нашей страны или Китая можно назвать своего рода продолжением холодной войны, то политику последних десятилетий, проводимую в отношении МНТС с ближайшими союзниками (например, Германией или Южной Кореей), можно сравнить с американской антиколониальной политикой середины XX в., разрушившей (отнюдь не из гуманитарных соображений) империи своих союзников по НАТО (Великобритании, Нидерландов, Бельгии и др.). Такие программы, как “Reshoring”, демонстрируют стремление американского правительства, оказывая давление на технологический сектор ближайших союзников, побудить их передовые предприятия к переносу своих производств и интеллектуальной собственности

³ H.R. 4405 (112th): Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012. *GovTrack.us*. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/112/hr4405/text> (accessed: 01.03.2026).

⁴ URL: <https://www.congress.gov/112/plaws/publ208/PLAW-112publ208.pdf> (accessed: 01.03.2026).

⁵ См., например, параграф “Technological Superiority” (Defense Planning Guidance, FY 1994–1999. ISCAP, 1992, Feb. 29. P. 5).

в США, в т. ч. с использованием открытого политического давления и «тарифного шантажа». И здесь ключевым мотивом является воспрепятствование МНТС из-за боязни утраты контроля над соответствующими технологиями и технологическими рынками — главная причина блокирования США российско-германского соглашения о продаже концерна «Опель» или поставок Австралии подводных лодок французского производства. Можно сказать, что в случае США конечные цели нетарифных ограничений МНТС в отношении союзников и противников идентичны.

Широкое использование санкций — крайнее проявление нетарифного протекционизма и, пожалуй, самая яркая черта текущего кризиса. Существует множество противоречащих друг другу толкований понятия «санкции». Большинство из них указывает на «запретительный» характер данного вида ограничений и тот факт, что угроза применения (если угодно, шантаж) является важнейшим его элементом. Одно из наиболее удачных определений санкций заключается в «преднамеренном, вызванном правительством прекращении или угрозе прекращения обычных торговых или финансовых отношений» [16]. Уже из одного определения ясно, что демонстративное использование санкций, игнорирующее (а по сути, разрушающее) механизмы международной торговли, созданные после окончания Второй мировой и холодной войн под патронажем США, является признаком наступившей «эпохи неопределенности», долгосрочное планирование в которой будет проблематично. Попытки оценить роль фактора неопределенности в экономике стали важным направлением современной науки [10]. Они указывают на связанные с ним угрозы МНТС в серьезных проектах: масштабных НИОКР (например, разработка и клинические испытания «прорывных» фармацевтических препаратов) или крупных технологических и инфраструктурных проектах (мегапроектах), например, строительстве атомных электростанций [8]. И то и другое требует длительного и стабильного финансирования, надлежащей защиты собственности, постоянства и надежности партнеров по МНТС и т. д.

Безусловно, сегодня США определяют мировую «санкционную повестку». Еще до начала СВО (по состоянию на конец 2021 г.) страна являлась «автором» 2/3 мирового «объема» санкций, существовавших на тот момент. Большинство из них были направлены на финансовые и технологические секторы экономик «подсанкционных» стран. Для стран Запада, чья военная и экономическая мощь в последние десятилетия заметно убывает, финансы

и технологии — едва ли не последние эффективные инструменты влияния на мировую экономику. Хотя наибольшая часть мировых ресурсов находится за пределами не только «Большой семерки», но и ОЭСР, именно здесь сосредоточена большая часть мировой денежной эмиссии. Глобальный Запад по-прежнему контролирует большую часть мирового «портфеля» критически важных технологий, хотя постепенно перестает быть «главным источником прогресса на Земле». Политика «технологического превосходства», провозглашенная в 2025 г. инструментом концепции национальной безопасности США [18], показывает, что решать эту проблему нынешние лидеры мирового НТР намерены не расширением, а ограничением МНТС.

Характерной чертой современных санкций стало объяснение их интересами «национальной безопасности», что представляет дополнительную угрозу для МНТС. Примечательно, что в 29-страничном тексте «Стратегии национальной безопасности США», опубликованной в ноябре 2025 г., слово «технологии» и его производные встречаются 29 раз [18]. Словосочетание «национальная безопасность» фигурирует и в протоколах разбирательств ВТО. Виды ограничительных мер, запрещенные во всех других случаях, допускаются правилами ВТО, когда речь идет о вопросах безопасности. То есть и механизмы ВТО не могут полноценно обеспечить защиту МНТС от произвола одной из сторон. Но даже в тех случаях, когда ВТО (или суд, как в случае с решением президента Байдена по сделке Nippon Steel, обжалованном в Апелляционном суде округа Колумбия) принимает решение не в пользу ответчика, последний может заявить о праве действовать по своему усмотрению в интересах «национальной безопасности». Президент Трамп в ответ на решение верховного суда США, признавшего в 2025 г. неконституционной его тарифную политику, открыто заявил о «наличии запасного плана». Интересами «национальной безопасности», как правило, объясняются и персональные санкции, которым подвергаются исследовательские центры и даже отдельные ученые. Дэниэл Голден прямо указывает на то, что спецслужбы США ведут в отношении иностранных ученых целенаправленную работу, используя для этого американские университеты и научные организации [17]. И здесь главная «мишень» санкций — МНТС. В наиболее уязвимом положении оказываются наиболее успешные акторы МНТС, имеющие мировое признание, интегрированные в мировую науку, участвующие в знаковых проектах. В отличие от других видов ограничений, ущерб, причиняемый санкциями, часто более нагляден. В этой связи интересно

сравнить «тарифную сделку» 2025 г. между США и Республикой Корея с предложениями «мирного плана США по Украине», опубликованного в том же году. В рамках «сделки» Республика Корея обязалась выплатить 350 млрд долл. «для инвестиций» и закупить СПГ в США на 100 млрд долл. В рамках «мирного плана» России предлагалось согласиться с «использованием» США 100 млрд долл. замороженных активов «для инвестиций», а оставшиеся 200 млрд долл. направить в «американо-российский инвестиционный инструмент». То есть и здесь в отношении «врагов» и «друзей» совершаются аналогичные действия, отличающиеся главным образом сопровождающей их риторикой.

В этих условиях для стран, стремящихся к технологическому суверенитету, в обозримом будущем речь пойдет если не о «войне технологий» по принципу «все против всех», то по крайней мере о формировании группами дружественных стран альянсов для защиты своих интересов, в т. ч. обеспечения взаимовыгодного характера МНТС, технологического суверенитета, конкуренции на мировых рынках и т. д. Фундаментом такой кооперации становятся существующие и вновь возникающие «очаги» регионального экономического сотрудничества, формирующиеся вокруг соглашений, объединяющих интересы нескольких стран. Старейшее и, пожалуй, наиболее эффективное из них — ЕС — зародилось в Западной Европе вскоре после окончания Второй мировой войны. В 1970 г., всего через 20 лет после учреждения Европейского объединения угля и стали (1957 г.), благодаря эффективно-му МНТС научных и промышленных кругов стран-участниц была создана компания “Airbus”, первые разработанные и произведенные самолеты которой (A300) уже в 1974 г. дополнили парк компании “Air France” [12]. Тогда страны — участницы проекта, по сути, отказались от собственных программ развития авиапрома, создав таким образом мирового лидера отрасли и самый известный мегапроект ЕС. В наши дни региональными (и трансрегиональными) соглашениями такого рода охвачены страны, обеспечивающие до 80% мирового ВВП [15]. Помимо трансформировавшегося в Евросоюз Европейского объединения угля и стали, а также Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА, 1994 г.), в последние десятилетия появились: Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПП), Африканская континентальная зона свободной торговли (AfCFTA), региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (RCEP). В 2006 г. Бразилия, Россия, Индия и Китай договорились о создании БРИКС. В 2015 г. вступил в силу договор о Евразийском

экономическом союзе (ЕАЭС), в который сегодня интегрируются такие разные страны, как Куба, Иран и Вьетнам. Далеко не все подобные соглашения (по крайней мере изначально) протекционистские по своему духу и букве. Как правило, подписавшие их страны стремятся упростить торгово-экономические отношения (в т. ч. МНТС) между собой, а возникающие проблемы доступа третьих стран к их рынкам — естественный «побочный эффект» таких процессов. Однако со временем они могут приобрести и выраженную политическую окраску [19].

Заключение

По всей видимости, подобно тому, как это происходило в эпоху бурного промышленного роста Нового времени в Европе, вокруг упомянутых центров влияния по всему миру будут возникать собственные «технологические зоны» со своими технологическими стандартами, регулированием и т. д. Такое разделение неизбежно приведет к конкуренции, а в перспективе, возможно, и к военно-политическому противостоянию некоторых из них. Это поставит большинство стран перед лицом непростой задачи — определения своего места в складывающейся системе международных отношений.

Очевидно, что в обозримом будущем США, продолжая борьбу за сохранение статуса мирового технологического лидера, параллельно (и не зависимо от успехов этой борьбы) продолжат «нащупывать» границы собственной технологической зоны, которой, в отдаленной перспективе, им придется ограничить свои экономические амбиции. Политика этой страны в ближайшие десятилетия во многом определит путь развития мирового МНТС. По всей видимости, распространение критически важных американских технологий не будет выходить за их пределы. Пока среди американских элит нет единства по поводу того, будут ли это границы Западного полушария, AUKUS или NATO. Статус мировой резервной валюты, закрепленный за долларом США, и порожденные этим статусом инструменты и в обозримом будущем позволят американскому правительству влиять на финансовые возможности МНТС практически любой страны и вести детальное отслеживание отдельных транзакций, препятствуя им по своему усмотрению. Для самих США «путь ограничений» является серьезным вызовом. Как показывает история, он часто выступает предвестником экономического упадка, утраты позиций на международной арене и редко достигает цели. По иронии, хрестоматийным примером этому является Китай, который

США сегодня называют «главным технологическим вызовом». В прошлом стремление сохранить «технологическое превосходство» путем ограничений привело не только к утрате контроля над главными ноу-хау (производства шелка, пороха, фарфора и т. д.), но и к упадку китайской экономики, а затем и государства [2]. При этом сдержать «утечку» технологий страна так и не смогла. Именно в XVIII в. — веке, который стал одновременно и «золотым веком» имперского Китая, и эпохой его «окончательного закрытия», в Европе на промышленном уровне были воспроизведены многие китайские технологии, а императорский Китай окончательно утратил статус мирового лидера НТР.

Современный Китай, по мнению США, — «наиболее полная и мощная военная угроза национальной безопасности», крупнейшая и во многом самодостаточная экономика, имеет потенциал для реализации собственной технологической зоны в одиночку. Уже сегодня влияние этой страны на судьбы мирового МНТС соизмеримо с американским, и в обозримом будущем станет ясно, насколько эффективно Китай им распорядится. Помимо упомянутого варианта самостоятельного развития технологической зоны, страна может вовлечь в нее соседей по АТР, для подавляющего большинства из которых технологический мезальянс с Китаем де-факто уже состоялся. Гипотетически не исключен и вариант создания общей технологической зоны с Российской Федерацией. СВО и события последних четырех лет серьезно сблизили наши страны. Несмотря на санкции и угрожающую риторику США, китайским технологическим компаниям в короткие сроки удалось заместить ряд западных партнеров России по МНТС. Например, в 2023 г. (первый «полный санкционный» год) на Китай пришлось свыше 60% российского импорта промышленных роботов. Однако уровень этого МНТС для нашей страны остается недостаточным. Окончательную позицию Китая по широкому МНТС с РФ определит спор китайских «почвенников и западников», в котором МНТС играет не последнюю роль. Как и в России, позиции китайских «западников» традиционно сильны благодаря отнюдь не сторонникам либеральных ценностей и гражданских свобод, но технократам, имеющим прочные связи в Силиконовой долине, MIT и лондонском Сити. Для них МНТС с Европой, США и их союзниками в АТР несоизмеримо важнее МНТС с нашей страной, а конкуренция с Россией за влияние в Центральной Азии и КНДР, ее тесные связи с Индией и Вьетнамом — вызовы более важные, чем проблема Тайваня. Именно им адресованы заявления западных политиков о «необходимости выбирать» между Россией и Запа-

дом [18]. С другой стороны, площадки БРИКС и ШОС могут стать важным элементом традиционного «срединного пути» китайской политики, который позволит стране (по крайней мере, в ближайшем будущем) продолжить балансировать между такими странами, как Иран и Россия, с одной стороны, и странами Глобального Запада — с другой. Стратегия «балансирования» представляется наиболее вероятной траекторией развития политики Китая (в т. ч. в МНТС).

Выбор предстоит сделать не только Китаю. Таким странам, как Индия или Бразилия, также необходимо, соотнеся свои политические амбиции с реальными возможностями, принять решение о формировании собственных технологических зон либо о вхождении на тех или иных условиях в «чужую» зону. Обе страны являются крупными, во многом самодостаточными экономиками и имеют как сложившееся предпосылки, так и новые возможности для вхождения в будущие технологические зоны (США, ЕС, Великобритании, России), участие в которых, по всей видимости, будет взаимоисключающим и поставит их перед сложным выбором. Свои сложности несет и исторический «багаж» этих стран. Гипотетически, для Индии участие в технологической зоне Китая было бы наилучшим решением. Однако по политическим причинам такой вариант практически исключен. Рост национализма и трагическое колониальное прошлое могут не позволить Индии войти и в технологическую зону Великобритании, если таковая возникнет. При этом, как показывает динамика американо-вьетнамских отношений последних лет, выход за рамки привычных политических клише может принести серьезные экономические дивиденды. Очевидно стремление названных стран к поддержанию нейтрального статуса. Их недавние шаги на политической арене явно свидетельствуют о том, что ни один сценарий не может быть окончательно исключен. Возможно, это последнее свойство Бразилии и Индии окажет влияние на выбор Китая и России в пользу формирования общей технологической зоны БРИКС.

Другим странам (например, Японии и Южной Корее) предстоит решить, следовать ли своим экономическим интересам, делая ставку на кооперацию и постепенное политическое сближение с соседями по региону (Россией, Китаем, Вьетнамом и т. д.), или, соблюдая внешнеполитические интересы в том виде, в каком они были сформулированы еще в середине XX в., возвращаться к отведенной им в те годы роли — американского «военного лагеря» на границах Китая [18]. К сожалению, последний сценарий

представляется весьма вероятным, тем более что в Японии и Южной Корее на постоянной основе размещены американские войска, а потенциал ВПК этих стран, уровень подготовки личного состава их вооруженных сил, качество вооружений и мобилизационные возможности превосходят показатели таких стран, как Турция или Германия. По данным рейтинга совокупной военной мощи за I квартал 2026 г., Южная Корея находится на 5-м, Япония — на 7-м месте в мире⁶. На фоне ухудшения американо-китайских отношений положение «военного лагеря» (ввиду близости «вероятного противника») снижает инвестиционную привлекательность этих стран. В сочетании с их консервативной миграционной политикой, ситуацией на рынке труда, а также американской политикой «выдавливания» в США технологических предприятий это создает предпосылки для снижения промышленного потенциала и замедления темпов НТР даже в отсутствие крупного военного конфликта в регионе [13].

Российская Федерация, имеющая значительный научно-технологический задел, качество природных и человеческих ресурсов, политическое и экономическое влияние, имеет все предпосылки для превращения в один из предполагаемых центров влияния и формирования собственной технологической зоны. Как показывают события последних лет, это является для нашей страны важной задачей экзистенциального характера. Относительно небольшой внутренний рынок, обеспечиваемый невысокой по сравнению с большинством упомянутых выше стран численностью населения, «недружественность» России многих стран — лидеров мирового НТР, вкупе с ущербом, нанесенным их многолетней политикой в отношении нашей страны, серьезно усложняют ее решение.

Сумеет ли наша страна добиться успеха на этом пути — покажет время. В любом случае уже сегодня на государственном уровне необходимо поставить такую задачу и приложить действенные усилия для ее выполнения.

⁶ 2026 Military Strength Ranking. Ranking the nations of the world based on current available firepower. *Global Firepower*. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed: 01.03.2026).

Литература

1. Ван Цзюньтао, Любина Д. Е. Транстихоокеанское партнерство и позиция Китайской Народной Республики. *Управленческое консультирование*. 2020. № 9. С. 42–53.
2. Васильев Л. С. История Востока. Т. 1. 3-е изд. М.: Высшая школа, 2003. 512 с.
3. Дюмулен И. И. Нетарифные меры в современной международной торговле: некоторые вопросы теории, практика и правила ВТО, интересы России. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 2. С. 3–20.
4. Дюмулен И. И. Протекционизм и многосторонние переговоры ВТО в годы глобального экономического кризиса (2008–2010 гг.) и в последующий период. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2011. № 6. С. 3–11.
5. Капустина Л. М., Фальченко О. Д. Транснациональные корпорации: роль в экономическом развитии России. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. 164 с.
6. Синцеров Л. М. Трансформация роли транснациональных корпораций в мировом хозяйстве и сдвиги в географии прямых иностранных инвестиций. *Известия РАН. Серия географическая*. 2021. Т. 85, № 6. С. 819–827.
7. Aggarwal V. K., Evenett S. J. A Fragmenting Global Economy: A Weakened WTO, Mega FTAs, and Murky Protectionism. *Swiss Political Science Review*. 2013. Vol. 19 (4). P. 550–557.
8. Al-Thaqeb S. A., Algharabali B. G. Economic policy uncertainty: A literature review. *The Journal of Economic Asymmetries*. 2019. Vol. 20, e00133. <https://doi.org/10.1016/j.jeca.2019.e00133>
9. Andreski S. *Military Organization and Society*. London: Routledge & Paul, 1968. 238 p.
10. Baker S. R., Bloom N., Davis S. J. Measuring economic policy uncertainty. *Quarterly Journal of Economics*. 2016. Vol. 131 (4). P. 1593–1636.
11. Baldwin R., Low P. *Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trade System*. Cambridge University Press, 2009. 742 p.
12. Banks H. Airbus Comes of Age. *Forbes*. 1987. Feb. 23. P. 36–37.
13. Bloom N. Fluctuations in uncertainty. *Journal of Economic Perspectives*. 2014. Vol. 28 (2). P. 153–176.
14. Collins R. *Weberian Sociological Theory*. Cambridge University Press, 1986. 356 p.
15. Dadush U., Prost E. D. Preferential Trade Agreements, Geopolitics, and the Fragmentation of World Trade. *World Trade Review*. 2023. Vol. 22 (2). P. 278–294.
16. *Economic Sanctions Reconsidered* / G. C. Hufbauer, J. J. Schott, K. A. Elliott, B. Oegg. Columbia University Press, 2008. 248 p.
17. Hagerty E. J. *Spy Schools: How the CIA, FBI, and Foreign Intelligence Secretly Exploit America's Universities*. By Daniel Golden. NY: Henry Holt and Company, 2017. *Journal of Strategic Security*. 2019. Vol. 12, No. 1. P. 107–110.
18. *National Security Strategy of the United States of America*. November 2025. Washington: The White House, 2025. 32 p.
19. *No Ordinary Deal — Unmasking the Trans-Pacific Partnership Free Trade Agreement* / ed. by J. Kelsey. Bridget Williams Books, 2010. 288 p.
20. Southern P. *The Roman Empire from Severus to Constantine*. Routledge, 2001. 401 p.

References

1. Wang Juntao, Lyubina D. E. Trans-Pacific Partnership and the position of the People's Republic of China. *Management Consulting*. 2020. No. 9. P. 42–53. (In Russ.)
2. Vasiliev L. S. *The History of the East*. Vol. 1. 3rd ed. Moscow: Higher School, 2003. 512 p. (In Russ.)
3. Dumoulen I. I. Non-tariff measures in modern international trade: some issues of theory, practice and WTO rules, interests of Russia. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2016. No. 2. P. 3–20. (In Russ.)
4. Dumoulen I. I. Protectionism and multilateral WTO negotiations during the global economic crisis (2008–2010) and beyond. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2011. No. 6. P. 3–11. (In Russ.)
5. Kapustina L. M., Falchenko O. D. *Transnational corporations: their Role in Russia's economic Development*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State University of Economics, 2015. 164 p. (In Russ.)

6. Sinzerov L. M. Transformation of the role of multinational corporations in the global economy and shifts in the geography of foreign direct investment. *News of the Russian Academy of Sciences*. Geographical series. 2021. Vol. 85, No. 6. P. 819–827. (In Russ.)
7. Aggarwal V. K., Evenett S. J. A Fragmenting Global Economy: A Weakened WTO, Mega FTAs, and Murky Protectionism. *Swiss Political Science Review*. 2013. Vol. 19 (4). P. 550–557.
8. Al-Thaqeb S. A., Algharabali B. G. Economic policy uncertainty: A literature review // *The Journal of Economic Asymmetries*. 2019. Vol. 20, e00133. <https://doi.org/10.1016/j.jeca.2019.e00133>
9. Andreski S. *Military Organization and Society*. London: Routledge & Paul, 1968. 238 p.
10. Baker S. R., Bloom N., Davis S. J. Measuring economic policy uncertainty. *Quarterly Journal of Economics*. 2016. Vol. 131 (4). P. 1593–1636.
11. Baldwin R., Low P. *Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trade System*. Cambridge University Press, 2009. 742 p.
12. Banks H. Airbus Comes of Age. *Forbes*. 1987. Feb. 23. P. 36–37.
13. Bloom N. Fluctuations in uncertainty. *Journal of Economic Perspectives*. 2014. Vol. 28 (2). P. 153–176.
14. Collins R. *Weberian Sociological Theory*. Cambridge University Press, 1986. 356 p.
15. Dadush U., Prost E. D. Preferential Trade Agreements, Geopolitics, and the Fragmentation of World Trade. *World Trade Review*. 2023. Vol. 22 (2). P. 278–294.
16. *Economic Sanctions Reconsidered* / G. C. Hufbauer, J. J. Schott, K. A. Elliott, B. Oegg. Columbia University Press, 2008. 248 p.
17. Hagerty E. J. *Spy Schools: How the CIA, FBI, and Foreign Intelligence Secretly Exploit America's Universities*. By Daniel Golden. NY: Henry Holt and Company, 2017. *Journal of Strategic Security*. 2019. Vol. 12, No. 1. P. 107–110.
18. *National Security Strategy of the United States of America*. November 2025. Washington: The White House, 2025. 32 p.
19. *No Ordinary Deal — Unmasking the Trans-Pacific Partnership Free Trade Agreement* / ed. by J. Kelsey. Bridget Williams Books, 2010. 288 p.
20. Southern P. *The Roman Empire from Severus to Constantine*. Routledge, 2001. 401 p.

Сячин Валерий Геннадьевич,

аспирант,

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИКА РАН), Москва.

Valeriy G. Syachin,

PhD student,

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy
of Sciences (ICCA RAS), Moscow.

E-mail: spartak-t@mail.ru

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ДВУСТОРОННИХ ВАЛЮТНЫХ СВОП-СОГЛАШЕНИЙ НАРОДНОГО БАНКА КИТАЯ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЮАНЯ

ANALYSIS OF THE BILATERAL CURRENCY SWAP AGREEMENTS OF THE PEOPLE'S BANK OF CHINA AND THEIR IMPACT ON THE INTERNATIONAL USE OF THE CHINESE YUAN

Аннотация: статья анализирует двусторонние валютные своп-соглашения (ДВСП) Народного банка Китая (НБК) в контексте реализации целей по интернационализации китайского юаня. В рамках работы дана общая характеристика ДВСП, основных предпосылок их заключения, а также краткий обзор практики применения другими странами. С точки зрения экономики-партнера выделены основные цели активации ДВСП и описано потенциальное влияние от применения средств, полученных в результате валютного свопа, на процессы интернационализации юаня.

Основной акцент в статье сделан на анализе целесообразности и практики использования ДВСП в качестве инструмента получения дополнительной валютной ликвидности для внутреннего рынка, инструмента кредитования, укрепления финансовой стабильности и (или) стимулирования двусторонней торговли и инвестиций. В работе подчеркивается, что предпосылки, способные привести к активации ДВСП с Народным банком Китая, а также стоимость использования полученных средств могут накладывать существенные ограничения на стремление экономик-партнеров использовать ДВСП для получения валютной ликвидности и (или) стимулирования двусторонней торговли.

В работе уточняются результаты предшествующих исследований по указанной теме, расширяются их временные рамки и методологическая основа. Проведенный в рамках работы исторический и количественный анализ практики активации ДВСП с Китаем показывает, что наиболее активно свопы используются экономикami-партнерами в качестве инструмента получения финансирования в иностранной валюте, например, как альтернатива или дополнение финансированию от международных финансовых институтов, таких как МВФ.

В заключении статьи делается вывод, что на данный момент своп-соглашения не могут оказать существенного прямого влияния на интернационализацию юаня в долгосрочной перспективе, ввиду особенностей ДВСП как финансового инструмента, а также в силу малого объема когда-либо активированных свопов. В то же время отмечается положительная роль, которую ДВСП с Китаем могут играть для укрепления доверия к юаню на зарубежных финансовых рынках, что косвенно способно привлечь большее число участников указанных рынков к его более активному использованию.

Ключевые слова: Китай, валютный своп, BCSAs, НБК, интернационализация юаня, кредитование последней инстанции, расчеты в национальных валютах.

Abstract: This article analyzes the bilateral currency swap agreements (BCSAs) of the People's Bank of China (PBoC) in the context of achieving the goals of internationalizing the Chinese yuan. The paper provides a general description of BCSAs, the main prerequisites for their conclusion, and a brief overview of their use by other countries. From the perspective of the partner economy, the main objectives of activating BCSAs are highlighted and the potential impact of the use of funds obtained as a result of currency swaps on the internationalization of the yuan is described.

The main focus of the article is on analyzing the feasibility and practice of using BCSAs as a tool for obtaining additional currency liquidity for the domestic market, a lending tool, a tool for strengthening financial stability and/or stimulating bilateral trade and investment. The paper emphasizes that the preconditions that could lead to the activation of the swap with PBoC, as well as the cost of using the funds received, may impose significant constraints on the desire of partner economies to use the swap to obtain foreign exchange liquidity and/or stimulate bilateral trade.

The paper refines the results of previous studies on this topic, expanding their time frame and methodological basis. The historical and quantitative analysis of the practice of activating BCSAs with China conducted as part of this work shows that swaps are most actively used by partner economies as a tool for obtaining foreign currency financing, for example, as an alternative or supplement to financing from international financial institutions such as the IMF.

The article concludes that, at present, swap agreements may not have a significant direct impact on the internationalization of the yuan in the long term, given the characteristics of the BCSA as a financial instrument and the small volume of swaps ever activated. At the same time, it notes the positive role that BCSAs with China can play in strengthening confidence in the yuan in foreign financial markets, which could indirectly attract more participants in these markets to use it more actively.

Key words: China, currency swap, BCSAs, PBoC, internationalization of Chinese yuan, lender of the last resort, settlements in national currencies.

Введение

*Двустороннее валютное своп-соглашение*¹ — это соглашение между двумя центральными банками об обмене эквивалентной суммой в двух национальных валютах на определенный срок под установленный процент.

После мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. центральные банки крупных экономик стали чаще заключать валютные своп-соглашения. С одной стороны, страны осознали необходимость иметь надежный источник валютной ликвидности в условиях турбулентности, с другой — увидели возможность к расширению влияния собственных национальных валют [3].

¹ Далее под «валютным свопом» и (или) «свопом» будет пониматься именно двустороннее валютное своп-соглашение.

К сторонам, оценившим функцию своп-соглашений по получению дополнительной валютной ликвидности, можно отнести прежде всего финансовых регуляторов развитых экономик. В то же время Народный банк Китая (НБК), напротив, стал продвигать практику использования своп-соглашений не только для устранения краткосрочных дефицитов юаневой ликвидности в третьих странах, но и для общего продвижения процесса интернационализации юаня.

Именно интернационализация юаня остается одним из приоритетов в международной повестке НБК². По состоянию на конец 2025 г. действуют 32 своп-соглашения между НБК и финансовыми регуляторами других стран³. Их общий объем достигает 4,5 трлн юаней (около 0,64 трлн долларов США). Количество указанных соглашений и набор экономик, с которыми они заключены, в целом остаются стабильными, начиная с 2016 г. — со времени, когда интернационализация юаня стала проявляться наиболее активно (рис. 1)⁴.

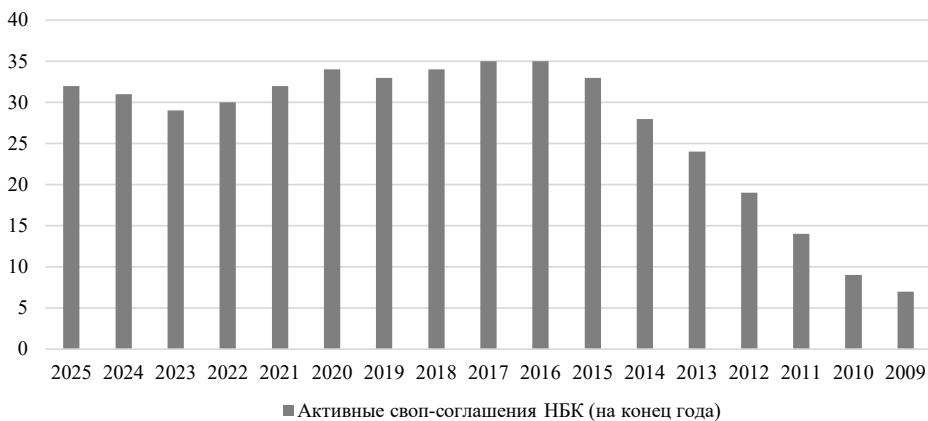

Рис. 1. Активные своп-соглашения НБК (2010–2025 гг.)
(составлено автором на основе данных и официальных пресс-релизов НБК и информации из открытых источников)

² RMB Internationalization Reports 2016-2025. *People's Bank of China*. URL: <https://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/index.html> (accessed: 06.01.2026).

³ Status of Bilateral Local Currency Swap Agreements Signed by the People's Bank of China. *People's Bank of China*. URL: <https://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3688657/5920618/index.html> (accessed: 06.01.2026).

⁴ Von Beschwitz B. Internationalization of the Chinese renminbi: progress and outlook. *FEDS Notes*. 2024. August 6. URL: <https://www.federalreserve.gov/econres/notes/feds-notes/internationalization-of-the-chinese-renminbi-progress-and-outlook-20240830.html> (accessed: 06.01.2026).

В существующей литературе не сложилось однозначного мнения в отношении влияния своп-соглашений на процесс интернационализации юаня. Некоторые исследователи отмечают, что интернационализация юаня является лишь внешним предлогом к заключению таких соглашений, в то время как реальные функции свопов с НБК могут отличаться [7; 8]. Другие авторы, напротив, отмечают положительную роль, которую свопы могут играть в повышении доли использования юаня в мировой экономике [8; 9; 12]. В связи с этим прежде всего требуется анализ масштабов использования указанных соглашений различными странами и конкретных нужд, на которые идут полученные средства, а также сравнение с практикой применения аналогичных инструментов другими центральными банками.

В настоящей статье будет рассмотрена текущая ситуация со своп-соглашениями, заключенными между НБК и финансовыми регуляторами других стран, в частности, будут рассмотрены наиболее частые сценарии, объемы и последствия их активации. В заключении будет также оценено потенциальное влияние указанных свопов на процессы интернационализации китайского юаня.

Локомотивом практики заключения подобных соглашений в период мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. была Федеральная резервная система США (ФРС). На фоне глобального недостатка долларовой ликвидности и роста спредов на денежных рынках ФРС заключила соглашения с 14 иностранными регуляторами [11]. Указанные свопы позволяют сторонам предоставлять доллары местным коммерческим банкам и избегать тем самым резких колебаний спредов на валютных рынках, поддерживая финансовую стабильность в странах-реципиентах. При этом срок свопов ФРС США, как правило, не превышает трех месяцев⁵.

НБК начал развивать собственные двусторонние своп-соглашения в 2009 г., ориентируясь на аналогичные цели. Первый двусторонний своп был заключен с Гонконгским монетарным управлением (Hong Kong Monetary Authority; HKMA) и также был ориентирован на предотвращение потенциального дефицита ликвидности на главном оффшорном рынке юаня [14].

⁵ Central bank liquidity swaps. *US Federal Reserve*. URL: https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/bst_liquidityswaps.htm (accessed: 06.01.2026).

По мере расширения географии своп-соглашений НБК они стали использоваться не только для устранения дефицита ликвидности и поддержания финансовой стабильности, но и для стимулирования двусторонней торговли и инвестиций⁶.

Акцент на положительную роль свопов для торговли инвестиций в пресс-релизах НБК во многом стал причиной, по которой ряд исследователей полагают, что указанный инструмент стал в первую очередь служить целям интернационализации юаня и развития двусторонних торговых связей, а не быть инструментом предоставления кратко- и среднесрочной ликвидности, как своп-линии ФРС США и других стран [9].

Тем не менее механизмы работы свопов ФРС США и НБК концептуально не отличаются, в связи с чем политические мотивы Китая при заключении своп-соглашений не отменяют широкого спектра возможностей использования указанных соглашений.

Как верно отмечает ряд исследователей, двусторонние своп-соглашения позволяют странам-партнерам в равной степени использовать их для продвижения интересов своих национальных валют [4]. Исходя из этого, многие страны не рассматривают двусторонние свопы как попытку навязывания китайских интересов, а следовательно, также заинтересованы в соглашении, как минимум, в качестве шага к укреплению партнерства. Помимо этого, своп-соглашение до момента его активации не предполагает каких-либо издержек и потому вполне может восприниматься лишь в качестве «протокола о намерениях». Сама же по себе возможность получения юаневой ликвидности также полезна для иностранного регулятора, например, в случае резкого увеличения спроса на юань на внутреннем валютном рынке.

Предпосылки и сценарии использования двусторонних валютных своп-соглашений

Рассмотрим различные сценарии использования двустороннего своп-соглашения и то, какое влияние в рамках указанных сценариев могут оказать свопы с НБК на процесс интернационализации юаня.

⁶ Например, пресс-релиз НБК о продлении своп-соглашения с Исландией — PBOC Extends Bilateral Currency Swap Arrangement with the Central Bank of Iceland. *People's Bank of China*. URL: <https://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3688657/2025120610020774992/index.html> (accessed: 06.01.2026).

Цели, которым могут служить двусторонние своп-соглашения можно свести к четырем основным пунктам, три из которых (1,3 и 4) тесно взаимосвязаны: (1) предоставление валютной ликвидности; (2) кредитование последней инстанции; (3) поддержание финансовой стабильности или (4) поддержка двусторонней торговли.

При этом схема активации своп-линии по умолчанию выглядит следующим образом (рис. 2).

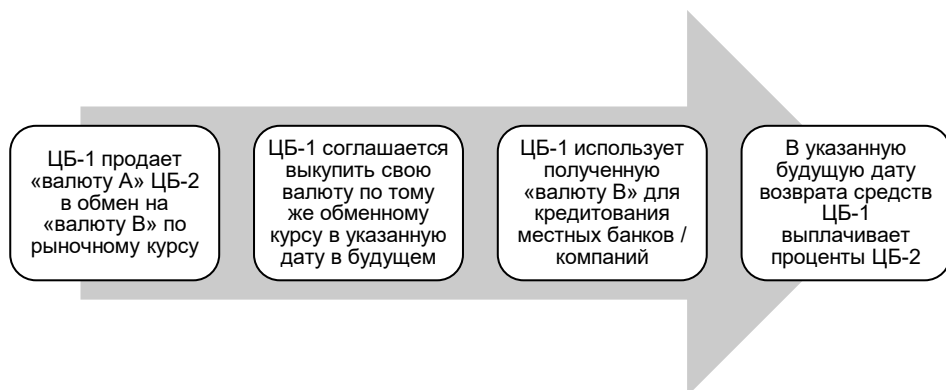

Рис. 2. Механизм использования свопа между центральными банками (ЦБ) двух стран
(составлено автором)

Исходя из Рис. 2, прямое назначение свопа — **(1) предоставить валютную ликвидность** центральному банку Страны А на определенный срок в случае, если банки Страны А испытывают дефицит иностранной валюты.

Чтобы ЦБ Страны А с наибольшей вероятностью воспользовался двусторонним свопом, международные каналы пополнения ликвидности в требуемой иностранной валюте для банков Страны А, в том числе каналы прямой покупки иностранной валюты ЦБ Страны А, должны быть ограничены — в противном случае, банковский сектор или центральный банк самостоятельно привлекут нужные средства на международных рынках капитала и устранят дефицит без участия ЦБ Страны Б. Иными словами, помимо основной предпосылки в виде дефицита ликвидности в иностранной валюте, вероятность использования свопа Страной А повышается при наличии одного или нескольких из нижеследующих факторов:

- 1) на международных рынках также наблюдается дефицит ликвидности в требуемой иностранной валюте⁷;
- 2) страна А имеет ограниченный доступ к международным финансовым рынкам;
- 3) требуемая иностранная валюта не является свободно конвертируемой;
- 4) резервов, находящихся в распоряжении Страны А, недостаточно, чтобы компенсировать дефицит валютной ликвидности на внутреннем рынке, и (или) Страна А не готова использовать данные средства в целях покрытия дефицита.

Последнее уточнение является наиболее существенным, поскольку при реализации первых трех условий ЦБ Страны А все еще может использовать собственные средства в указанной иностранной валюте, осуществляя своп-операции с местными коммерческими банками, тем самым компенсируя дефицит.

Однако даже при выполнении всех вышеперечисленных условий потенциальный двусторонний своп со Страной Б будет не единственным решением. Альтернатива — **прямые международные кредиты**, которые зачастую дешевле и проще по своей сути. Например, линия краткосрочной поддержки ликвидности (ЛКЛ) МВФ действует в течение года, обладая гибкими условиями и низкой стоимостью — 3,55%^{8, 9}. Стоимость свопов с НБК западные аналитики оценивают как SHIBOR(6M)+2–4% для большинства стран¹⁰, то есть от 3,63% до 5,63% на конец 2025 г.

Само собой, для получения займа в рамках ЛКЛ требуется соответствие ряду критериев (достаточность резервов, низкая инфляция и устойчивость финансовой системы). Большинство стран, которые задействовали свопы с НБК в качестве альтернативы кредитам, не соответствовали указанным критериям. Лишь немногие активировали своп без предшествующего финансирования от МВФ¹¹.

⁷ Okamoto G.W.S. The Short-term Liquidity Line: A New IMF Tool to Help in the Crisis. *International Monetary Fund (IMF)*. URL: <https://www.imf.org/ru/blogs/articles/2020/04/22/blog-the-short-term-liquidity-line-a-new-imf-tool-to-help-in-the-crisis> (accessed: 06.01.2026).

⁸ Ha 31.12.2025.

⁹ Okamoto G.W.S. The Short-term Liquidity Line: A New IMF Tool to Help in the Crisis. *International Monetary Fund (IMF)*. URL: <https://www.imf.org/ru/blogs/articles/2020/04/22/blog-the-short-term-liquidity-line-a-new-imf-tool-to-help-in-the-crisis> (accessed: 06.01.2026).

¹⁰ China's Portfolio of Overseas Loans & Grants. *AidData*. URL: <https://china.aiddata.org/> (accessed: 06.01.2026).

¹¹ Watrous J., Paduano S. PBOC Swap Lines and the IMF in the Global Financial Architecture: Competition or Cooperation? *BU Global Development Policy Center*. 2025. URL: <https://www.bu.edu/gdp/2025/04/28/pboc-swap-lines-and-the-imf-in-the-global-financial-architecture-competition-or-cooperation/> (accessed: 06.01.2026).

Как итог, помимо обозначенных выше условий, для активации свопа Стране А потребуется:

5) исчерпать кредитные лимиты в международных финансовых институтах / не соответствовать критериям выделения средств от них;

и (или)

6) иметь внутренние ограничения на международные заимствования.

В совокупности выполнение всех шести факторов видится крайне маловероятным и, наиболее вероятно, будет сопровождаться финансовым кризисом. То есть вероятность использования свопа в обычных условиях крайне мала, что подтверждается эмпирически и будет рассмотрено ниже [7].

В то же время при выполнении всех шести условий, в том числе при исчерпании возможностей международного заимствования, своп вполне может выступать в качестве **(2) кредитования последней инстанции**. Международная практика показывает, что свопы действительно могут служить временной альтернативой международным кредитам. Например, Исландия в 2008 г. использовала своп-соглашения в качестве источника финансирования для стабилизации национальной валюты до момента получения финансовой помощи от МВФ [6]¹².

Также показателен случай Аргентины, в 2023 г. активировавшей своп с НБК для погашения долга перед МВФ. В июне 2023 г. Аргентина должна была выплатить МВФ около 2,7 млрд долл. США по кредиту «стэнд-бай» (Stand-by arrangement, SBA), однако ввиду сокращения резервов прибегла к свопу с НБК для покрытия транша перед МВФ¹³. Размер свопа составил около 4,9 млрд долл. США.

В 2024 г. активный транш на сумму 4,9 млрд долл. США был продлен до середины 2026 г., что по факту означает трансформацию свопа в кредит сроком на три года. При этом случай с Аргентиной далеко не единственный, когда своп фактически превращался в долгосрочный кредит (справедливо для Монголии,

¹² Аналогично поступали в разные годы Аргентина, Венгрия, Ирландия, Польша, Шри-Ланка, Мальдивы, Монголия и другие страны.

¹³ С 2015 г. Аргентина имеет возможность конвертировать юани, полученные от свопа с НБК, в доллары США. Из 2,7 млрд долл. США долга перед МВФ, только 1 млрд был погашен в долларах, остальная часть — напрямую в юанях.

Лаоса, Шри-Ланки и др.), — по оценке некоторых авторов, средний срок погашения свопов с НБК составляет порядка 3,5 лет [8].

Продление аргентинского свопа с НБК вызвано сохранением дефицита валютных резервов и продолжением долгового кризиса в стране. В октябре 2025 г. Аргентина также заключила своп-соглашение с Казначейством США в размере 20 млрд долл. США «с целью поддержания макроэкономической и ценовой стабильности». Соглашение сопровождалось покупкой аргентинского песо со стороны Казначейства США и было призвано укрепить курс национальной валюты.

Пример свопа с США показывает третью цель, которую может преследовать активация валютных свопов, а именно **(3) поддержание финансовой стабильности**. В случае со свопами НБК с такой целью их использовал, например, Пакистан. В отличие от Аргентины, Государственный банк Пакистана в 2014 г. активировал своп с НБК в размере 5 млрд юаней не для стабилизации курса национальной валюты и (или) выплаты внешнего долга, а для устранения дефицита платежного баланса, который в широком смысле был вызван отрицательным сальдо внешней торговли [5]¹⁴. То есть отрицательное сальдо торговли, по факту, было покрыто за счет валютных резервов. Отчасти данная ситуация также подходит под описание цели **(4) «поддержка двусторонней торговли»**.

Отдельные исследователи отмечают, что своп-соглашения с НБК продвигают интернационализацию юаня путем упрощения трансграничных платежей за внешнюю торговлю при сохранении ограничений на движение капитала в Китае [7]. Насыщение иностранных рынков юаневой ликвидностью действительно может способствовать повышению доли юаня в расчетах банками и клиентами страны-партнера КНР, однако есть ряд факторов, которые существенно ограничивают данное следствие.

Во-первых, как было подчеркнуто ранее, центральные банки других стран вряд ли будут готовы активировать своп-соглашение с НБК без наличия весомых предпосылок.

Во-вторых, дефицит юаневой ликвидности на внутреннем рынке уже предполагает возникновение повышенного спроса на китайский юань у местных банков и (или) их клиентов.

¹⁴ Annual Performance Review 2014–2015. *State Bank of Pakistan*. 2015. October. URL: [https://www.sbp.org.pk/reports/annual/arFY15/Vol1/APR-FY15 \(Complete\).pdf](https://www.sbp.org.pk/reports/annual/arFY15/Vol1/APR-FY15%20(Complete).pdf) (accessed: 06.01.2026).

Своп-линия в данном случае будет скорее **инструментом, позволяющим не допустить кризисной ситуации, способной подорвать доверие к юаню среди участников рынка данной страны.**

И, наконец, в-третьих, центральные банки других стран не будут готовы оплачивать процесс интернационализации юаня за счет собственных средств, в связи с чем по мере устранения потребности в юанях они будут вновь возвращены НБК. То есть активация свопа в долгосрочной перспективе не приведет к увеличению предложения юаня на валютном рынке другой страны и, следовательно, не удешевит стоимость его заимствования для местных банков, что могло бы стать для них стимулом к расширению использования китайского юаня в своих операциях.

В это смысле показателен пример Нигерии, которая в период с 2018 по 2023 гг. неоднократно задействовала своп-соглашение с целью снижения спроса на доллар США со стороны коммерческих банков¹⁵.

С середины 2010-х гг. экономика Нигерии, включая расчеты за внешнюю торговлю, начала подвергаться существенной долларизации ввиду ослабления национальной валюты [1]. В частности, несмотря на то, что Китай стал крупнейшим экспортером товаров в Нигерию, расчеты с китайскими контрагентами проводились в долларах США.

Центральный банк Нигерии, озабоченный долларизацией экономики, принял решение задействовать юаневый своп, который позволил бы не только устранить сложившийся дефицит долларов США, заменив их юанями для целей импорта из КНР, но и в целом стимулировать банки в меньшей степени полагаться на американскую валюту.

Как итог, ЦБ Нигерии в период с 2018 по 2023 г. в рамках собственных операций предоставил коммерческим банками суммарно не менее 9,2 млрд юаней, полученных в результате свопа с НБК. Выделяемые ежегодно суммы в среднем были эквивалентны около 1,2–1,3% годового нигерийского импорта товаров из КНР.

Несмотря на указанные усилия по дедолларизации, в 2023 г. ЦБ Нигерии прекратил совершать сделки в рамках выработанного механизма с задействованием своп-соглашения с НБК.

¹⁵ Annual Activity Reports (2018–2023). *Central Bank of Nigeria. Financial Markets Department*. URL: <https://www.cbn.gov.ng/> (accessed: 06.01.2026).

По информации нигерийского регулятора, расчеты с китайскими инвесторами вновь стали осуществляться в долларах США, что подтверждает невозможность систематического продвижения интернационализации юаня путем валютных свопов и подчеркивает неготовность центральных банков других стран оплачивать интернационализацию юаня, стимулируя юаневые расчеты через своп.

Рассмотренные выше цели для активации своп-соглашений могут быть актуальны для разных стран и с разной периодичностью. Однако они дают, прежде всего, концептуальное объяснение мотивов и иных предпосылок к активации двусторонних своп-соглашений.

Анализ использования своп-соглашений НБК

Помимо общих аспектов, целесообразно также количественно проанализировать опыт использования свопов НБК другими странами. Подобные попытки консолидировать информацию о всех выданных свопах предпринимались в разное время, однако они содержат множество пробелов и редко носят комплексный характер [7; 8]¹⁶.

Указанная работа ставила задачу по восполнению указанных пробелов. В Таблице 1 собраны сведения о каждом известном случае активации свопов с НБК различными экономиками и их мотивация.

Таблица 1

Примеры активации свопов с НБК различными экономиками¹⁷

(Составлено автором на основе публикаций НБК, МВФ и Всемирного банка, финансовых регуляторов отдельных стран и информации из открытых источников)

Страна	Год и размер активации в юанях	Мотивация
Аргентина	2023, около 36 млрд	2014: для укрепления международных резервов на фоне дефолта; 2023: Выплата долга перед МВФ в рамках SBA.

¹⁶ Steil B., Harding E., Zucker S., 2024. Central Bank Currency Swaps Tracker. *Council on Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org/tracker/central-bank-currency-swaps-tracker> (accessed: 06.01.2026).

¹⁷ Серым выделены страны, которые использовали своп в ситуации экономической нестабильности.

Страна	Год и размер активации в юанях	Мотивация
Беларусь	2015, 1 млрд	Покрытие дефицита платежного баланса (финансирование товарного импорта)
Гонконг	2010, сумма неизвестна	Реакция на назревающий дефицит ликвидности на оффшорном рынке юаней, вызванный тем, что годовая квота гонконгского клирингового центра в юанях (Bank of China, Hong Kong) на конвертацию торговых расчетов в юанях была исчерпана.
Египет	2017, 18 млрд	Покрытие дефицита платежного баланса (укрепление валютных резервов).
Республика Корея	2013, около 360 млрд	Финансирование корейских компаний и банков для осуществления ими расчетов за торговлю и инвестиции
Лаос	2020, около 2 млрд	Покрытие дефицита платежного баланса (укрепление валютных резервов).
Малайзия	2020, около 7,2 млрд	Для предоставления ликвидности местным банкам на цели финансирования торговли, инвестиций и управления ликвидностью.
Монголия	2014 (или ранее), 12 млрд	Покрытие дефицита платежного баланса (укрепление валютных резервов)
Нигерия	2018–2023, не менее 9,2 млрд суммарно	Для снижения спроса на доллар США со стороны коммерческих банков и поддержания валютных резервов
Пакистан	С 2013 неоднократно, 30 млрд	Для увеличения валютных резервов с целью стабилизации курса национальной валюты.
Россия	2015–2018, около 3 млрд суммарно	Для снижения спроса на доллар США со стороны коммерческих банков.
Сингапур	Неизвестно ¹⁸	Предположительно сингапурский регулятор использует своп для целей финансовой стабильности и обеспечения расчетов за торговлю и инвестиции.
Шри-Ланка	2021, 10 млрд	Для увеличения валютных резервов на фоне угрозы дефолта по международным обязательствам.
Суринам	2015, 1 млрд	Для увеличения валютных резервов на фоне угрозы дефолта по международным обязательствам.

¹⁸ На основе агрегированных данных, публикуемых Monetary Authority of Singapore (MAS), можно предположить задействование свопа с НБК.

Страна	Год и размер активации в юанях	Мотивация
Таджикистан	2016, 1 млн	Для увеличения валютных резервов и покрытия дефицита торгового баланса.
Турция	2016, 1 млрд 2019, 7 млрд 2021, 35 млрд (предположительно)	Для увеличения валютных резервов с целью стабилизации курса национальной валюты.
Украина	2015, предположительно, около 2 млрд	Для увеличения валютных резервов.
Итого (с 2014 г.)	Около 164,5 млрд юаней	

Предыдущие исследования отмечают значительное отличие географии своп-соглашений НБК от географии аналогичных соглашений центральных банков развитых экономик¹⁹.

Если руководствоваться классификацией экономик МВФ, то из 32 действующих соглашений НБК лишь половина заключена с развитыми экономиками, в то время как вторая половина соглашений заключена с развивающимися странами, которыми практически не располагают центральные банки стран G7.

Помимо этого, география действующих своп-соглашений НБК говорит о преимущественной ориентации на азиатские страны и ближайших соседей, а также на развитые европейские экономики (рис. 3).

Подобное географическое распределение в целом совпадает с перечнем основных внешнеторговых партнеров КНР. В большей степени соглашения заключаются с теми экономиками-партнерами, с которыми Китай имеет преференциальные торговые и (или) инвестиционные соглашения [9]. В то же время далеко не все страны, с которыми НБК подписал своп-соглашения, когда-либо применяли их на практике.

¹⁹ Steil B., Harding E., Zucker S., 2024. Central Bank Currency Swaps Tracker. *Council on Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org/tracker/central-bank-currency-swaps-tracker> (accessed: 06.01.2026).

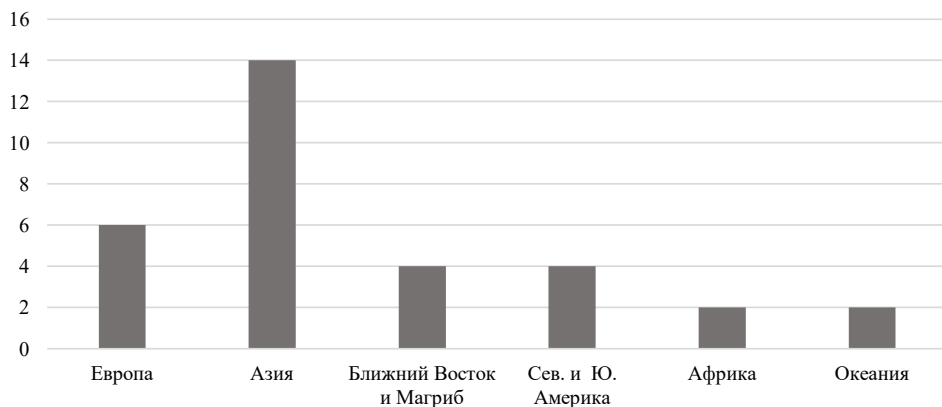

Рис. 3. Действующие своп-соглашения НБК в разбивке по регионам

(составлено автором на основе данных НБК по состоянию на 31 декабря 2025 г.)

Для целей количественного анализа, как правило, бывает весьма затруднительно определить факт активации свопа, поскольку активации не всегда сопровождаются официальными комментариями. Наиболее комплексные исследования делают попытки количественной оценки размера активных своп-линий на базе агрегированных цифр, публикуемых НБК, и данных из открытых источников [8]. В настоящей работе аналогичные методы дополняются более широким перечнем официальных источников, материалами МВФ, а также использованием косвенных метрик, что будет подробно описано ниже.

Результаты оценки размеров активации своп-соглашений Китая с центральными банками других стран и их сравнение с агрегированными данными НБК приведены на Рис. 3.

Анализ данных за период с 2010 г. позволяет судить, что наиболее активно свопы с НБК задействовались экономиками-партнерами в период экономической нестабильности²⁰. Так, с 2020 г. наблюдался существенный рост объемов активации, несмотря на сохранение общего числа своп-соглашений. Всего из 17 стран 10 задействовали свопы с НБК в периоды внутренней

²⁰ Данные по объемам активации свопов за 2010–2013 гг. носят отрывочный характер и были вынесены за пределы количественного анализа.

экономической нестабильности. Аналогичные исследования приводят цифру в 13 экономик [8], однако подробный разбор каждого из случаев не подтверждает указанную оценку. Например, активация свопа Россией в 2015–2016 гг. не была связана с кризисом: ее резервы оставались стабильными на уровне 350–400 млрд долларов США, что на тот момент было эквивалентно двум годам импорта^{21, 22}. Ситуация в Нигерии также не была кризисной по оценкам МВФ²³.

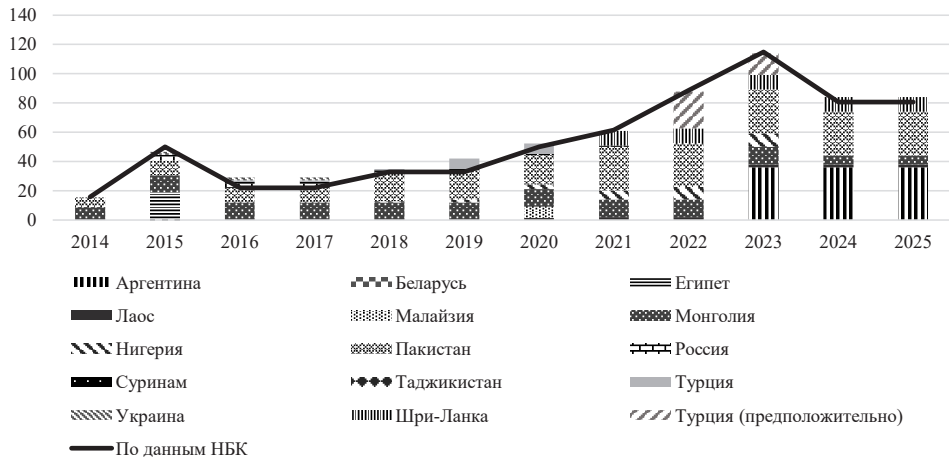

Рис. 4. Объемы активации свопов, определенные на основе открытых источников, в сравнении с агрегированными данными НБК

(составлено автором на основе данных НБК, материалов МВФ и финансовых регуляторов отдельных стран, а также информации из открытых источников)

В целом на Рис. 4 показано, что данные, полученные из открытых источников, близки к агрегированным сведениям, публикуемым НБК. Наибольшее расхождение наблюдается в 2022–2023 гг., которое, вероятно, вызвано неразглашенным траншем в

²¹ При этом признаком финансовой нестабильности является снижение уровня международных резервов ниже эквивалента трех месяцев импорта.

²² Международные резервы Российской Федерации: Еженедельные значения на конец отчетной даты. Банк России. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_7d/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=12.2014&UniDbQuery.To=12.2016 (дата обращения: 06.01.2026).

²³ Nigeria 2018 Article IV Consultation. *Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for Nigeria* / IMF Country Report. 2018. March. No. 18/63. P. 1–72.

пользу одной из стран, состоявшимся в третьем квартале 2022 г. и в значительной степени погашенном к концу третьего квартала 2024 г.²⁴

Наиболее вероятным реципиентом указанного транша выступает Турция, которая, по отдельным сообщениям, в указанный период могла активировать свой своп. Анализ динамики обязательств Центрального банка Республики Турция (ЦБРТ) свидетельствует, что в конце 2022 — начале 2023 г. они выросли примерно на 25 млрд юаней (в эквиваленте) и уменьшились на пропорциональную величину к концу 2024 г. Поквартальное сопоставление динамики обязательств ЦБРТ и размера активных свопов НБК подтверждает выдвинутую гипотезу (рис. 5).

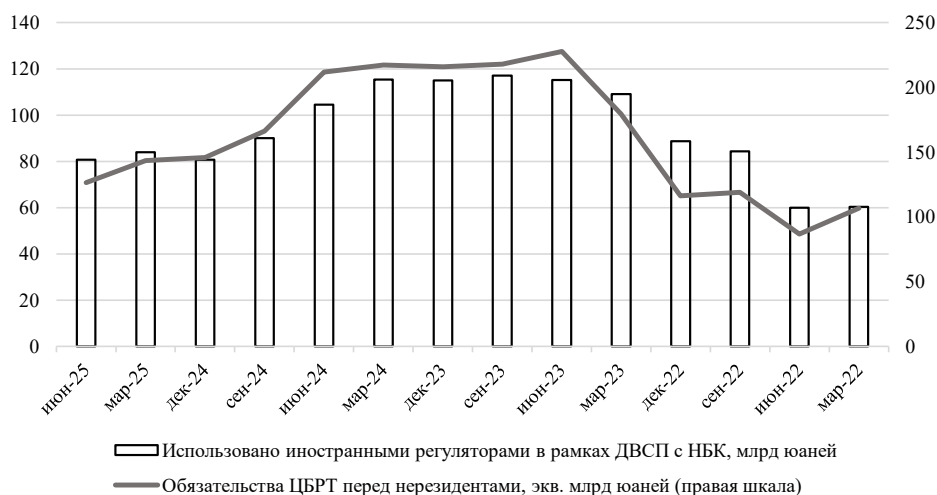

Рис. 5. Сравнение динамики использования валютных свопов НБК и обязательств ЦБ Турции перед нерезидентами (2022–2025 гг.)
(составлено автором на основе данных ЦБРТ и НБК)

Отдельно стоит отметить, что в период относительной стабилизации мировой экономики в 2024–2025 гг. новых активаций свопов, вероятнее всего, не происходило.

²⁴ Monetary Policy Reports. *People's Bank of China*. URL: <https://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688353/3688356/index.html> (accessed: 06.01.2026).

Классификация активированных свопов с НБК

В рамках исследования также была проведена классификация активированных свопов с НБК на базе четырех основных целей их использования, обозначенных ранее. Чаще всего своп с НБК использовался экономиками-партнерами в качестве кредита (6 из 17; рис. 6 и рис. 7), в частности, Аргентиной, Лаосом, Монголией, Пакистаном, Шри-Ланкой и Суринамом.

Общий размер задействованных свопов с НБК в 2014–2025 гг. составил около 164,5 млрд юаней (около 22,4 млрд долларов США), при этом более половины активированных сумм в итоге были выделены в качестве кредита (91 млрд юаней), что в целом соответствует выводам более ранних исследований [8].

По прямому назначению, то есть для предоставления ликвидности коммерческим банкам, свопы с НБК использовались реже всего (3 из 17) на сравнительно небольшие суммы (7,4%, или 12,2 млрд юаней), что также соответствует выводам ряда авторов²⁵. К указанной группе можно отнести Гонконг, Нигерию и Россию, где в период с 2014 по 2017 г. Банк России проводил валютные своп-операции для повышения устойчивости внутреннего валютного рынка в условиях структурного дефицита ликвидности²⁶.

С учетом конечной цели зарубежного регулятора лишь четыре страны (Беларусь, Республика Корея, Таджикистан, Малайзия) задействовали свопы для стимулирования торговли и инвестиций. Без учета Кореи (размер свопа неизвестен) на эти цели направлено не более 5% от общих сумм активаций (8,3 млрд юаней).

Остальные страны в основном направляли средства, полученные в результате свопа, на цели финансовой стабильности, чаще всего — для повышения доли валютных резервов (в частности, более высокая доля резервов могла быть необходима для получения кредита от МВФ — это справедливо для случая активации свопа Египтом в 2015 г. [8]). Также к указанной группе можно отнести страны, не испытывавших явной угрозы дефолта, которым

²⁵ Steil B., Harding E., Zucker S., 2024. Central Bank Currency Swaps Tracker. *Council on Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org/tracker/central-bank-currency-swaps-tracker> (accessed: 06.01.2026).

²⁶ Central bank liquidity swaps. *US Federal Reserve*. URL: https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/bst_liquidityswaps.htm (accessed: 06.01.2026).

в то же время требовалось проводить интервенции на валютном рынке для стабилизации курса национальной валюты — например, Турции в 2019 и 2021 гг.²⁷

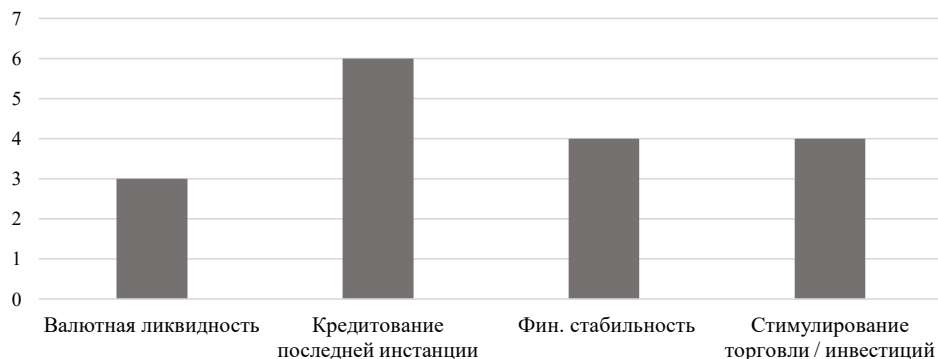

Рис. 6. Количество экономик, активировавших своп с НБК по указанным причинам
(составлено автором на основе результатов, изложенных в Таблице 1)

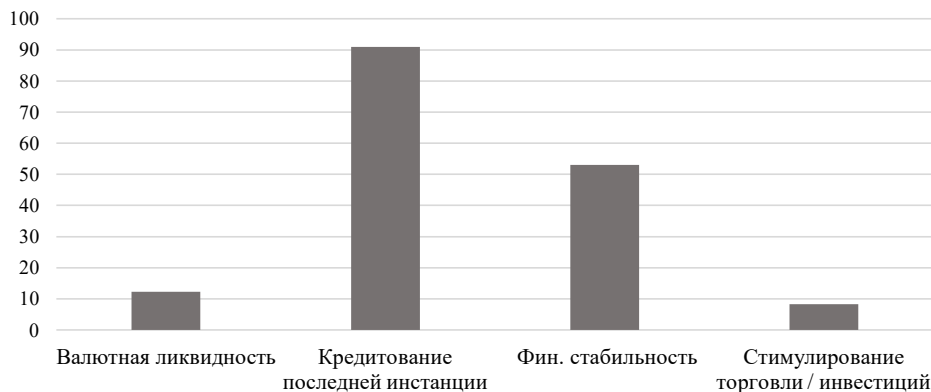

Рис. 7. Суммы активации двусторонних свопов с НБК в разбивке по цели использования средств экономикой-получателем, в млрд юаней
(составлено автором на основе результатов, изложенных в Таблице 1)

²⁷ Turkey. Article IV Consultation — Press Release; Staff Report. *IMF Country Report*. 2021. June. No. 21/110. P.1–57.

Опираясь на вышесказанное, можно суммировать роль своп-соглашений НБК в контексте процессов интернационализации юаня.

Заключение

В рамках указанной статьи были значительно уточнены и дополнены результаты предшествующих исследований [8; 13]²⁸, а также расширен временной диапазон исследования.

По итогам проведенного анализа можно отметить, что предпосылки, цели и механизм двусторонних валютных своп-соглашений не способны приводить к росту использования той или иной валюты в стране-партнере в долгосрочной перспективе. Так, предпосылки, подталкивающие финансового регулятора другой страны к активации свопа, либо уже предполагают рост спроса на китайский юань среди местных банков, либо напрямую не связаны с вопросами ликвидности. Большая часть экономик, которые активировали свопы с НБК в период с 2010 по 2025 гг., не были нацелены на расширение использования юаня как такового, а использовали его исключительно для укрепления международных резервов или выплаты внешних обязательств. При этом некоторые страны, такие как Нигерия, действительно стремившиеся использовать средства от своп-соглашения для увеличения использования юаня местными банками, в итоге отказались от него по мере устранения структурного дефицита валютной ликвидности на внутреннем рынке.

Кроме того, факт активации и сам финансовый механизм двустороннего валютного свопа с НБК напрямую не могут привести к устойчивому росту использования юаня в других странах, поскольку не предполагают долгосрочное увеличение спроса на юань в экономике-партнере. В то же время своп может служить психологическим фактором, который укрепляет доверие к использованию китайского юаня в качестве инструмента на внутреннем валютном рынке другой страны. В частности, валютный своп между центральными банками может придавать уверенности участникам рынка в том, что возможный дефицит ликвидности будет разрешен вмешательством регулятора, как это было в Гонконге в 2010 г. [10]. Количественная оценка указанного

²⁸ Steil B., Harding E., Zucker S., 2024. Central Bank Currency Swaps Tracker. *Council on Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org/tracker/central-bank-currency-swaps-tracker> (accessed: 06.01.2026).

«психологического» эффекта представляется затруднительной, однако можно с уверенностью сказать, что он не будет велик для экономик, где присутствуют уполномоченные клиринговые банки в юанях (например, Бразилия, ЕС, Россия, Малайзия и др.), поскольку дочерние китайские банки с высокой вероятностью будут готовы самостоятельно стать поставщиками юаневой ликвидности для местных коммерческих банков в случае наличия такой потребности.

Кратковременный эффект от активации своп-соглашений теоретически может повлиять на рост международного использования юаня, однако важно учитывать, что объем активации свопов с НБК за последние 12 лет составил лишь 164,5 млрд юаней. При этом только за 2024 г. объем трансграничных операций в юанях, совершенных с участием контрагентов из КНР, составил 64,1 трлн юаней²⁹. Таким образом, потенциальное влияние от активации свопов с НБК на мировую долю расчетов в юанях крайне ограничено.

Тем не менее своп-соглашения с НБК способны быть хорошим инструментом экстренного кредитования, который остается доступным даже для стран, по тем или иным причинам не имеющих доступа к иным источникам заимствования на мировых финансовых рынках. Указанная практика не оказывает прямого влияния на интернационализацию юаня, однако позволяет Китаю иметь рычаги политического давления на страны-заемщики. Эти рычаги, в свою очередь, могут быть напрямую или косвенно использованы для более активного продвижения использования китайского юаня в указанных странах.

Литература (References)

1. Adamu Y. Unofficial Dollarisation and Monetary Policy in Nigeria. *CBN Economic and Financial Review*. 2017. Vol. 55. No.2. P. 69–86.
2. Allen W. A. International Liquidity and the Financial Crisis. Cambridge University Press. 2013. February. P.1–255.
3. Destais C. Central Bank Currency Swaps and the International Monetary System. Centre d'Études Prospectives et d'Informations Internationales (CEPII). *Policy Brief*. 2014. September. Vol. 05. P. 1–10. 4
4. Dong T. The Role of Currency Swaps on the Internationalization of RMB. Atlantis Press. *Advances in Economics, Business and Management Research, Proceedings of the 2021 3rd International Conference on Economic Management and Cultural Industry (ICEMCI 2015)*. 2016. P. 20–23. <https://doi.org/10.5089/9798400235559.001>

²⁹ Monetary Policy Reports. *People's Bank of China*. URL: <https://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688353/3688356/index.html> (accessed: 06.01.2026).

5. Finnigan C. Pakistan: Foreign reserves and the debt crisis. *The London School of Economics and Political Science*. 2019. April. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/southasia/2019/04/10/pakistan-foreign-reserves-and-the-debt-crisis/> (accessed: 06.01.2026).
6. Hoffner B. Scandinavia: Central Bank Swaps to Iceland, 2008. *Journal of Financial Crises*. 2023. Vol. 5. Issue 1. P. 380–401. <https://doi.org/10.17132/2693-3179.1493>
7. Hofman B., Petry J. Internationalization of the RMB: Status, Options and Risks. B. Hofman, J. Petry. *China Kennisnetwerk*. 2025. March. P. 1–84.
8. Horn S., et al. China as an International Lender of Last Resort / B.C. Parks, C.M. Reinhart, C. Trebesch. *World Bank Group*. 2023. March. Policy Research Working Paper No. 10380. P. 1–40.
9. Liao S., McDowell D. E. Redback Rising: China's Bilateral Swap Agreements and RMB Internationalization. *International Studies Quarterly*. 2015. September. Issue 3. Vol. 59. P. 401–422.
10. Maziad S., Kang J. S. RMB Internationalization: Onshore/Offshore Links. *IMF Working Paper*. 2012. May. No. 12/133. P. 1–35. <https://doi.org/10.5089/9798400235559.001>
11. McCauley R. N., Schenk C. R. Central bank swaps then and now: swaps and dollar liquidity in the 1960s. *BIS Working Papers. Monetary and Economic Department*. 2020. April. No. 851. P. 1–44.
12. Perez-Saiz H., Zhang L. Renminbi Usage in Cross-Border Payments: Regional Patterns and the Role of Swap Lines and Offshore Clearing Banks. *IMF Working Paper*. 2023. March 31. No. 77. P. 1–24. <https://doi.org/10.5089/9798400235559.001>.
13. Perks M. et al. Evolution of Bilateral Swap Lines / Y. Rao, J. Shin, K. Tokuda. *IMF Working Paper*. 2021. August. WP/21/21. P.1–40.
14. Rigg R. and Schou-Zibell L. The Financial Crisis and Money Markets in Emerging Asia. *ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration*. 2009. November. No. 38. P. 1–48.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ногмова Аделина Шафиковна,

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политической теории,
Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва.

Adelina Sh. Nogmova,

Ph.D. (Political Science),
Associate Professor,
Associate Professor in Political Theory Department,
Diplomatic Academy of MGIMO of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: adelinamid@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

EVOLUTION OF THE STATE BORDER POLICY OF RUSSIA

Аннотация: в статье проведено углубленное исследование эволюции государственной приграничной политики Российской Федерации с начала 1990-х гг. до современного этапа. Показано, как в постсоветский период российская стратегия управления границами трансформировалась от политики открытости и приграничного сотрудничества — через механизмы двусторонних соглашений и еврорегионов — к модели, учитывающей новые геополитические реалии и риски. Проанализированы ключевые вехи: заключение соглашений о приграничном взаимодействии в 1990-е гг., формирование Союзного государства с Беларусью и создание Евразийского экономического союза, углубление трансграничного сотрудничества с ЕС, а также влияние конфликта на украинском направлении на пограничную политику России. Особое внимание уделено изменению приоритетов — от экономической интеграции к обеспечению безопасности границ и развитию альтернативных направлений внешнеэкономических связей. На основе отечественных и зарубежных академических источников выявлены факторы, обусловившие переход к новой парадигме — усилению геостратегического контроля над рубежами и одновременной ориентации на многополярные механизмы интеграции. Сделан вывод, что современная российская приграничная политика сочетает элементы приграничного сотрудничества и «фортификационного» подхода в ответ на внешние вызовы, что подтверждается трансформацией взаимодействия с сопредельными государствами на западном и южном направлениях и выражается в дифференцированном применении правовых, институциональных

и режимных инструментов управления границей. В их числе: пограничный режим, порядок пропуска, межведомственная координация, финансирование проектов по модернизации инфраструктуры.

В статье также показано, что эволюция приграничной политики носила не линейный, а вариативный характер: на различных участках государственной границы одновременно сочетались меры по упрощению законных перемещений и развитию приграничных контактов с усилением контрольных и охранных функций. Это позволило выделить ключевые факторы смены режимов управления границей: изменение конфигурации угроз, трансформация международно-политической среды и рост значения приграничной инфраструктуры как элемента национальной безопасности и устойчивого развития приграничных регионов.

Ключевые слова: приграничная политика, эволюция, приграничное сотрудничество, еврорегионы, Евразийский экономический союз, геополитические вызовы, безопасность границ, региональная интеграция.

Abstract: The article provides an in-depth study of the evolution of the state border policy of the Russian Federation from the early 1990s to the present stage. It demonstrates how, in the post-Soviet period, Russia's border management strategy transformed from a policy of openness and cross-border cooperation — implemented through bilateral agreements and Euroregions — to a model that takes into account new geopolitical realities and risks. The key milestones are analyzed, including the conclusion of border cooperation agreements in the 1990s, the formation of the Union State with Belarus and the establishment of the Eurasian Economic Union, the deepening of cross-border cooperation with the EU, as well as the impact of the conflict on the Ukrainian front on Russia's border policy. Particular attention is paid to the shift in priorities — from economic integration to ensuring border security and developing alternative directions of foreign economic cooperation. Based on domestic and international academic sources, the article identifies the factors that determined the transition to a new paradigm — strengthening geostrategic control over the borders while simultaneously orienting toward multipolar mechanisms of integration. It concludes that modern Russian border policy combines elements of cross-border cooperation and a “fortification” approach in response to external challenges, as evidenced by the transformation of interactions with neighboring states along the western and southern frontiers. The differentiated use of legal, institutional, and regulatory instruments of border governance is reflected. These include the border regime, border-crossing procedures, interagency coordination, and funding for infrastructure modernization projects.

The article also shows that the evolution of border policy was not linear but variable: along different sections of the state border, measures to facilitate lawful movement and develop cross-border contacts were combined with the strengthening of control and protective functions. This makes it possible to identify the key factors driving shifts in border governance regimes: changes in the configuration of threats, transformations in the international political environment, and the growing significance of border infrastructure as an element of national security and the sustainable development of border regions.

Keywords: border policy, evolution, cross-border cooperation, Euroregions, Eurasian Economic Union, geopolitical challenges, border security, regional integration.

Введение

За три десятилетия после распада СССР российская политика в отношении приграничных территорий прошла путь от открытости к акценту на безопасность. При этом «государственная приграничная политика» в узком смысле включает прежде всего: правовое оформление государственной границы, установление и обеспечение пограничного режима, организацию пропуска через границу; институциональную архитектуру охраны и контроля, а также межведомственную координацию и ресурсное обеспечение.

В начале 1990-х ключевыми задачами были демаркация на отдельных направлениях и формирование механизмов пограничного управления в условиях резкого роста трансграничной мобильности. В условиях либерализации внешнеэкономических отношений Россия одновременно решала две группы задач. Первая заключалась в поддержании законных экономических и гуманитарных перемещений через границу. Вторая — в создании устойчивых режимных и контрольных процедур, позволяющих ограничивать нелегальные потоки. Трансграничные инициативы регионов и международные программы сотрудничества в данный период выступали вспомогательными инструментами и не заменяли собственно государственную приграничную политику. Параллельно Россия инициировала формирование интеграционных объединений с ближайшими соседями на постсоветском пространстве — интеграционных механизмов, влияющих на режимы перемещения товаров и людей. Вместе с тем интеграция (СНГ, Союзное государство, ЕАЭС) относится преимущественно к сфере внешнеэкономической и миграционной политики и лишь опосредованно воздействует на пограничную политику — через изменение правил пропуска, таможенных процедур и форматов совместного администрирования¹.

С начала 2000-х гг. одновременно происходили два разнонаправленных процесса. С одной стороны, происходила модернизация пограничной инфраструктуры и процедур пропуска, с другой — менялись внешние условия, влияющие на выбор модели приграничной политики по направлениям [7]. Все это постепенно смещало акцент государственной пограничной политики с вопросов развития торговли и гуманитарных контактов к вопросам безопасности и территориальной целостности. После кризиса 2014 г., разразившегося в результате антигосударственного переворота на Украине, началось резкое санкционное противостояние, массовая миграция граждан Украины через российско-украинскую границу и радикальный пересмотр режимов пропуска на отдельных ее участках [6]. Внешнее санкционное давление,

¹ Программа согласованных действий в области внешней политики государств-участников Договора о создании Союзного государства на 2002–2003 годы. Москва, 29.01.2002. Утв. Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 12.04.2002 г. № 4. *Электронная библиотека исторических документов*. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/447005-postanovlenie-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva-ot-12-aprelya-2002-g-locale-nil-4-o-programme-soglasovannyh-deystviy-v-oblasti-vneshney-politiki-gosudarstv-uchastnikov-dogovora-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva-na-2002-2003-gody> (дата обращения: 30.12.2025).

усиление военной активности НАТО у российских рубежей с 2014–2015 гг. привели к тому, что пограничная политика России приобрела выраженную оборонительную составляющую: акцент сделан на предотвращении нелегального трансграничного движения, обеспечении безопасности критической инфраструктуры на границе, пресечении военных и разведывательных угроз.

Цель исследования — проследить этапы эволюции российской приграничной политики: от либерального сотрудничества 1990-х к интеграции 2000-х и переходу к модели безопасности после 2014 г. Анализ основан на официальных документах и работах отечественных и зарубежных авторов.

От открытости к сотрудничеству: формирование приграничной политики в 1990-е гг.

После распада СССР приоритетом России стало заключение соглашений о дружбе и границах — в рамках СНГ уже в 1991 г. были зафиксированы принципы признания границ и координации таможенной политики². Границы долго сохраняли «прозрачный» характер: пересечение по внутренним паспортам, выборочный контроль товаров.

Показательным стало взаимодействие с Финляндией. Соглашение 1992 г. о приграничном сотрудничестве заложило основу совместных программ³. На его основе позже появились конкретные программы технической помощи и поддержки социально-экономического развития карельско-финляндского пограничья. В частности, 6 октября 1994 г. Правительство Республики Карелия и МИД Финляндии подписали Протокол о развитии торгово-экономического сотрудничества и оказании технической помощи, предусматривавший финансирование совместных проектов в областях энергетики, лесного хозяйства, экологии, развития транспортной инфраструктуры и пограничных пунктов пропуска⁴.

² Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Минск, 8.12.1991 г. *МИД России*: офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-pros-transtva-sng/sng/1673617/ (дата обращения: 30.12.2025).

³ Соглашение между Правительством РФ и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Хельсинки, 20.01.1992. *МИД России*: офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48740/ (дата обращения: 30.12.2025).

⁴ Протокол о развитии торгово-экономического сотрудничества и об оказании технической помощи между Правительством Республики Карелия и Министерством иностранных дел Финляндии. 6 октября 1994 г. *По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944: Документы и материалы*. Петрозаводск: Карелия, 1995. 642 с.

Этот документ в дальнейшем стал частью более широкой программы Евросоюза TACIS CBC, направленной на развитие приграничного сотрудничества и сокращение разницы в уровне жизни между приграничными регионами⁵. Благодаря этим инициативам в Карелии и Ленинградской области были модернизированы автомобильные переходы на границе, построены новые погрантерминалы, улучшено снабжение приграничных районов.

На этой базе в 2000 г. создан еврорегион «Карелия», аналогичные формы появились и в Калининградской области. В широком смысле еврорегион представляет собой любую добровольную форму средне- или долгосрочной трансграничной кооперации территориальных образований соседних стран, основанную на «Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» 1980 г. [5]. Иными словами, еврорегионы выступают инструментом «малой интеграции» приграничных районов Европы: муниципалитеты и целые районы двух или нескольких государств объединяются для тесного взаимодействия и решения общих проблем развития. Российские пограничные субъекты — Республика Карелия, Калининградская область, Ленинградская область и др. — с конца 1990-х получили возможность более самостоятельно устанавливать прямые контакты с властями сопредельных территорий, например, с финскими регионами Северная Карелия, Кайнуу и др., реализуя совместные проекты в рамках еврорегионов. Приграничная политика России сочетала центральное руководство с «инициативой снизу»: федеральный центр заключал рамочные межправительственные соглашения, в то время как регионы наполняли их конкретным содержанием — организуя торгово-экономические миссии, культурные обмены, совместные выставки и ярмарки, а также участвуя в различных программах ЕС.

Одновременно выстраивалось и договорно-правовое поле с новыми государствами на южных и западных рубежах России. В 1993–1998 гг. были подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и партнерстве практически со всеми странами СНГ, содержавшие разделы о режиме границы и мерах доверия⁶. Во всех

⁵ Special Report No 11/2001 concerning the Tacis cross-border cooperation programme together with the Commission's replies. *Official Journal of the European Communities*. 23.11.2001. Vol. 44. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2001:329:FULL> (accessed: 30.12.2025).

⁶ Договор между Российской Федерацией и Украиной об экономическом сотрудничестве на 1998–2007 годы. Москва, 27.02.1998 (утратил силу 31.12.2007). *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*: офиц. сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8315388> (дата обращения: 30.12.2025); Договор о дружбе и сотрудничестве между

двусторонних договорах России 1990-х — начала 2000-х гг. прослеживается общая тенденция институционализации постсоветского добрососедства. Эти соглашения занимали промежуточное положение между актами политического признания новых независимых государств и функциональными механизмами трансграничного взаимодействия.

В договорах России с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Белоруссией, Азербайджаном, Украиной, Молдовой прямо закреплялись принципы взаимного уважения территориальной целостности и нерушимости существующих границ, отказа от территориальных претензий, а также консультационных механизмов на случай угроз безопасности. В статьях, посвященных экономическому и гуманитарному сотрудничеству, подробно прописывались возможности для прямых связей между приграничными административно-территориальными образованиями, развитие транспортных и энергетических коммуникаций и свободное передвижение граждан.

Российско-казахстанское направление можно назвать модельным примером постсоветского приграничного сотрудничества. В этот период была заложена политико-правовая основа межгосударственного взаимодействия, включающая создание Межправительственной комиссии по сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Уже в середине 1990-х гг.

Российской Федерацией и Республикой Киргизия. Москва, 10.06.1992. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*: офиц. сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901728231> (дата обращения: 30.12.2025); Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Армения. Москва, 29.12.1991. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*: офиц. сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901856678> (дата обращения: 30.12.2025); Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Молдова. Москва, 19.11.2001. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*: офиц. сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901823230> (дата обращения: 30.12.2025); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой. Москва, 03.07.1997. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*: офиц. сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8305322> (дата обращения: 30.12.2025); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Минск, 21.02.1995. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*: офиц. сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901167> (дата обращения: 30.12.2025); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан. Москва, 25.05.1993. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*: офиц. сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902068> (дата обращения: 30.12.2025); Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Москва 25.05.1992. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*: офиц. сайт. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764295> (дата обращения: 30.12.2025).

начались регулярные контакты органов региональной власти, появились первые программы и форумы межрегионального сотрудничества, что обеспечило переход от декларативного партнерства к практическому взаимодействию территорий [8]. Модель была масштабирована на взаимодействие с другими государствами СНГ.

Суммируя вышесказанное, можно говорить о формировании в тот период либеральной парадигмы российской приграничной политики: главной целью было не разделение, а поддержание интенсивного обмена, торгового и культурного, обеспечение взаимных поездок граждан. В научном дискурсе это характеризовалось как стратегия «мягкого регионализма» — инструмент консолидации исторически связанных пространств без прямого политического давления, через рыночные и гуманитарные механизмы [12].

Углубление приграничного взаимодействия в 2000-е гг.

В начале XXI века курс России смещается от «романтики открытых границ» к прагматичной интеграции.

Концепция приграничного сотрудничества 2001 г. стала отправной точкой скоординированной работы органов государственной власти России по взаимодействию с приграничными государствами⁷. В этом документе были обозначены задачи совместного развития инфраструктуры и повышения уровня жизни населения приграничных регионов.

Наряду с углублением приграничного взаимодействия в начале 2000-х Россия сделала ставку на формальное институциональное оформление интеграционных блоков. В 2000 г. было учреждено Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)⁸ с участием ряда стран СНГ — площадка для координации торговой политики и продвижения идеи Таможенного союза. В декабре 1999 г. Россия и Беларусь подписали Договор о создании Союзного государства⁹. Документ включал как экономическое,

⁷ Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ от 9 февраля 2001 г. № 196-р.

⁸ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. Астана, 10.10.2007. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*: офиц. сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901782780> (дата обращения: 30.12.2025).

⁹ Договор о создании Союзного государства. Москва, 8.12.1999. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*: офиц. сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901782780> (дата обращения: 30.12.2025).

так и политическое сближение. В дальнейшем в Союзном государстве была достигнута высокая степень интеграции: отменены таможенные и пограничные посты на внутренней границе, унифицировано значительное число нормативных актов, реализован принцип равных прав граждан двух стран. Для совместного управления Союзным государством созданы наднациональные органы — Высший Государственный Совет, Совет Министров Союзного государства и Постоянный Комитет. В области внешней политики стороны взяли на себя обязательство согласовывать позиции на международной арене и совместно противодействовать внешним угрозам. Программа согласованных действий в области внешней политики прямо указывала на необходимость объединения материального и интеллектуального потенциала приграничных субъектов России и Беларуси, формирования единого экономического и таможенного пространства, развития транспортных и энергетических коридоров, а также совместной охраны внешних границ Союзного государства¹⁰.

Продолжилось активное развитие еврорегиональных проектов на западных и южных границах при финансовой поддержке ЕС. Россия, несмотря на определенные политические разногласия с Евросоюзом, в 2000-е гг. оставалась участником множества программ трансграничного сотрудничества. На северо-западе был инициирован формат «Северное измерение», который объединял государства ЕС, Россию, Норвегию и Исландию и одним из ключевых приоритетов которого стало упрощение пересечения границы и урегулирование экологических проблем в приграничных районах. В 2003 г. был запущен еврорегион «Сауле», включавший территории Калининградской области, Литвы и Польши, а также запуск проектов TACIS для развития Калининградского эксклава, ставшего с 2004 г. окруженной ЕС территорией. Существенным вызовом оказался именно этот факт: после расширения Евросоюза в 2004 г. российско-эстонская, российско-латвийская и российско-польская границы превратились в прямом

¹⁰ Программа согласованных действий в области внешней политики государств-участников Договора о создании Союзного государства на 2002–2003 годы. Москва, 29.01.2002. Утв. Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 12.04.2002 г. № 4. *Электронная библиотека исторических документов*: офиц. сайт. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/447005-postanovlenie-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva-ot-12-aprelya-2002-g-locale-nil-4-o-programme-soglasovannyh-deystviy-v-oblasti-vneshney-politiki-gosudarstv-uchastnikov-dogovora-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva-na-2002-2003-gody> (дата обращения: 30.12.2025).

смысле в «линию разлома» между двумя интеграционными объединениями — ЕС и СНГ. Однако в первые годы после расширения благодаря достигнутому компромиссам, особенно по Калининградскому транзиту, удалось избежать новых барьеров. Была введена система упрощенного транзитного документа (УТД) для железнодорожного сообщения с Калининградской областью через Литву. В данный исторический период взаимодействие с соседями строилось на базе взаимного уважения многосторонних правил и соглашений.

Однако уже в середине 2000-х гг. стабильность достигнутого баланса между сотрудничеством и суверенитетом стала подвергаться испытаниям в связи с институционализацией Европейской политики соседства (ЕПС) и последующим формированием инициативы «Восточного партнерства». Как отмечали отечественные исследователи, Россия восприняла данную политику с настороженностью, видя в ней традиционную для западных партнеров попытку распространить «нормативную гегемонию» на постсоветское пространство и вовлечь соседние государства в орбиту европейских стандартов и регуляторных практик [3, с. 124; 10, с. 34]. В отличие от подходов, основанных на взаимности и договаривающемся характере сотрудничества, ЕПС предполагала одностороннее продвижение норм и правил ЕС, без предоставления странам-партнерам возможности влиять на их содержание.

Подобная асимметрия в рамках ЕПС и в особенности различие статусов участников, где для нашей страны предлагалось место в одном ряду с государствами Средиземноморья и постсоветского пространства, противоречили представлениям Москвы о равноправном формате взаимодействия с ЕС. Отказ от участия в ЕПС, оформленный на саммите Россия — ЕС в Санкт-Петербурге в 2003 г., стал воплощением стремления российской стороны вести диалог на базе стратегического партнерства и четырех общих пространств, а не в логике «приграничного регулирования» [3, с. 124]. Аналогичную интерпретацию дают и зарубежные исследователи, отмечая, что российская реакция на ЕПС характеризовалась не только институциональным скепсисом, но и восприятием данной инициативы как инструмента политического влияния [15].

Несмотря на критическое отношение к ЕПС, Россия продолжала искать пути практического взаимодействия с Евросоюзом в смежных форматах. В первую очередь это касалось проектов в сфере пограничной модернизации, охраны окружающей

среды, а также энергетического диалога, в которых обе стороны сохраняли взаимную заинтересованность. Подобный прагматизм отражал сформировавшуюся политическую практику, когда для нашей страны сотрудничество с ЕС рассматривалось не как элемент политической интеграции, а как инструмент реализации национальных интересов. Но уже к концу десятилетия, с развитием «Восточного партнерства» и усилением конкуренции в регионе «общего соседства», вектор политического взаимодействия все отчетливее смещался в сторону нормативного и геополитического соперничества, что подорвало доверие, сформировавшееся на раннем этапе трансграничных инициатив.

В Концепции внешней политики 2008 г. подчеркивалась приверженность развитию приграничного сотрудничества и формированию «пояса добрососедства»: «Развитие регионального и приграничного сотрудничества является важным резервом двусторонних связей с соответствующими странами и регионами в торгово-экономической, гуманитарной и иных областях»¹¹.

Знаковым итогом рассматриваемого этапа стала реализация масштабных интеграционных проектов: с 2010 г. начал действовать Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси, позднее трансформированный в ЕАЭС, отменивший таможенный контроль на внутренних границах этих стран. Для граждан СНГ сохранился безвизовый режим, что облегчило миграционные процессы.

В целом можно констатировать, что к 2008 г. государственное управление границей России развивалось по дифференцированной модели: на одних направлениях приоритет отдавался облегчению законных трансграничных перемещений и поддержанию экономических и гуманитарных контактов, тогда как на других применялись усиленные режимные и контрольные меры, включая ужесточение порядка пересечения границы и повышение плотности пограничного контроля на наиболее проблемных участках, например, на отдельных отрезках границ с Грузией и в Центральной Азии. Такая вариативность отражала адаптацию режимов пограничного администрирования к неоднородной обстановке по периметру границы.

¹¹ Концепция внешней политики Российской Федерации 15.07.2008. *Президент России*: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 30.12.2025).

Геополитические вызовы и изменения приграничной политики в 2010–2020-е гг.

Второе десятилетие XXI века стало переломным для приграничной политики России. Именно в этот период внешние вызовы — расширение НАТО, кризис доверия во взаимодействии с ЕС, обострившаяся ситуация на Украине — обусловили изменения приграничной политики. События 2014 г. на Украине продемонстрировали, что прежний режим «прозрачной границы» на западном и юго-западном направлении может быть использован вопреки интересам безопасности России. Резко изменилась не только международная, но и внутрорегиональная среда: на юго-западных рубежах возникли Донецкая и Луганская народные республики, а на северо-западе — страны Балтии, ставшие членами ЕС и НАТО, превратились в форпост военного присутствия альянса [4]. Такое изменение баланса сил побудило российское руководство скорректировать прежнюю стратегию, сместив акценты с интеграции и открытости к приоритету территориальной и пограничной безопасности.

Фактически к 2018–2019 гг. российско-украинская граница из коридора гуманитарного и торгового обмена превратилась в рубеж военной безопасности. Украинская сторона, в свою очередь, свернула соглашения о трансграничном взаимодействии и начала строительство инженерных укреплений, готовясь к военному конфликту. Примечательно, что эксперты фиксируют, что данное развитие событий сопровождалось усилением западного военного присутствия в Прибалтике и наращиванием давления НАТО на периферийных направлениях [4], что в совокупности придавало постсоветскому приграничью жесткий силовой характер, утративший черты гуманитарного и экономического сотрудничества, свойственные 1990 м годам.

Даже при сохранении гуманитарных исключений — точечных коридоров для эвакуации и обмена пленными — в 2022 г. с началом специальной военной операции России на Украине прежние формы мирного пересечения границы прекратили существование. Украинский кризис стал точкой перелома российской приграничной политики на западном и юго-западном направлениях, выведя на первый план приоритет безопасности.

Не меньшие изменения произошли и на европейском направлении. После 2014 г. диалог России с ЕС по вопросам визового облегчения и трансграничного сотрудничества практически остановился. Совместные проекты, например, по линии программы

ENPI (European Neighbourhood and Partnership Instrument) «Россия — ЕС», частично финансировавшей развитие природоохранных проектов, а также проектов в области здравоохранения и природоохранного обеспечения в Санкт-Петербурге, Ленинградской, Псковской и Калининградской областях, хотя и не были всецело свернуты, но подверглись пересмотру и временами задержкам с финансированием. Евросоюз также усилил контроль на своей восточной границе: ввел систему обмена биометрическими данными VIS (Visa Information System), расширил штат европейского пограничного агентства «Frontex». Подобный рост напряженности во взаимодействии с ЕС отражал общую тенденцию [7], приграничные обмены сжались до необходимого минимума.

В Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации 2020 г. акцент был сделан на суверенитете и обеспечении национальной безопасности¹².

На фоне охлаждения отношений на западном направлении, на южном и восточном взаимодействие переживало стадию активизации. В 2015 г. начал работу Евразийский экономический союз (ЕАЭС), введя четыре свободы перемещения — товаров, услуг, рабочей силы и капиталов — между Россией, Беларусью, Казахстаном, Арменией и Киргизией. В результате более 7 тысяч километров российских границ — с Казахстаном, Киргизией и Беларусью — перестали быть барьером для торговли. На этих участках устранен таможенный контроль, а погранконтроль сведен к выборочным мероприятиям — фактически граница охраняется лишь от нелегальных вооруженных перемещений и наркотрафика. Создание ЕАЭС позволило значительно нарастить объем взаимной торговли и инвестиций — так, экспорт России в страны союза за 2015–2021 гг. вырос более чем на 30%¹³. Функционирование союзных механизмов обусловило формирование глубокой институциональной координации на границах: реализуется программа взаимного признания таможенных процедур.

Однако позитивные сценарии не ограничиваются евразийской интеграцией. Ключевым документом, непосредственно регулирующим приграничные контакты России и Китая, стала «Программа

¹² Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ от 7 октября 2020 г. № 2577-р.

¹³ Динамика взаимной торговли ЕАЭС за 2015 — январь-июнь 2023 г. *Минэкономразвития России*: офиц. сайт. URL: https://eaeu.economy.gov.ru/trade_in_goods?ysclid=m5h7prqea6294391746 (дата обращения 30. 12.2025).

сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)»¹⁴. Упомянутая программа стала масштабной попыткой синхронизировать стратегии развития сопредельных территорий двух стран. Первым наиболее заметным практическим достижением стало улучшение логистических связей между пограничными регионами, а именно строительство трансграничных мостов Благовещенск — Хэйхэ и Нижнеленинское — Тунцзян, а также реконструкция с увеличением пропускной способности Хабаровского железнодорожного моста через реку Амур.

Однако интеграция с Китаем в приграничных регионах не смогла компенсировать потерю или осложнение технологических, финансовых и инвестиционных связей с Европой. Товарооборот с КНР рос, но его структура оставалась сырьевой, а Дальний Восток выступал в основном как логистический хаб.

Создание территорий опережающего развития (ТОР) и Свободного порта Владивосток в России после 2014 г., а также сопряжение с китайской инициативой «Один пояс — один путь» были призваны сформировать новую институциональную рамку для создания сквозной территории развития. В программном измерении инициативу «Один пояс — один путь» дополнило российское видение — проект «Большое Евразийское партнерство». Значительный потенциал сопряжения данных инициатив признается как отечественными, так и китайскими исследователями [1; 9; 12].

Подводя итог, можно констатировать, что с середины 2010-х гг. приграничная политика России претерпела системную трансформацию, будучи вынужденной реагировать на военно-политические угрозы на западном направлении и одновременно быть проактивной в развитии альтернативных интеграционных проектов на постсоветском пространстве и на востоке.

Заключение

Проследив основные этапы эволюции государственной политики России в сфере приграничного сотрудничества, можно заключить, что она прошла путь от максимальной открытости

¹⁴ Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы). URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/programm_coop.pdf (дата обращения: 30.12.2025).

и ориентации на трансграничную интеграцию до дифференцированного сотрудничества, обусловленного геополитической ситуацией. В 1990-е гг. при политике максимальной открытости отсутствовали визы с соседями, заключались соглашения об упрощении приграничных контактов, формировались еврорегионы. Приграничные области являли собой «мосты дружбы», связывающие страны. Ярким примером тому служат протоколы и программы, подписанные Россией с Финляндией, Казахстаном, прибалтийскими государствами. Затем, в 2000-е, эта политика, оставаясь максимально дружественной по отношению к государствам-членам ЕС, одновременно эволюционировала в направлении более глубокой интеграции на постсоветском пространстве. Вплоть до середины 2010-х гг. контактный характер границ сохранялся — Россия участвовала в многочисленных программах трансграничного сотрудничества с ЕС, инициировала новые интеграционные объединения (ЕврАзЭС, ЕАЭС), в которых границы скорее объединяют, нежели разделяют.

Новейший этап, формирующийся с середины 2010-х гг., ознаменован обострением геополитической ситуации и острым кризисом международных отношений. В этих условиях приграничная политика стала во многом реактивной, продиктованной необходимостью защищать национальные интересы в пограничных зонах. Отражением этого стало восстановление погранично-таможенного контроля на украинском и частично грузинском направлениях. Однако наша страна не замыкается в своих границах, а переориентирует интеграционные устремления на более дружественные страны — чему свидетельство усиление взаимодействия по линии ЕАЭС и интенсификация взаимодействия с Монголией и КНР.

Из опыта последних трех десятилетий можно сделать несколько выводов. Во-первых, приграничная политика России всегда была тесно связана с общим внешнеполитическим курсом. Когда преобладала стратегия взаимной интеграции — границы имели тенденцию к «прозрачности»; когда возобладала стратегия сдерживания — границы закрываются с обеих сторон. Во-вторых, Россия продемонстрировала гибкость в подходах: сохраняя верность идее свободного перемещения, она способна оперативно менять режим границы при изменении конфигурации рисков. В-третьих, накопленный потенциал трансграничного взаимодействия, особенно в гуманитарной сфере, сохраняется и приумножается в нашей стране, о чем говорит хотя бы тот факт, что миллионы граждан

сопредельных стран продолжают жить и работать в России, под-держивая связи через границу. Это создает предпосылки для будущего нормализации отношений на пространстве Большой Евразии: формирование единого пространства от Лиссабона до Владивостока может обрести новую жизнь, уже на иных принципах и с учетом совершенных ошибок.

Эволюция российской приграничной политики демонстрирует умение государства адаптироваться к внешним условиям, сохраняя при этом стратегическую линию на интеграцию Евразии.

Литература

1. Воробьев С. В., Крутько А. А., Нарышкин А. А. Исторические предпосылки и перспективы формирования Большого евразийского партнерства. *Человеческий капитал*. 2023. № 7 (175). С. 11–20. <https://doi.org/10.25629/НС.2023.07.01>
2. Галынис К. И. Перспективы приграничного сотрудничества Забайкальского края и автономного района Внутренняя Монголия в контексте инициативы «Один пояс, один путь». *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2020. Т. 26. № 5. С. 65–74.
3. Грецкий И. В., Трещенков Е. Ю. Европейская политика соседства: нюансы восприятия в России. *Международные процессы*. 2012. Т. 10. № 3–4 (30–31). С. 124–133.
4. Жилина Л. Н. Российская диаспора в странах Балтии и ее роль во внешней политике России. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2020. № 2 (24). С. 103–116.
5. Кузнецов А. В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции. *Современная Европа*. 2008. № 2. С. 48–59.
6. Митрофанова И. В., Котова Л. А. Влияние геополитического фактора на перспективы межрегионального взаимодействия приграничных субъектов Юга России и Юго-Востока Украины. *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент*. 2015. № 3. С. 10–21.
7. Нарышкин А. А., Воробьев С. В. Переосмысление внешней политики ЕС в отношении РФ 1991–2021 гг.: стратегемный подход. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2025. Т. 11. № 4. С. 120–132.
8. Ногмова А. Ш. Политико правовая основа приграничного сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2019. № 4 (22). С. 114–123.
9. Пакулин В. С. Процессы сопряжения китайского проекта «Один пояс — один путь» и ЕАЭС в рамках концепции «Большого евразийского партнерства». *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. № 76. С. 47–55. <https://doi.org/10.17223/19988613/76/6>
10. Прохорова А.А. К вопросу о классификации многосторонних международных объединений. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2016. № 1. С. 21–37.
11. Хуэйжун Ч. Необходимость, осуществимость и выбор пути сопряжения Большого евразийского партнерства и инициативы «Один пояс — один путь». *Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения*. 2021. № 1. С. 109–116.
12. Allison R. Russia and the post-2014 international legal order: revisionism and realpolitik. *International Affairs*. 2017. Vol. 93. № 3. P. 519–543.
13. Delcour L. Shaping the post-Soviet Space?: EU policies and approaches to region-building. London: Routledge, 2011. 194 p.
14. Eitelhuber N. The Russian Bear: Russian Strategic Culture and What it Implies for the West. *Connections*. 2009. Vol. 9, № 1. P. 1–28.
15. Haukkala H. Russian Reactions to the European Neighborhood Policy. *Problems of Post-Communism*. 2008. Vol. 55, № 5. P. 40–48.

16. Matsaberidze D. Russia vs. EU/US through Georgia and Ukraine. *Connections*. 2015. Vol. 14, № 2. P. 77–86.

References

1. Vorob'ev S. V., Krut'ko A. A., Naryshkin A. A. Historical prerequisites and prospects for the formation of the Greater Eurasian Partnership. *Human Capital* 2023. № 7 (175). P. 11–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.25629/HC.2023.07.01>
2. Galynis K. I. Prospects for cross-border cooperation between Zabaykalsky Krai and the Inner Mongolia Autonomous Region in the context of the “Belt and Road” initiative. *Bulletin of Zabaykalsky State University*. 2020. Vol. 26, № 5. P. 65–74. (In Russ.)
3. Gretskii I. V., Treshchenkov E. Y. European Neighbourhood Policy: nuances of perception in Russia. *International Trends*. 2012. Vol. 10, № 3–4 (30–31). P. 124–133. (In Russ.)
4. Zhilina L. N. The Russian diaspora in the Baltic states and its role in Russia's foreign policy. *Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. 2020. № 2 (24). P. 103–116. (In Russ.)
5. Kuznetsov A. V. Euroregions: half a century of “small” integration. *Contemporary Europe*. 2008. № 2. P. 48–59. (In Russ.)
6. Mitrofanova I. V., Kotova L. A. The impact of the geopolitical factor on prospects for inter-regional interaction of border regions in the South of Russia and the South-East of Ukraine. *Scientific Journal of ITMO University. Series: Economics and Environmental Management*. 2015. № 3. P. 10–21. (In Russ.)
7. Naryshkin A. A., Vorob'ev S. V. Rethinking the EU's foreign policy towards the Russian Federation (1991–2021): a strategem approach. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies*. 2025. Vol. 11, № 4. P. 120–132. (In Russ.)
8. Nogmova A. S. The political and legal framework of cross-border cooperation between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. *Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. 2019. № 4 (22). P. 114–123. (In Russ.)
9. Pakulin V. S. Linking the Chinese “Belt and Road” project and the EAEU within the concept of the “Greater Eurasian Partnership”. *Tomsk State University Journal of History*. 2022. № 76. P. 47–55. <https://doi.org/10.17223/19988613/76/6>. (In Russ.)
10. Prokhorova A. A. On the classification of multilateral international associations. *Moscow State University Bulletin. Series 12: Political Science*. 2016. № 1. P. 21–37. (In Russ.)
11. Khueizhun C. Necessity, feasibility and the choice of a pathway for linking the Greater Eurasian Partnership and the “Belt and Road” initiative. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations*. 2021. № 1. P. 109–116. (In Russ.)
12. Allison R. Russia and the post-2014 international legal order: revisionism and realpolitik. *International Affairs*. 2017. Vol. 93, № 3. P. 519–543.
13. Delcour L. Shaping the post-Soviet Space?: EU policies and approaches to region-building. London: Routledge, 2011. 194 p.
14. Eitelhuber N. The Russian Bear: Russian Strategic Culture and What it Implies for the West. *Connections*. 2009. Vol. 9, № 1. P. 1–28.
15. Haukkala H. Russian Reactions to the European Neighborhood Policy. *Problems of Post-Communism*. 2008. Vol. 55, № 5. P. 40–48.
16. Matsaberidze D. Russia vs. EU/US through Georgia and Ukraine. *Connections*. 2015. Vol. 14, № 2. P. 77–86.

Дудайти Альберт Константинович,

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории,
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет
им. К. Л. Хетагурова», Владикавказ.

Albert K. Dudayti,

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of World History,
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov,
Vladikavkaz.

E-mail: adudaiti@mail.ru

**ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ПРАГМАТИЗМУ:
РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ПОСЛЕ 2012 ГОДА**

**FROM CONFRONTATION TO PRAGMATISM:
RUSSIAN-GEORGIAN RELATIONS AFTER 2012**

Аннотация: в статье рассматривается трансформация российско-грузинских отношений после прихода к власти коалиции «Грузинская мечта» в 2012 г. Цель исследования состоит в том, чтобы определить, насколько посткризисная динамика двусторонних связей может быть описана как переход от конфронтационной модели к ограниченному прагматизму. Методологическую основу работы составляют историко-политический и сравнительный анализ, системный подход к изучению международных отношений, а также контент-анализ официальных документов, статистических данных и экспертных публикаций. Особое внимание уделяется соотношению хозяйственного взаимодействия, гуманитарных контактов и сохраняющихся политико-правовых противоречий. Показано, что наиболее заметные изменения произошли не в сфере статуса Абхазии и Южной Осетии, а в экономике, транспорте и гуманитарном обмене. После снятия части торговых ограничений грузинское вино, минеральная вода и иная аграрная продукция вновь заняли значимое место на российском рынке, а Россия сохранила статус одного из важных направлений для внутреннего экспорта Грузии. Возобновление прямого авиасообщения, рост туристических поездок и действие формата Абашидзе-Карасин поддержали минимальный канал коммуникации при отсутствии дипломатических отношений. Вместе с тем фундаментальные противоречия, связанные со статусом Абхазии и Южной Осетии, евроатлантическим курсом Грузии, внутривнутриполитической поляризацией и влиянием российско-западного противостояния, не позволяют говорить о полноценной нормализации. Сделан вывод, что после 2012 г. сложилась модель «экономический прагматизм при политическом статус-кво»: она снижает риск прямой эскалации, но остается уязвимой к внешним кризисам и внутренним политическим колебаниям.

Ключевые слова: российско-грузинские отношения, «Грузинская мечта», прагматизм, нормализация, Абашидзе-Карасин, Абхазия, Южная Осетия, Южный Кавказ, экономическое сотрудничество, евроатлантическая интеграция.

Abstract: The article examines the transformation of Russian-Georgian relations after the Georgian Dream coalition came to power in 2012. The purpose of the study is to assess whether the post-crisis dynamics of bilateral relations can be interpreted as a transition from confrontation to limited pragmatism. The research is based on historical and political analysis, comparative analysis, a systemic approach to international relations, and content analysis of official documents, statistical data and expert publications. Particular attention is paid to the relationship between economic interaction, humanitarian contacts and continuing political and legal disagreements. The article shows that the most visible changes occurred not in the sphere of the status of Abkhazia and South Ossetia, but in economic, transport and humanitarian interaction. After the partial removal of trade restrictions, Georgian wine, mineral water and other agricultural products returned to the Russian market, while Russia remained an important destination for Georgia's domestic exports. The resumption of direct flights, the growth of tourist mobility and the Abashidze-Karasin format preserved a minimum communication channel despite the absence of diplomatic relations. At the same time, fundamental disagreements over the status of Abkhazia and South Ossetia, Georgia's Euro-Atlantic orientation, domestic political polarization and the impact of the broader Russia-West confrontation continue to limit the prospects for full normalization. The article concludes that since 2012 a model of "economic pragmatism under political status quo" has taken shape. This model reduces the risk of uncontrolled escalation but remains vulnerable to external shocks and changes in Georgia's domestic political balance.

Key words: Russian-Georgian relations, Georgian Dream, pragmatism, normalization, Abashidze-Karasin, Abkhazia, South Ossetia, South Caucasus, economic cooperation, Euro-Atlantic integration.

Введение

Российско-грузинские отношения остаются одним из самых сложных направлений политики на Южном Кавказе. После вооруженного конфликта августа 2008 г. дипломатические связи между двумя странами были разорваны, а двусторонняя повестка стала определяться взаимным недоверием, спором о статусе Абхазии и Южной Осетии, а также разными оценками роли внешних сил в регионе. Поэтому признаки смягчения, появившиеся после 2012 г., требуют осторожной оценки. Они не свидетельствуют о полноценном примирении, но показывают, что даже при сохранении глубоких противоречий стороны могут поддерживать практические контакты.

В настоящей статье под нормализацией понимается не окончательное политико-правовое урегулирование и не восстановление дипломатических отношений в полном объеме, а снижение уровня конфронтации, развитие рабочих каналов связи и расширение тех сфер взаимодействия, которые не требуют пересмотра базовых позиций сторон. Такое уточнение важно, поскольку в российско-грузинском случае экономические и гуманитарные контакты могут развиваться параллельно с сохранением принципиальных разногласий по вопросам безопасности и статуса спорных территорий.

Политическое значение 2012 г. связано с победой коалиции «Грузинская мечта» на парламентских выборах. Новое

руководство Грузии сохранило курс на сближение с ЕС и НАТО, но одновременно заявило о необходимости снизить напряженность в отношениях с Россией и вернуть в повестку экономические и гуманитарные вопросы. На этой основе был создан формат Абашидзе-Карасин, начали восстанавливаться поставки грузинской продукции на российский рынок, оживились транспортные связи и вырос туристический обмен.

Научная проблема статьи состоит в определении характера этих изменений. В данном случае важно не сводить анализ к двум крайним оценкам, согласно которым нормализация либо уже состоялась, либо вовсе не началась. Более продуктивным является вопрос о пределах прагматизма: в каких сферах взаимодействие Москвы и Тбилиси действительно продвинулось вперед, почему политико-правовые разногласия сохранили блокирующее значение и какие варианты развития возможны в среднесрочной перспективе.

В научной литературе российско-грузинский трек рассматривается с разных сторон. Последствия конфликта 2008 г., а также проблема непризнанных и частично признанных государств анализируются в работах К. С. Гаджиева, А. Д. Каткова, З. З. Бахтуридзе и О. Д. Кожевниковой [4; 5; 6; 9; 10]. Вопросы региональной безопасности, внешнего влияния и политических ограничений диалога раскрываются в исследованиях А. К. Дудайти, А. Б. Крылова, И. М. Федоровской, Н. Ю. Силаева, В. М. Муханова, О. Г. Карповича и О. И. Шакирова, [7; 8; 12; 13; 14; 15; 18]. Экономические и гуманитарные аспекты затрагиваются в публикациях И. С. Арчвадзе, В. Ю. Копаницы и Р. С. Маркова, а также в работах, посвященных внешней политике Грузии после смены власти [3; 11; 19; 20].

Цель статьи заключается в комплексном анализе российско-грузинских отношений после 2012 г. Основное внимание уделяется тому, как в двусторонней повестке сочетаются практическое сотрудничество и сохраняющиеся политические ограничения. Для этого в работе рассматриваются торгово-экономические связи, роль переговорного формата и гуманитарных контактов, ключевые барьеры на пути нормализации, а также возможные сценарии дальнейшего развития отношений.

Методологическую основу исследования составляют историко-политический и сравнительный анализ, системный подход к изучению международных отношений, а также элементы кейс-стади. Источниковая база включает официальные

документы, данные внешнеторговой и туристической статистики, материалы международных организаций и экспертные публикации. Такой подход позволяет рассматривать связи Москвы и Тбилиси как сложную систему, в которой экономические интересы, историческая память, вопросы безопасности и внешнее давление постоянно пересекаются и влияют на политические решения.

Научная новизна работы состоит в том, что период после 2012 г. анализируется не только через конфликт 2008 г. и вопросы безопасности, но и через сочетание нескольких взаимосвязанных уровней: торговли, переговорных механизмов, гуманитарной сферы, памяти о конфликтах и внешнеполитического курса Грузии. В отличие от исследований, сосредоточенных преимущественно на статусных спорах или региональной безопасности, статья рассматривает посткризисный период как сочетание частичной хозяйственной нормализации и сохраняющегося политико-правового разрыва. Такой ракурс показывает, что переход к более практичной линии не был единым и последовательным процессом. В экономике и гуманитарной области он привел к заметному оживлению контактов, в политической риторике способствовал частичному снижению напряженности, однако в вопросах статуса Абхазии и Южной Осетии почти не изменил исходные позиции сторон.

Важной особенностью рассматриваемого периода стало различие ожиданий Москвы и Тбилиси. Для Грузии торговля с Россией прежде всего служила способом поддержать экспорт, занятость и внутреннюю устойчивость, но не означала отказа от западного вектора. Для России сохранение каналов общения с Грузией имело не только хозяйственное, но и политическое значение, поскольку позволяло показывать возможность диалога с государством, официально ориентированным на евроатлантическую интеграцию. Именно несовпадение целей объясняет, почему контакты между странами сохранялись, но не привели к полноценной политической нормализации.

Экономическое измерение: рынок, зависимость и прагматизм

Экономика стала той сферой, где посткризисный прагматизм проявился наиболее заметно. После 2008 г. политический диалог оставался фактически замороженным, однако к 2012–2013 гг. Москва и Тбилиси пришли к пониманию, что полный разрыв хозяйственных контактов создает издержки для производителей, потребителей и транспортных посредников. Для Грузии

российский рынок был важен как направление сбыта вина, минеральной воды, фруктов и другой аграрной продукции. Для России торговля с Грузией сохраняла значение как один из каналов экономического присутствия на Южном Кавказе [3; 11; 14]. Показательным примером стало возвращение грузинского вина и минеральной воды на российский рынок. Запрет 2006 г. серьезно ударил по винодельческой отрасли Грузии, но одновременно подтолкнул производителей к поиску новых рынков и повышению качества продукции. После 2013 г. российское направление вновь заняло одно из ключевых мест в грузинском экспорте. По данным Национального агентства вина Грузии, в 2024 г. страна экспортировала около 95 млн л вина на сумму 276,1 млн долл. При этом доля поставок в Россию оставалась высокой, несмотря на попытки расширить географию продаж¹.

Эта динамика показывает двойственный характер экономической нормализации. С одной стороны, возвращение на российский рынок укрепило доходы производителей, особенно в регионах, связанных с виноградарством и переработкой сельскохозяйственного сырья. С другой стороны, концентрация экспорта на одном направлении создает уязвимость, поскольку политические решения, санитарные ограничения, налоговые изменения или логистические сбои могут быстро повлиять на доходы отрасли. Поэтому в этом случае точнее говорить не о полноценной взаимной зависимости, а о значимости российского рынка для отдельных сегментов грузинского агропромышленного комплекса. Этот вывод подтверждает и общая внешнеторговая статистика. По официальным данным *GeoStat*, в 2025 г. товарооборот Грузии продолжил расти: экспорт достиг 7,291 млрд долл., импорт составил 18,530 млрд долл. Россия заняла третье место среди партнеров по грузинскому экспорту с показателем 749,3 млн долл., уступив Кыргызстану и Казахстану. При этом в структуре внутреннего экспорта Грузии российское направление оставалось одним из наиболее значимых. Эти данные показывают, что российский рынок важен именно для продукции грузинского происхождения, а не только для реэкспортных потоков².

¹ National Wine Agency of Georgia. Record revenues from wine and spirits exports. 20.01.2025. URL: <https://wine.gov.ge/En/News/38181> (accessed: 03.05.2026).

² National Statistics Office of Georgia (GeoStat). External Merchandise Trade of Georgia — 2025. 20.01.2026. URL: <https://www.geostat.ge/en/single-news/3653/external-merchandise-trade-of-georgia-2025> (accessed: 03.05.2026).

Структура торговли также подтверждает практический характер взаимодействия. В поставках из Грузии в Россию заметное место занимают вино, спиртные напитки, минеральная вода и сельскохозяйственная продукция. В российском экспорте в Грузию традиционно представлены нефтепродукты, газ, зерно, металлопродукция и другие товары, влияющие на продовольственную и энергетическую устойчивость страны. По данным Министерства охраны окружающей среды и сельского хозяйства Грузии, в 2024 г. агропродовольственная продукция составила 26% экспорта страны, а Россия вошла в число основных рынков сбыта³. В этом смысле экономические связи после 2012 г. стали не только результатом политического смягчения, но и самостоятельным фактором сдерживания. Они не снимают спор о территориях и не создают доверия в сфере безопасности, однако повышают цену резкого обострения. Торговля удерживает стороны от полного разрыва, но не может заменить политико-правовое урегулирование.

Вместе с тем торговая динамика показывает и пределы диверсификации грузинской экономики. После эмбарго 2006 г. грузинские производители действительно расширили присутствие на рынках ЕС, Китая, США, Польши, стран Балтии и Ближнего Востока. Однако российский рынок сохранил важные преимущества: географическую близость, узнаваемость грузинских брендов, удобную логистику и устойчивый спрос на традиционные товары. Поэтому дискуссия в Грузии о торговле с Россией связана не только с внешнеполитическим выбором, но и с конкретными интересами фермеров, переработчиков, экспортеров и региональных сообществ. Одновременно российское направление не является для Грузии полностью безопасным. Опыт ограничений на импорт вина и минеральной воды показал, что экономические каналы могут быстро превращаться в инструмент давления. По этой причине посткризисный прагматизм сопровождается постоянным поиском баланса: Тбилиси заинтересован в сохранении доходов от российского рынка, но стремится не допустить зависимости, которая могла бы ограничить свободу внешнеполитического маневра. Именно эта логика делает экономическую нормализацию полезной, но политически чувствительной.

³ Ministry of Environmental Protection and Agriculture of Georgia. Agri-food products accounted for 26% of Georgia's total exports in 2024. 15.03.2025. URL: <https://www.mepa.gov.ge/En/News/Details/22908> (accessed: 03.05.2026).

Формат Абашидзе-Карасин и гуманитарные контакты

Отсутствие дипломатических отношений после 2008 г. придало особое значение любым каналам прямой коммуникации. Одним из них стал формат Абашидзе-Карасин, созданный вскоре после смены власти в Грузии. С самого начала его мандат был ограничен практическими вопросами: торговлей, транспортом, визовым режимом, гуманитарными контактами и отдельными техническими аспектами безопасности. Наиболее чувствительные темы, прежде всего статус Абхазии и Южной Осетии, были вынесены за пределы повестки. Именно эта ограниченность стала сильной стороной механизма. Он не заменял полноценную дипломатию и не требовал от сторон пересмотра базовых политических позиций, но позволял обсуждать проблемы, которые нельзя было отложить до общего урегулирования. В этом смысле формат стал инструментом «малой нормализации», поскольку обеспечивал коммуникацию там, где широкий политический диалог оставался невозможным [8; 14; 15].

Наиболее заметными практическими результатами стали восстановление прямого авиасообщения и либерализация въезда граждан Грузии в Россию. С 15 мая 2023 г. Россия отменила визовые требования для краткосрочных поездок граждан Грузии сроком до 90 дней, после чего были возобновлены прямые рейсы⁴. Эти решения имели не только транспортное, но и политико-психологическое значение. Они упростили семейные, деловые, образовательные и туристические контакты, однако одновременно вызвали в Грузии споры о возможном усилении зависимости от России. Поэтому одни и те же меры воспринимались неоднозначно: как практическая выгода для граждан и бизнеса и как потенциальный канал российского влияния.

Гуманитарное измерение развивалось неравномерно, но в целом сохраняло устойчивость. Туристические потоки стали одним из самых заметных проявлений практического сближения. По данным Национальной администрации туризма Грузии, в 2025 г. страну посетили 7,803 млн международных путешественников,

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 10.05.2023 № 335 «О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации граждан Грузии»; Указ Президента Российской Федерации от 10.05.2023 № 336 «О признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации от 21 июня 2019 г. № 287». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/documents/block/president?index=129> (дата обращения: 03.05.2026).

число туристических визитов достигло 5,522 млн, а доходы от международных поездок составили около 4,690 млрд долл. Данные *GeoStat* также показывают, что граждане России сохраняли значимое место в структуре въездного туризма⁵. Это поддерживало сферу услуг, малый бизнес и транспорт. Вместе с тем туризм, образование и культуру нельзя рассматривать как самостоятельный путь к политическому примирению. Они помогают сохранять каналы общения между обществами, но не снимают взаимные страхи, исторические травмы и устойчивые стереотипы.

На общественном уровне значение гуманитарных контактов состоит в том, что они частично препятствуют закреплению образа «абсолютного врага». Семейные связи, трудовая миграция, обучение, туризм и профессиональное общение создают повседневные практики взаимодействия, которые не совпадают с жесткой политической риторикой. Однако этот ресурс не следует переоценивать. Массовые настроения в Грузии остаются чувствительными к теме суверенитета, а российское общественное мнение нередко воспринимает грузинскую политику через призму западного влияния. Поэтому гуманитарная среда скорее смягчает конфликтность, чем преодолевает ее.

Таким образом, формат Абашидзе-Карасин и гуманитарные связи выполняют функцию управляемого контакта. Они позволяют решать частные вопросы, поддерживать минимальный уровень доверия и снижать риск полного разрыва, но их потенциал сознательно ограничен. Эти механизмы не могут стать площадкой для решения вопроса о статусе Абхазии и Южной Осетии, поэтому не переводят российско-грузинские отношения на уровень полноценной политической нормализации.

Структурные препятствия к нормализации

Главным препятствием для российско-грузинского диалога остается вопрос о статусе Абхазии и Южной Осетии. В официальном грузинском дискурсе эти территории рассматриваются как часть национального государства, находящаяся под российской оккупацией. В российской позиции после августа 2008 г. они выступают самостоятельными государственными образованиями, независимость которых была признана президентскими

⁵ Georgian National Tourism Administration. Tourism indicators, 2025. URL: <https://gnta.ge/en/>; National Statistics Office of Georgia (GeoStat). Tourism statistics, 2025. URL: <https://www.geo-stat.ge> (accessed: 03.05.2026).

указами от 26 августа 2008 г.⁶ В международно-правовом плане такой разрыв позиций почти не оставляет пространства для компромиссных формул [5; 9; 12]. Важным элементом этой конфигурации остается позиция западных государств и международных организаций. Парламентская ассамблея Совета Европы в резолюции 1633 (2008) осудила признание Россией Абхазии и Южной Осетии и призвала к уважению суверенитета и территориальной целостности Грузии⁷. Для Тбилиси такая поддержка служит внешнеполитическим ресурсом, а для Москвы подтверждает, что конфликт встроен в более широкий контекст противостояния России и Запада [7].

Напряженность поддерживается не только правовыми разногласиями, но и ситуацией на линиях разграничения вокруг Абхазии и Южной Осетии. Задержания, ограничения свободы передвижения, установка заграждений и обвинения в «ползучей оккупации» имеют не только локальное, но и символическое значение. Каждый такой эпизод возвращает в публичную повестку память о войнах 1990-х гг. и конфликте 2008 г., усиливая недоверие между обществами и политическими элитами⁸. С этим тесно связана и проблема исторической памяти. В грузинском дискурсе центральное место занимают темы утраты территорий, вынужденного переселения и угрозы суверенитету. Российская позиция, напротив, строится на тезисе о защите населения Абхазии и Южной Осетии и невозможности возврата к прежнему статус-кво [7]. Показательным стал резонанс вокруг заявления Б. Иванишвили в 2024 г. о возможных извинениях перед осетинской стороной за события 2008 г.⁹ Эта инициатива вызвала острую полемику в Грузии и показала, насколько болезненными остаются попытки пересмотра доминирующего нарратива.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 26.08.2008 № 1260 «О признании Республики Абхазия»; Указ Президента Российской Федерации от 26.08.2008 № 1261 «О признании Республики Южная Осетия». URL: <https://base.garant.ru/2566892/>; <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=124526&moduleId=1> (дата обращения: 03.05.2026).

⁷ Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Resolution 1633 (2008). The consequences of the war between Georgia and Russia. URL: <https://pace.coe.int/en/files/17681> (accessed: 03.05.2026).

⁸ Civil Georgia. Georgian citizen killed near South Ossetia occupation line. 06.11.2023; 1TV Georgia. Court in Tskhinvali sentences Georgian citizens for illegal border crossing. 14.02.2025. URL: <https://civil.ge>; <https://1tv.ge> (accessed: 03.05.2026).

⁹ Reuters. Georgia's most powerful man suggests an apology for 2008 war with Russia. 15.09.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/georgias-most-powerful-man-suggests-an-apology-2008-war-with-russia-2024-09-15/> (accessed: 03.05.2026).

Второй крупный блок препятствий связан с внешнеполитической ориентацией Грузии. Интеграция в ЕС и НАТО закреплена как долгосрочный политический приоритет, а общественная поддержка этого курса остается высокой. По данным опросов *IRI* 2023 г., 89% респондентов полностью или частично поддерживали вступление в ЕС, около 80% выступали за вступление в НАТО; в ноябрьском опросе того же года поддержка ЕС составила 86%, НАТО — 79%.¹⁰ Для Москвы продвижение НАТО к российским границам, напротив, рассматривается как прямая угроза безопасности, что было отражено в российских проектах гарантий безопасности от декабря 2021 г.¹¹ На этом фоне любая попытка Тбилиси сочетать западный курс с осторожной линией в отношении России неизбежно становится предметом внутренней борьбы.

Внутриполитическая динамика в Грузии усиливает эти противоречия. Правящая партия стремится сохранить экономические связи с Россией и избегать решений, которые могли бы вовлечь страну в прямую конфронтацию. Оппозиционные силы и значительная часть гражданского общества, напротив, воспринимают такую осторожность как отход от западного вектора. Одним из проявлений этой поляризации стало решение грузинского руководства в 2024 г. не ставить вопрос об открытии переговоров о членстве в ЕС в повестку до конца 2028 г.¹² После 2022 г. дополнительным ограничителем стала российско-украинская конфронтация. Грузия отказалась присоединяться к антироссийским санкциям в полном объеме, объясняя это рисками для собственной экономики и безопасности¹³. Такая позиция позволила сохранить торговлю и туристические потоки, но усилила критику со стороны части западных партнеров и грузинской оппозиции. В результате российское направление стало еще более

¹⁰ International Republican Institute. IRI Georgia Poll Finds Support for EU Accession High, Weariness of Russian Presence, Lack of Faith in Political Parties. 25.04.2023; Georgia Today. IRI survey: 86% of respondents support joining the European Union, 79% — joining NATO. 16.11.2023. URL: <https://www.iri.org>; <https://georgiatoday.ge> (accessed: 03.05.2026).

¹¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации. О российских проектах документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО. 17.12.2021. URL: <https://mid.ru> (дата обращения: 03.05.2026).

¹² Government of Georgia / Imedi. Georgian PM says ruling party has decided not to put issue of opening accession talks with EU on agenda until end of 2028. 28.11.2024. URL: <https://info.imedi.ge/en/politics/3892/> (accessed: 03.05.2026).

¹³ Civil Georgia. Georgia says it will not join sanctions against Russia. 25.02.2022; Government of Georgia, official statements on sanctions policy. URL: <https://civil.ge>; <https://www.gov.ge> (accessed: 03.05.2026).

политизированным: экономическая рациональность правительства все чаще оценивается через вопрос о ее совместимости с заявленной европейской траекторией страны.

Таким образом, сочетание территориального конфликта, евроатлантического выбора и внутренней поляризации делает российско-грузинскую нормализацию ограниченной. Даже при развитии экономических и гуманитарных связей политическая основа отношений остается конфликтной. Прагматизм после 2012 г. не отменил эту структуру, а лишь создал внутри нее отдельные зоны практического взаимодействия.

Сценарии дальнейшего развития

С учетом рассмотренных факторов наиболее вероятным представляется инерционный сценарий ограниченного прагматизма. Он предполагает сохранение торговли, туристических и гуманитарных контактов, а также работу прямого переговорного канала или его функционального аналога. При этом политическое взаимодействие, скорее всего, останется на уровне технической координации. Такой вариант не решает ключевых споров, но отвечает минимальным интересам обеих сторон: снижает риск неконтролируемой эскалации и позволяет сохранять экономические выгоды от взаимных контактов [8; 14]. Условиями сохранения этого сценария являются отсутствие крупных инцидентов на линиях разграничения, продолжение осторожной политики Тбилиси в отношении санкций и готовность Москвы не связывать текущую торговлю с жесткими политическими требованиями. В этих условиях российско-грузинские отношения могут оставаться стабильными, но без перехода к полноценной нормализации.

Более сложным вариантом является осторожное расширение прагматической повестки. В этом случае стороны могли бы постепенно переходить от вопросов торговли и транспорта к более чувствительным, но все же практическим темам: отдельным режимам на линиях разграничения, гуманитарным проектам, экспертным консультациям, инфраструктурным и логистическим инициативам. Такой сценарий возможен только при одновременном наличии нескольких условий: снижении российско-западной напряженности, сохранении в Грузии общественного запроса на предсказуемость, готовности властей объяснять экономические контакты без отказа от европейского курса и отсутствии резких шагов, которые могли бы быть восприняты одной из сторон как пересмотр статусных позиций. Даже при благоприятных условиях речь шла бы не о решении вопроса о принадлежности

Абхазии и Южной Осетии, а о частичном снижении конфликтности и более устойчивом управлении текущими проблемами.

Наряду с этим сохраняется риск возврата к обострению. Его могут вызвать внутривнутриполитический кризис в Грузии, новый инцидент вблизи Абхазии или Южной Осетии, резкое усиление российско-западного противостояния либо попытка внешних акторов использовать грузинское направление как дополнительный инструмент давления. Практическими признаками такого сценария могли бы стать ограничения авиасообщения, сокращение торговли, ужесточение политической риторики, новые санкционные споры и рост взаимной подозрительности в обществе. Полный разрыв экономических связей выглядит маловероятным из-за высоких издержек для обеих сторон, однако временное свертывание отдельных каналов взаимодействия вполне возможно.

Наиболее устойчивой, хотя и внутренне противоречивой, выглядит модель «контролируемого прагматизма». Она основана на негласном разграничении сфер: экономика, туризм и технические контакты развиваются до тех пор, пока не затрагивают статус Абхазии и Южной Осетии, а также стратегическую ориентацию Грузии. Такая модель удобна своей гибкостью, но уязвима из-за отсутствия прочной правовой и институциональной основы. Любой политический кризис может быстро сузить пространство для диалога. Для России сохранение этой модели означает возможность поддерживать влияние на Южном Кавказе без прямого давления на все направления грузинской политики. Для Грузии оно дает шанс получать экономические выгоды от российского рынка, формально не отказываясь от европейского и евроатлантического курса. Однако такая двойственность не может быть полностью бесконфликтной: чем сильнее давление внешних акторов, тем труднее Тбилиси удерживать баланс между экономической рациональностью и политической идентичностью [1; 17; 19].

При оценке возможной динамики важно учитывать положение Грузии как малого государства в регионе, где пересекаются интересы более крупных игроков. Внешнеполитический выбор Тбилиси ограничен не только общественными ожиданиями и партийной борьбой, но и географией, открытостью экономики, транспортной ролью страны и нерешенными конфликтами. Поэтому даже последовательное правительство не может полностью вывести российское направление за пределы внутренней политики. Оно связано с вопросами безопасности, доходами населения, миграцией, транзитом и восприятием суверенитета.

Практические меры снижения рисков, вероятно, будут иметь точечный характер. К ним можно отнести поддержание постоянного канала связи, развитие процедур предупреждения инцидентов на линиях разграничения, расширение экспертных контактов, согласование санитарных и транспортных правил, а также осторожное развитие образовательных и культурных программ. Эти меры не меняют статусные позиции сторон, но формируют привычку к взаимодействию и уменьшают вероятность того, что отдельный кризис разрушит уже созданную инфраструктуру прагматического диалога.

Заключение

Российско-грузинские отношения после 2012 г. прошли путь от жесткой постконфликтной заморозки к ограниченному прагматизму. Наиболее заметные изменения произошли в экономике, транспорте и гуманитарной сфере. Грузинские товары вернулись на российский рынок, Россия сохранила значение одного из ключевых направлений для внутреннего экспорта Грузии, а восстановление авиасообщения и туристических поездок усилило практические связи между обществами.

Важную роль в этом процессе сыграл формат Абашидзе-Карасин. Его значение заключалось не в решении фундаментальных политических споров, а в поддержании канала связи при отсутствии дипломатических отношений. Благодаря ограниченному мандату этот механизм оказался достаточно устойчивым: он позволял обсуждать торговлю, транспорт и гуманитарные контакты, не требуя от сторон пересмотра позиций по Абхазии и Южной Осетии.

Вместе с тем говорить о полноценной нормализации преждевременно. Статус Абхазии и Южной Осетии, разные оценки событий прошлого, евроатлантический курс Грузии, неприятие Россией расширения НАТО и внутренняя поляризация грузинской политики задают жесткие рамки для диалога. Экономический прагматизм смягчает последствия конфликта, но не устраняет его причины.

Наиболее точной характеристикой сложившейся модели является формула «экономический прагматизм при политическом статус-кво». Она позволяет сторонам сохранять минимальный уровень взаимодействия и снижать риск прямой конфронтации, но остается зависимой от внешней геополитической среды и внутривнутриполитической динамики в Грузии. Поэтому перспективы

российско-грузинских отношений в ближайшие годы будут определяться не столько готовностью к быстрому примирению, сколько способностью поддерживать рабочие каналы связи и не допускать, чтобы локальные кризисы перерастали в новую фазу системного противостояния.

Литература

1. Аватков В. А., Касьяненко А. В. Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия — Турция — Иран». *Мировая политика*. 2021. № 3. С. 1–18. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2021.3.36263>
2. Агаджанян С. Россия и Грузия: перспективы развития двусторонних отношений. *Дипломатическая служба*. 2012. № 3. С. 63–67.
3. Арчвадзе И. С. Грузия и Россия: экономика примирения. *Мир перемен*. 2016. № 4. С. 129–139.
4. Бахтуридзе З. З. Август 2008: неизвестное прошлое и известное будущее. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 9–2. С. 28–31.
5. Бахтуридзе З. З. Августовский конфликт четыре года спустя: факты, аргументы, мнения. *Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук*. 2012. № 4. С. 119–125.
6. Гаджиев К. С. Размышления о последствиях «пятидневной войны» для геополитики Кавказа. *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 8. С. 31–43.
7. Дудайти А. К. Россия и Южный Кавказ (1991–2025): институты, коридоры, безопасность. Владикавказ: СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2026. 487 с.
8. Карпович О. Г., Шакиров О. И. Россия и Грузия: время взаимодействовать. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021. Т. 8, № 1. С. 20–32. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-20-32>
9. Катков А. Д. Проблема международно-правового признания и феномен непризнанных государств в современном научном дискурсе. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2020. № 3 (25). С. 27–52.
10. Кожевникова О. Д. Российско-грузинские отношения после военного конфликта 2008: роль «партии власти» Российской Федерации в постконфликтном урегулировании. *Клио*. 2022. № 2 (182). С. 145–149.
11. Копаница В. Ю., Марков Р. С. Экономический потенциал развития российско-грузинских отношений. *Экономический вестник*. 2023. Т. 2, № 4. С. 75–80.
12. Крылов А. Б., Федоровская И. М. Проблемы региональной безопасности на Кавказе в контексте российско-грузинских отношений. *Россия и новые государства Евразии*. 2016. № 2 (31). С. 78–90.
13. Муханов В. М. Российско-грузинские отношения в контексте исторической памяти. *Россия и новые государства Евразии*. 2023. № 4 (61). С. 200–216.
14. Муханов В. М. Российско-грузинские отношения: от эмоций к прагматизму. *Россия и новые государства Евразии*. 2022. № 2 (55). С. 106–116. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-2-106-116>
15. Силаев Н. Ю. Пределы нормализации: российско-грузинские отношения после парламентских выборов в Грузии. *Международная аналитика*. 2016. № 3 (17). С. 7–14.
16. Силаев Н. Ю., Сушенцов А. А. Грузия после выборов и перспективы российско-грузинских отношений. М.: МГИМО-Университет, 2012. 66 с.
17. Скаков А. Ю., Муханов В. М. Российско-грузинские отношения. *Постсоветские государства: 25 лет независимого развития*: в 2 т. Т. 1: Западный фланг СНГ. Центральная Азия / отв. ред. А. Б. Крылов. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 66–74.
18. Федоровская И. М. Новое грузинское правительство и российско-грузинские отношения. *Россия и новые государства Евразии*. 2016. № 1 (30). С. 103–108.
19. Меликян Дж. Внешняя политика Грузии после парламентских выборов 1 октября 2012 года. *Центральная Азия и Кавказ*. 2014. Т. 17, № 1. С. 73–85.

20. Мансуров Т. З. Российско-грузинский диалог о нормализации отношений: ограничения и сферы взаимодействия. *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 3. С. 30–36.

References

1. Avatkov V. A., Kasianenko A. V. Military-political relations in the South Caucasus in the context of the Russia-Turkey-Iran triangle. *World Politics*. 2021. No. 3. P. 1–18. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2021.3.36263>. (In Russ.)
2. Agadzhanian S. Russia and Georgia: prospects for the development of bilateral relations. *Diplomatic Service*. 2012. No. 3. P. 63–67. (In Russ.)
3. Archvadze I. S. Georgia and Russia: the economy of reconciliation. *The World of Transformations*. 2016. No. 4. P. 129–139. (In Russ.)
4. Bakhturidze Z. Z. August 2008: unknown past and known future. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art*. Issues of Theory and Practice. 2012. No. 9–2. P. 28–31. (In Russ.)
5. Bakhturidze Z. Z. The August conflict four years later: facts, arguments, opinions. *Proceedings of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences*. 2012. No. 4. P. 119–125. (In Russ.)
6. Gadzhiev K. S. Reflections on the consequences of the “five-day war” for the geopolitics of the Caucasus. *World Economy and International Relations*. 2009. No. 8. P. 31–43. (In Russ.)
7. Dudayti A. K. Russia and the South Caucasus (1991–2025): institutions, corridors, security. — Vladikavkaz: North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov Publ., 2026. 487 p. (In Russ.)
8. Karpovich O. G., Shakirov O. I. Russia and Georgia: time to interact. *Post-Soviet Issues*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 20–32. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-20-32>. (In Russ.)
9. Katkov A. D. The problem of international legal recognition and the phenomenon of unrecognized states in modern scholarly discourse. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World*. 2020. No. 3 (25). P. 27–52. (In Russ.)
10. Kozhevnikova O. D. Russian-Georgian relations after the 2008 military conflict: the role of the “party of power” of the Russian Federation in post-conflict settlement. *Clio*. 2022. No. 2 (182). P. 145–149. (In Russ.)
11. Kopanitsa V. Iu., Markov R. S. Economic potential for the development of Russian-Georgian relations. *Economic Bulletin*. 2023. Vol. 2. No. 4. P. 75–80. (In Russ.)
12. Krylov A. B., Fedorovskaia I. M. Problems of regional security in the Caucasus in the context of Russian-Georgian relations. *Russia and New States of Eurasia*. 2016. No. 2 (31). P. 78–90. (In Russ.)
13. Mukhanov V. M. Russian-Georgian relations in the context of historical memory. *Russia and New States of Eurasia*. 2023. No. 4 (61). P. 200–216. (In Russ.)
14. Mukhanov V. M. Russian-Georgian relations: from emotions to pragmatism. *Russia and New States of Eurasia*. 2022. No. 2 (55). P. 106–116. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-2-106-116>. (In Russ.)
15. Silaev N. Iu. Limits of normalization: Russian-Georgian relations after the parliamentary elections in Georgia. *International Analytics*. 2016. No. 3 (17). P. 7–14. (In Russ.)
16. Silaev N. Iu., Sushentsov A. A. Georgia after the elections and prospects for Russian-Georgian relations. Moscow: MGIMO University, 2012. 66 p. (In Russ.)
17. Skakov A. Iu., Mukhanov V. M. Russian-Georgian relations. In: *Post-Soviet states: 25 years of independent development*. Vol. 1: Western flank of the CIS. Central Asia. Ed. by A. B. Krylov. Moscow: IMEMO RAS, 2017. P. 66–74. (In Russ.)
18. Fedorovskaia I. M. The new Georgian government and Russian-Georgian relations. *Russia and New States of Eurasia*. 2016. No. 1 (30). P. 103–108. (In Russ.)
19. Melikian Dzh. Georgian foreign policy after the parliamentary elections of October 1, 2012. *Central Asia and the Caucasus*. 2014. Vol. 17. No. 1. P. 73–85. (In Russ.)
20. Mansurov T. Z. Russian-Georgian dialogue on normalization: limitations and areas of interaction. *Proceedings of Voronezh State University*. Series: History. Political Science. Sociology. 2016. No. 3. P. 30–36. (In Russ.)

Рябина Ольга Константиновна,

кандидат политических наук,
доцент кафедры политической теории
Дипломатической академии МГИМО МИД России, Москва.

Olga K. Ryabinina

Ph.D. (Political Science),
Associate Professor of the Department of Political Theory,
Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International
Relations of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: ryabininaok@gmail.com

ФИНЛЯНДИЯ ПРОДОЛЖАЕТ КУРС НА СОХРАНЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

FINLAND CONTINUES ITS POLICY OF MAINTAINING GEOPOLITICAL TENSIONS

Аннотация: статья посвящена основным направлениям политики Финляндии. После вхождения государства в состав НАТО внешняя политика Финляндии претерпела кардинальные изменения. Усилия финляндской стороны сосредоточены на расширении сотрудничества с НАТО. Официальный Хельсинки активно использует механизм взаимодействия в виде проведения совместных учений в рамках Альянса. Помимо этого, Финляндия активизировала взаимодействие с США, рассматривая вопросы, связанные со строительством для американской стороны новых ледоколов. В целом в статье подчеркивается, что одним из приоритетов политики Финляндии остается арктическое направление, которому уделяется повышенное внимание. Переориентирование во внешней политике на НАТО и обострение отношений с Россией привело к ухудшению экономической ситуации в Финляндии. Антироссийский курс сопровождается резким свертыванием торгово-экономических отношений с Россией, которая на протяжении многих десятилетий выступала в качестве одного из ключевых партнеров Финляндии. В итоге, Финляндия была вынуждена активизировать поиск новых партнеров. В частности, в статье исследуется повышенный интерес Хельсинки к Центральной Азии и африканским странам. Однако подобная переориентация не может заменить емкий российский рынок и торгово-экономические отношения, которые Финляндия сознательно разорвала. Используя метод сравнительного и системного анализа, выявлены изменения во внешней политике Финляндии. В статье сделан вывод, что, несмотря на резкое ухудшение состояния экономики, Финляндия не намерена отказываться от внешнеполитического курса, в основе которого находится антироссийская риторика и активизация политики в рамках НАТО.

Ключевые слова: Финляндия, НАТО, Россия, Арктика, экономика.

Abstract: The article examines the main policy priorities of Finland. Following its accession to NATO, Finland's foreign policy has undergone dramatic changes. Helsinki's efforts are focused on expanding cooperation with NATO. The country actively utilizes the mechanism of interaction through joint military exercises within the alliance. Furthermore, Finland has intensified cooperation with the United States, considering issues related to the construction of new ice-breakers for the American side. Overall, the article emphasizes that the Arctic remains a priority for Finland, to which it devotes increased attention. The shift in foreign policy towards NATO and

the deterioration of relations with Russia have led to an aggravation of the economic situation in Finland. Such anti-Russian policy is accompanied by a sharp curtailment of trade and economic relations with Moscow, which for many decades had been one of Helsinki's key partners. Consequently, Finland has been forced to intensify its search for new partners. Specifically, the article examines Helsinki's increased interest in Central Asia and African countries. However, such a reorientation cannot replace the vast Russian market as well as trade and economic relations that Finland has deliberately severed. Using comparative and systemic analysis, the author identifies changes in Finland's foreign policy. The article concludes that, despite the sharp deterioration of the economy, Finland does not intend to abandon its foreign policy course, which is based on anti-Russian rhetoric and an intensified policy within NATO.

Key words: Finland, NATO, Russia, Arctic, economy.

Введение

Для Финляндии вступление в НАТО стало ключевым событием во внешней политике. На протяжении длительного времени Финляндия сохраняла нейтралитет и не присоединялась ни к каким блокам. Например, Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией был подписан в 1948 г. И курс на нейтральный статус сохранялся до начала 90-х гг. XX в.

После кардинальных изменений в системе международных отношений, связанных с распадом СССР, Финляндия стала отходить от жесткой позиции, предполагающей неучастие страны в различных блоках и организациях. Этот курс реализовывался при сохранении нейтралитета. Так, при формальном неприсоединении к НАТО официальный Хельсинки последовательно двигался к более тесному взаимодействию с западными государствами. Прежде всего это выражалось в курсе на участие в программах НАТО. С 1994 г. Финляндия стала участником программы «Партнёрство во имя мира», в 1997 г. — членом Совета евроатлантического партнерства, а с 2014 г. приняла участие в Программе расширенных возможностей НАТО. Помимо этого, Финляндия участвовала в работе миссий НАТО.

Важным направлением финляндской политики последних десятилетий стал курс на повышение обороноспособности в рамках Северной Европы. Еще в 2009 г. был создан Северный оборонный альянс NORDEFCO (Nordic Defence Cooperation). Затем северо-европейские государства в 2015 г. образовали морскую боевую группу, а в 2020 г. Финляндия подписала с Норвегией и Швецией оборонное соглашение. Таким образом, Финляндия последовательно интегрировалась в оборонные инициативы как в НАТО, так и в рамках Северной Европы, расширяя взаимодействие и создавая новые форматы сотрудничества. При этом вопрос о вступлении в Альянс не стоял на повестке дня и воспринимался

большинством политических сил как риторика, направленная на привлечение дополнительного числа сторонников.

Сохранению «дистанции» от НАТО способствовала «так называемая скандинавская формула интернационализма» [1]. Речь шла о том, что Финляндия последовательно продвигала курс на закрепление за собой имиджа «сверхдержавы по миротворчеству». Взаимодействуя с НАТО, а также действуя под эгидой ООН, Финляндия, как другие североευропейские государства, приобрела значительный опыт миротворческой деятельности и заработала общепризнанный авторитет «беспристрастных посредников».

Несмотря на длительный период нейтралитета, последовательное участие в оборонных программах и расширение сотрудничества привели к кардинальному изменению в настроениях политической элиты Финляндии. Еще в начале 2022 г. президент страны заявил, что его страна «сохраняет возможность подать заявку на вступление в НАТО, если решит так сама»¹. Более того, в январе 2022 г. было заявлено, что «процесс вступления в НАТО для Швеции и Финляндии может пройти очень быстро»², хотя глава МИД Финляндии заявил, что «его страна даже не обсуждает этот вопрос»³. В целом в стране сложилась благоприятная политическая обстановка для последующего расширения сотрудничества в рамках Альянса.

События 2022 г. — начало специальной военной операции (СВО) — стали формальной причиной, которая привела к внешнеполитическому развороту Финляндии в сторону НАТО и заложила основы для нового политического курса в отношении России. Проведение российской стороной СВО было расценено финляндской стороной как угроза интересам государства.

В результате в последующие месяцы Финляндия пошла на изменение своей позиции, приняв решение стать членом НАТО. В качестве одного из аргументов подчеркивалось, что «Россия

¹ Премьер-министр Финляндии заявила о праве страны подать заявку на вступление в НАТО. 2 января 2022 г. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13346869?utm_source=webcache.googleusercontent.com&utm_medium=referral&utm_campaign=webcache.googleusercontent.com&utm_referrer=webcache.googleusercontent.com (дата обращения: 24.05.2026).

² NATO Secretary General with the President of Estonia Alar Karis, 13 JAN 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cVyzlakRrUs> (accessed: 14.05.2026).

³ Finland has no plans to join NATO — foreign minister. URL: <https://www.devdiscourse.com/article/law-order/1883487-finland-has-no-plans-to-join-nato--foreign-minister> (accessed: 14.05.2026).

предложила странам ЕС и НАТО, включая Финляндию, прекратить расширение НАТО. Принятие требований России означало бы значительное ухудшение не только нашего суверенитета, но и нашей безопасности»⁴. Подобные интерпретации российских предложений можно расценивать в качестве формального повода, который был использован Финляндией для изменения внешнеполитического курса.

В итоге, 18 мая 2022 г. посол Финляндии в НАТО, совместно со шведским коллегой, вручили Генеральному секретарю Альянса Столтенбергу заявки о вступлении. Уже в апреле 2023 г. Финляндия стала членом НАТО.

Последующие несколько лет продемонстрировали, что политика Финляндии продолжает стремительно меняться. Хельсинки не ограничился формальным вступлением в Альянс. Страна стала активно интегрироваться в политику НАТО, рассчитывая таким образом укрепить свои позиции на международной арене.

В отношениях с Россией взят курс на конфронтацию

Вступление в НАТО сопровождалось кардинальным изменением отношений с одним из ключевых торгово-экономических партнеров Финляндии — Россией. Власти Финляндии сделали ставку на политические аспекты, проигнорировав экономическую сторону вопроса. Прежде всего это касалось торгово-экономических отношений, которые развивались достаточно динамично. Крупный бизнес Финляндии активно работал в России в различных секторах экономики. На 1 апреля 2021 г., накопленные прямые иностранные инвестиции из Финляндии составили 4,1 млрд долл.⁵, а товарооборот в 2021 г. достигал 12,4 млрд евро⁶. В 2025 г. товарооборот России и Финляндии снизился до 1 млрд евро⁷. При этом приграничные территории Финляндии понесли значительные убытки, поскольку лишились подавляющего большинства туристов из России. Они приносили значительный доход в бюджет Финляндии и обеспечивали развитие различных секторов

⁴ Pöytäkirjan asiakohta PTK 56/2022 vp. URL: https://www.eduskunta.fi/FI/vaski/PoytakirjaAsiakohta/Sivut/PTK_56+2022+3.aspx (accessed: 20.05.2026).

⁵ Объем инвестиций Финляндии в Москву вырос на \$150 млн. 4.11.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12842225> (дата обращения: 06.06.2026).

⁶ Посол рассказал о сокращении товарооборота между Россией и Финляндией. 14.02.2026. URL: <https://ria.ru/20260214/tovarooborot-2074336002.html?ysclid=mq8aewo66643906473> (дата обращения: 06.06.2026).

⁷ Там же.

экономики. В то же время Финляндия значительно увеличила расходы на оборону и на выпуск продукции военно-промышленного комплекса.

Ухудшение торгово-экономических отношений, прежде всего за счет сознательного ограничения связей с Россией, вынудило Финляндию искать новых партнеров и дополнительные рынки сбыта для своей продукции. Значительный объем выпускаемой в Финляндии продукции оказался не востребован⁸. В результате власти Финляндии были вынуждены искать обходные пути поставок своих товаров на российский рынок, что позволило немного компенсировать потери, которые возникли при разрыве торговых отношений с Россией.

Финляндия встроилась в общеевропейскую политику

Несмотря на экономические потери, Финляндия стала проводить активный курс в рамках евроатлантических структур. Вхождение в НАТО сказалось на оценках Финляндии в отношении ситуации в мире, а также в Арктике и в Балтийском регионе. В Докладе правительства в области обороны [4], принятом в декабре 2024 г., который заменил собой аналогичную стратегию от сентября 2021 г. [6], отмечалось, что основной угрозой для мирового сообщества выступает Россия [5]. Именно российской стороне приписывались агрессивные действия, которые напрямую связывались с проведением СВО. Более того, Финляндия, как член НАТО, встала на путь обвинений России в создании угрозы стране и ее союзникам, подчеркивая якобы имеющиеся у российской стороны задачи по дестабилизации ЕС, разделению европейских государств на сферы влияния с применением военной силы. Данные оценки зафиксировали курс Финляндии на продвижение антироссийской повестки, которая стала доминирующей в ЕС и НАТО с 2022 г.

В документе 2024 г. говорилось, что присоединение Финляндии к НАТО стало «самым значительным изменением в сфере обороны Финляндии со времен Второй мировой войны» [4]. Помимо этого, подчеркивалось «значение расширения целей и задач оборонной политики и военного планирования Финляндии за пределы государственной границы: на территорию стран

⁸ Андреев С. Финляндия: два года в НАТО. 28 апреля 2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/finlyandiya-dva-goda-v-nato/?ysclid=mq8b0yepzc764682367> (дата обращения: 06.06.2026).

Балтии, Балтийского моря, Северного Ледовитого океана, северной части Атлантического океана» [4]. Наряду с Россией, большое внимание в документе уделено Китаю, который также оценивается как агрессивное государство. По мнению авторов Доклада, Китай значительно «активизировал разведывательную деятельность в США и Европе, усилил военное и экономическое сотрудничество с Россией, от развития которого будет зависеть способность Москвы оказывать влияние на Европу»⁹.

Вступление Финляндии в НАТО географически приблизило Альянс к России, прежде всего к ее стратегическим регионам. Расширение географии влияния НАТО сказалось на количестве военных учений, которые проводятся с привлечением значительных сил и средств государств-членов Альянса.

В документе отмечалась важность повышения независимости Европы в вопросах безопасности и выделения еще большего объема расходов на военные нужды. При этом упор был сделан на «сотрудничество со странами-участницами NORDEFCO, а также с государствами Балтийского региона и Великобританией. Учитывались также изменения в политике безопасности ФРГ, которая выступала за усиление военных позиций, а также увеличение оборонных расходов Франции и растущие закупки военной техники Польшей, превратившейся в ключевой логистический хаб в поставках на Украину» [4].

В условиях обострения геополитической ситуации и стремительного развития новых видов вооружений значительно возросла важность развития дистанционно управляемых и автономных беспилотных систем, внедрение искусственного интеллекта, а также производство современных видов вооружений. Примечательно, что Финляндия уделила внимание таким областям, как киберпространство и космос, которые названы в документе «ареной технологического соперничества и ведения войны».

Общая линия документа довольно четко подводит к выводу, что Финляндия должна готовиться к длительному этапу борьбы, для чего необходимо развивать передовые вооружения, а также учитывать возросшую зависимость страны от современных технологий, рассматриваемых в качестве одного из преимуществ, которые могут быть достигнуты в борьбе малых государств с более развитыми странами.

⁹ Андреев С. Финляндия: два года в НАТО. 28 апреля 2025. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/finlyandiya-dva-goda-v-nato/?ysclid=mq8b0yepzc764682367> (дата обращения: 06.06.2026).

В целом основные тезисы, изложенные в документе, показали, что Финляндия намерена проводить курс, исходя из формирования на европейском континенте общего геополитического пространства, в котором страны достаточно тесно интегрированы в сфере обороны и развития передовых технологий. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО привело к укреплению позиций НАТО в Арктике и значительно расширило возможности в Балтийском море.

После вступления в НАТО Финляндия из государства, которое ранее занимало «вторые» позиции в реализации антироссийского курса, стремительно вышла на первые роли. Политика Хельсинки была направлена на формирование новой конфигурации в Балтийском регионе, которая имеет для НАТО огромное значение. При этом большое внимание Финляндия стала уделять расширению взаимоотношений с североевропейскими государствами. Так, в апреле 2024 г. страны Северной Европы — Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция подписали меморандум о новом видении NORDEFCO¹⁰, который стал «рассматриваться в качестве одного из ключевых механизмов взаимодействия отдельных стран. Подобная трансформация подходов к вопросам безопасности отражала новые реалии, сложившиеся после вступления Финляндии в НАТО». Официальный Хельсинки стал поддерживать инициативы, направленные на расширение взаимодействия стран Северной Европы уже на новом уровне. Тем более что североевропейские государства стали более активно координировать шаги, связанные с развитием потенциала национальной обороны и содействовать оперативной совместимости вооруженных сил. Как отмечал министр обороны Финляндии Антти Хяккянен, «концепция сотрудничества серьезно изменена. Самое большое изменение — это включение оперативного сотрудничества. Северные страны имеют общую сухопутную границу с Россией протяженностью почти 1500 км. В нашем распоряжении более 250 истребителей и более 350 тыс. военнослужащих, и вместе мы также готовы защищать каждый уголок нашей территории»¹¹.

¹⁰ Vision for Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO). Tórshavn, the 30th of April 2024. For the Ministry of Defence of Denmark. URL: https://defmin.fi/documents/236553176/238659714/Vision_for_Nordic_Defence_Cooperation.pdf/7432e2dc-c6e2-44f6-3815-1ba5e0f7bc81?t=1768986026976 (accessed: 23.06.2026).

¹¹ Страны Северной Европы подписали новую концепцию NORDEFCO. 30.04.2026. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/a6af8b64?ysclid=mq9obdn428386814451> (дата обращения: 06.06.2026)

Документ был призван усилить синхронизацию национальных стратегий. В рамках концепции страны намерены были углубить сотрудничество по восьми приоритетным направлениям. Прежде всего, наращивать возможности и потенциал военно-промышленного комплекса стран Северной Европы [7]. Соответственно, в реализации планов, связанных с проведением совместных военных учений и расширением сотрудничества, Финляндия стала играть одну из ключевых ролей.

Следующим шагом, который расширил взаимодействие стран Северной Европы, стало подписание в мае 2025 г. Меморандума странами, которые входят в NORDEFSCO¹². Первый меморандум был подписан в 2009 г. и «основывался на добровольном сотрудничестве в области совместных закупок, учений и миротворческих операций и был, по своей сути, документом мирного времени»¹³. Документ 2025 г. отражает обострение геополитической ситуации, и «в нем обозначен акцент на сдерживании и укреплении обороны северного региона, готовности к проведению совместных военных операций, что стало прямым дополнением коллективной обороны НАТО. Подчеркивается стратегическая и политическая координация, а также регулярная актуализация целей через отдельный документ “Vision” NORDEFSCO» [3]. Подписанные документы о развитии NORDEFSCO поддерживались финляндской стороной, которая выступает за более тесную интеграцию именно североευропейских государств.

В мае 2026 года министры обороны Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции подписали пересмотренный Меморандум о взаимопонимании Nordic Defence Cooperation (NORDEFSCO)¹⁴, который направлен на углубление интеграции в области авиации, а также о сотрудничестве в сфере беспилотных воздушных систем и закупок средств противодействия дронам.

¹² Edvardsen A. Nordic Defense Ministers Met in Lapland: Updated NORDEFSCO with New Agreement. High North News. 18.05.2026. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/nordic-defense-ministers-met-lapland-updated-nordefco-new-agreement> (accessed: 22.05.2026).

¹³ Гриняев С. Н. Трансформация североευропейской безопасности: роль NORDEFSCO в условиях геополитической напряженности. 30.05.2025. URL: <https://csef.ru/oborona-i-bezopasnost/340/transformacziya-severoeuropejskoj-bezopasnosti-rol-nordefco-v-usloviyah-geopoliticheskoy-napryazhennosti-9803?ysclid=mpl4ftviyi347832844> (дата обращения: 23.05.2026).

¹⁴ NORDEFSCO Signs Its First Post-NATO Revised MoU in Trøndelag — What the New Nordic Defence Framework Pulls Into Portugal's Industrial Base. May 14, 2026. URL: <https://www.northsouthhq.com/articles/nordefco-revised-mou-trondelag-may-2026-nordic-defence-cooperation-portugal-industrial-pull.html> (accessed: 14.06.2026).

Подтверждением внешнеполитического курса Финляндии, который направлен на конфронтацию, выступают расходы страны на оборону. В последние годы они неуклонно росли. В 2014–2020 годах военные расходы Финляндии ежегодно составляли 1,5% ВВП¹⁵. Однако затем расходы стали возрастать. В 2022 г. они составили 4,47 млрд долл., в 2023 г. — 6,85 млрд долл. (2,4% ВВП). В 2024 г. расходы Финляндии на оборону чуть снизились и составили 2,3% ВВП (6,5 млрд евро)¹⁶. Однако уже весной 2025 г. правительство Финляндии приняло решение об «увеличении военных расходов до 3% от валового внутреннего продукта к 2029 г. После этого правительство планирует придерживаться общей цели стран НАТО, согласно которой к 2035 г. фактические расходы на оборону вырастут до 3,5%, а расходы, связанные с обороной в более широком смысле, до 1,5%»¹⁷.

В итоге за несколько лет политика Финляндии претерпела серьезные изменения. На смену нейтралитету пришел внешнеполитический курс, ориентированный на расширение оборонных отношений в рамках НАТО и расширение военного сотрудничества со странами Северной Европы. Подобная трансформация внешнеполитического курса Финляндии отражает общий курс НАТО на конфронтацию с Россией, поддержку Украины и, по сути, затягивание военного конфликта.

На Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2026 г., спустя почти три года после вступления Хельсинки в НАТО, А. Стубб уже в качестве президента подвёл следующий итог: «То, что мы пытались сделать в Финляндии, — это, по сути, создать самые сильные арктические силы, которые у нас есть в альянсе, пытающиеся предотвратить возможную угрозу безопасности со стороны России»¹⁸.

¹⁵ Химшиашвили П. Россия пригрозила Финляндии и Швеции последствиями за вступление в НАТО. 14 апреля 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/04/2022/6257d6149a7947907c8176dd?ysclid=mpl7mrjrhb8783488> (дата обращения: 06.06.2026).

¹⁶ Совина М. Финляндия повысит расходы на оборону до необходимого уровня НАТО. 17 ноября 2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/11/17/finn/?ysclid=mq9rrp7zcf975632835> (дата обращения: 06.06.2026).

¹⁷ В Финляндии сравнили военные расходы сегодня с периодом перед Зимней войной. 21 сентября 2025. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/0a8e6874?ysclid=mpl7i27bi2785606692> (дата обращения: 06.06.2026).

¹⁸ RT: Стубб заявил о создании в Финляндии сильнейших арктических сил НАТО. 14 февраля 2026 г. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1595715-finlyandiya-nato-arktika-stubb> (дата обращения: 04.06.2026).

Финляндия принимает активное участие в формировании передовых сухопутных сил НАТО в Северной Финляндии. В марте 2026 г. министр обороны Финляндии объявил, что «сухопутные войска будут созданы в этом году с целью завершить этот процесс до саммита НАТО в Анкаре в июле. Первоначально это предполагает создание шведской боевой группы и постоянного многонационального штабного элемента в Рованиеми, в финской Лапландии»¹⁹.

Разворот в сторону США

После вступления в НАТО, Финляндия стала более активно взаимодействовать с США. Так, 1 сентября 2024 г. вступило в силу Соглашение о сотрудничестве в области обороны с США²⁰. Бывший госсекретарь США Энтони Блинкен заявил: «Сегодня мы еще больше укрепим наши связи в области безопасности, подписав соглашение о сотрудничестве в области обороны. Когда оно вступит в силу, наши вооруженные силы смогут взаимодействовать более эффективно и результативно. Наши войска получают больше возможностей для совместных учений и повышения совместимости в рамках структур НАТО»²¹. В свою очередь, глава МИД Финляндии Элина Валтонен подчеркнула, что «Хельсинки рассматривает Вашингтон в качестве «ключевого стратегического партнера и союзника, а также крупнейшего торгового партнера». Соглашение выведет уровень взаимодействия Финляндии с НАТО на новый уровень, а также стимулирует развитие сотрудничества в области технологий»²².

Подписанный документ значительно расширяет сотрудничество двух стран в сфере обороны. Так, документ предусматривает, что «Финляндия откроет 15 своих военных объектов для возможного использования американскими войсками. Примечательно, что финляндская сторона не будет взимать арендную плату за помещения или территории, предоставленные в распоряжение США. Помимо этого, в сентябре того же года финское

¹⁹ Эдвардсен А. Командир Арктической бригады возглавит шведскую миссию НАТО в Северной Финляндии. 27 апреля 2026 г. URL: <https://en.highnorthnews.com/politics/commander-of-arctic-brigade-to-lead-swedish-nato-mission-in-northern-finland/1110025> (дата обращения: 06.06.2026)

²⁰ США и Финляндия подписали соглашение о сотрудничестве в области обороны. 18 декабря 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19570945?ysclid=mq9rx-a23v5143541867> (дата обращения: 06.06.2026).

²¹ Там же.

²² Там же.

министерство обороны заявило о размещении на территории страны штаб-квартиры НАТО. Она будет находиться на юго-западе страны, в 140 км от границы с РФ»²³.

Таким образом, Финляндия значительно активизировала свои действия в рамках НАТО и с США, с которыми Финляндия также усилила взаимодействие. В частности, Финляндия и США договорились о совместном строительстве ледоколов — Пакт о сотрудничестве в ледокольном деле (ICE Pact). Так, летом 2024 г. «Соединенные Штаты, Канада и Финляндия заключили новые трехсторонние договоренности, касающиеся строительства на национальных верфях ледоколов и продвижения этих судов на мировом рынке»²⁴. Тогда же было объявлено о создании трехстороннего консорциума по строительству и развертыванию ледоколов нового поколения. Стратегическое партнерство для реализации проекта по строительству ледоколов обеспечили финские Rauma Marine Constructions (RMC, Rauma Shipyard) и Aker Arctic, а также Bollinger Shipyards (США) и Seaspan Shipyards (Канада). В планах трех государств строительство до 70–90 современных ледоколов различного назначения. В результате в течение 10–15 лет США намерены сократить отставание в Арктике от России. Затем, в октябре 2025 г. президенты США и Финляндии подписали меморандум о сотрудничестве в области строительства ледоколов. Документ направлен на расширение сотрудничества финских судостроителей с американской береговой охраной. Речь идет о строительстве 11 ледоколов, четыре из которых построят в Финляндии.

В ноябре 2025 г. был опубликован документ «Внешняя политика Финляндии в Арктике и политика безопасности» [2]. Документ зафиксировал новые приоритеты страны в Арктике, а также дал оценку текущим геополитическим событиям. В частности, подчеркивалось, что экономическое соперничество между великими державами и изменение климата повысило экономическое значение Арктики. Вместе с тем в документе зафиксировано военное значение Арктики, которая стала рассматриваться в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики.

²³ Там же.

²⁴ США, Канада и Финляндия будут сотрудничать по строительству ледоколов. 11 июля 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21339141> (дата обращения: 06.06.2026).

В документе подчеркивалось, что вступление Финляндии и Швеции в НАТО привело к укреплению безопасности в Северной Европе. В целом в представленном документе странам Северной Европы уделяется значительное внимание, поскольку они рассматриваются в качестве ключевых союзников Финляндии в арктическом сотрудничестве. Акцент делается на взаимодействии в таких областях, как безопасность поставок, поисково-спасательные службы и экологические проблемы, которые являются частью всеобъемлющей безопасности. Развитие северного автомобильного и железнодорожного сообщения из Северной Финляндии через Швецию в Норвегию имеет жизненно важное значение как с экономической точки зрения, так и с точки зрения политики безопасности. Документ делал акцент на том, что вступление Финляндии и Швеции в НАТО позволило северным странам значительно углубить сотрудничество в области обороны, освободившись от политических ограничений.

Заключение

В последние несколько лет политика Финляндии претерпела кардинальные изменения. С одной стороны, Хельсинки отказался от нейтралитета и вступил в НАТО. Последовавшая после этого активизация внешнеполитического курса на российском направлении и расширение сотрудничества с североευропейскими государствами и США сделали Финляндию одним из ключевых государств в продвижении интересов НАТО на Балтике и в Арктике. С другой стороны, внешнеполитические изменения привели к резкому ухудшению экономической ситуации в стране. Разрыв с Россией торгово-экономического сотрудничества ударил по экономике Финляндии. Для компенсации потерь Финляндия была вынуждена активизировать поиск новых партнеров или расширять экономическое взаимодействие со странами, которые ранее не представляли большого интереса. Например, Финляндия усилила интерес к Африке, которая стала привлекать к себе повышенное внимание. Страны Африки рассматриваются в качестве поставщика природных ископаемых и одновременно как рынок сбыта готовой продукции. Одновременно Финляндия стала проводить политику, направленную на расширение сотрудничества со странами Центральной Азии, которые представляют интерес в качестве рынков сбыта и альтернативного маршрута для поставок товаров на российский рынок.

Литература

1. Воронов К. В. Миротворчество стран Северной Европы: ответы на вызовы. *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. №12. С. 57–68. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2011-12-57-68>
2. Finland's Arctic Foreign and Security Policy. 25 November 2025. Helsinki 2025 Finland. 22 p.
3. Memorandum of Understanding. NORDEFCO. 2025. URL: https://www.defmin.fi/files/6225/06052025_NORDEFCO_MoU_final.pdf (accessed: 19.04.2026).
4. Valtioneuvoston puolustusselonteko. Puolustusministeriö Helsinki 2024. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/server/api/core/bitstreams/8a3950d4-4c34-45e7-847d-795bccd-b22c2/content> (accessed: 04.06.2026).
5. Valtioneuvoston puolustusselonteko. Puolustusministeriö Helsinki 2024. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/server/api/core/bitstreams/8a3950d4-4c34-45e7-847d-795bccd-b22c2/content> (accessed: 02.06.2026).
6. Valtioneuvoston puolustusselonteko. Valtioneuvosto Helsinki 2021. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/server/api/core/bitstreams/e9403be2-3609-4fd8-bc89-70a7167df105/content> (accessed: 03.06.2026).
7. Vision for Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO). URL: <https://www.nordefco.org/files/NORDEFCO-vision-2030-.pdf> (accessed: 22.05.2026).

References

1. Voronov K.V. Peacekeeping in the Nordic Countries: Responses to Challenges. *World Economy and International Relations*. 2011. No. 12. P. 57–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2011-12-57-68>
2. Finland's Arctic Foreign and Security Policy. 25 November 2025. Helsinki 2025 Finland. 22 p.
3. Memorandum of Understanding. NORDEFCO. 2025. URL: https://www.defmin.fi/files/6225/06052025_NORDEFCO_MoU_final.pdf (accessed: 19.04.2026)
4. Valtioneuvoston puolustusselonteko. Puolustusministeriö Helsinki 2024. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/server/api/core/bitstreams/8a3950d4-4c34-45e7-847d-795bccd-b22c2/content> (accessed: 06.04.2026).
5. Valtioneuvoston puolustusselonteko. Puolustusministeriö Helsinki 2024. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/server/api/core/bitstreams/8a3950d4-4c34-45e7-847d-795bccd-b22c2/content> (accessed: 06.02.2026).
6. Valtioneuvoston puolustusselonteko. Valtioneuvosto Helsinki 2021. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/server/api/core/bitstreams/e9403be2-3609-4fd8-bc89-70a7167df105/content> (accessed: 03.06.2026).
7. Vision for Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO). URL: <https://www.nordefco.org/files/NORDEFCO-vision-2030-.pdf> (accessed: 22.05.2026).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Высоцкий Павел Андреевич,

кандидат философских наук,
доцент кафедры политической теории,
Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва.

Pavel A. Vysotsky,

Ph.D. (Philosophy),
Associate Professor of the Department of Political Theory,
Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International
Relations of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: pvysotsckij@yandex.ru

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАН ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА: ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ

FOREIGN POLICY OF THE BLACK SEA COUNTRIES: REVIEW OF THE DOCUMENTS

Аннотация: в статье анализируются документы, определяющие внешнюю политику стран Черноморского региона. В этом районе мира пересекаются интересы не только причерноморских государств — России, Украины, Турции, Болгарии, Румынии и Грузии. В Черноморском регионе активную политику проводят глобальные акторы, стремясь влиять на внешнеполитический курс причерноморских государств. Страны региона разработали и реализуют на практике документы, в которых определены основные задачи в Черноморском регионе. В условиях обострения международной ситуации, сопоставление национальных стратегий приобрело особое значение. В статье выявлены установлены отличия, характерные для основополагающих документов причерноморских государств. На основе сравнительного метода выявлены схожие черты и отличия, характерные для внешней политики причерноморских государств. В статье сделан вывод, что все причерноморские государства уделяют повышенное внимание Черноморскому региону.

Ключевые слова: Черноморский регион, внешняя политика, Россия, Украина, Турция, Болгария, Румыния, Грузия.

Abstract: The article analyzes the documents defining the foreign policy of the Black Sea area. This region is a confluence of interests not only among the Black Sea states — Russia, Ukraine, Turkey, Bulgaria, Romania and Georgia — but also among global actors. The latter are actively pursuing policies in the Black Sea region, seeking to influence the foreign course of the countries in the area. Regional states have developed and are implementing documents outlining

key objectives in the Black Sea region. In the context of the deteriorating international situation, comparing national strategies has become particularly important. This article identifies differences characteristic of the fundamental documents of the Black Sea states. Using a comparative method, similarities and differences are identified in the foreign policies of the Black Sea states. The article concludes that all Black Sea states are paying particular attention to the Black Sea region.

Key words: Black Sea region, foreign policy, Russia, Ukraine, Turkey, Bulgaria, Romania, Georgia.

Введение

Статья посвящена ключевым документам государств Черноморского региона, которые определяют их внешнюю политику. Исследуются стратегии национальной безопасности, концепций внешней политики, а также отраслевые доктрины и программные заявления.

Для повышения аналитической ценности используются элементы исторического контекста, сравнительные сопоставления и оценка возможных последствий выбранных стратегий для устойчивости и управляемости регионального порядка.

Обзор начинается с Российской Федерации как одного из наиболее влиятельных акторов в Черноморском регионе, чьи стратегические замыслы и практическая политика оказывают решающее влияние на конфигурацию безопасности и характер регионального взаимодействия.

Роль России в Черноморском регионе

Россия занимает ключевое положение в Черноморском регионе. Ее военные, экономические и дипломатические ресурсы делают российскую политику одним из системообразующих факторов региональной стабильности. Стратегические документы РФ определяют приоритеты в регионе.

Базовым документом в сфере безопасности выступает «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (2021 г.). В ней национальная безопасность трактуется расширенно: наряду с обороной и государственной безопасностью в число стратегических приоритетов включаются «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала», что задает социально-демографическое измерение безопасности [5].

Одновременно Стратегия фиксирует задачи защиты суверенитета, территориальной целостности, устойчивости экономики и информационного пространства, а также необходимость противодействия дестабилизирующим воздействиям, которые

в российском дискурсе нередко связываются с внешними источниками (в частности, с феноменом «цветных революций») [7].

Во внешнеполитическом измерении ориентиры закрепила «Концепция внешней политики Российской Федерации» (2023). Документ сформулировал задачи, направленные «на многополярное мироустройство, неприятие гегемонии и стремление к укреплению роли международного права (в российской трактовке), а также подчеркивает приоритет развития отношений с незападными партнерами и государствами “мирового большинства”» [4]. В Концепции также присутствует характеристика российской внешней политики как «миролюбивой, открытой, предсказуемой, последовательной и прагматичной» [8].

Кроме того, Черное море выступает коридором энергетических и транзитных проектов: показателен пример газопровода «Турецкий поток», который по проектным параметрам рассчитан на 31,5 млрд м³ газа в год и связан с поставками в Турцию и далее в страны Юго-Восточной Европы¹.

События 2014 г. и последующее вхождение Крыма в состав России значительно усилили роль черноморского направления в российской политике. Российская Федерация, опираясь на итоги событий 2014 г., рассматривает Республику Крым и город Севастополь как субъекты Российской Федерации, что отражено в официальных правовых и стратегических документах РФ [3].

В целом российская политика в Черноморском регионе отличается последовательностью. Вхождение Крыма в состав России и изменение правового режима Азовского моря укрепили позиции России в Черноморском регионе.

Роль Украины в регионе

Украина остается ключевой точкой напряжения в Черноморском регионе. После 2014 г. и особенно после 2022 г. ее стратегическое планирование окончательно приобрело военную и евроатлантическую направленность. Базовым документом в сфере безопасности является Стратегия национальной безопасности Украины (утверждена в 2020 г.). Документ закрепил приоритет защиты суверенитета и территориальной целостности, развитие сектора обороны и безопасности, а также курс на интеграцию с евроатлантическим сообществом как главный внешний «контур» национальной устойчивости.

¹ TurkStream. Project. URL: <https://turkstream.info/project/> (accessed: 17.05.2026).

В 2025 году положения Стратегии были уточнены, через внесение изменений. Это отразило необходимость адаптации целей и инструментов безопасности к изменяющейся оперативной обстановке и росту гибридных угроз [6].

Другой документ — Стратегия внешнеполитической деятельности Украины (2021 г.). В документе определен стратегический курс на членство в ЕС и НАТО. Внешняя политика трактуется как инструмент усиления обороны, санкционного давления на противника, расширения военно-технической помощи и дипломатической коалиции поддержки [6]. Применительно к Черноморскому региону это означает укрепление связей с союзниками по вопросам морской безопасности, защиты портовой инфраструктуры и устойчивости логистики, поскольку Черное море остается критическим пространством для экономики и международной субъектности Украины.

На Вашингтонском саммите НАТО в 2024 г. союзники Украины закрепили долгосрочные задачи, направленные на оказание помощи и обучению украинских военнослужащих, и связали их с задачей по поддержке ее способности к самообороне в перспективе, включая координацию поставок и подготовки. Практическим наполнением данного подхода стало развертывание NSATU (NATO Security Assistance and Training for Ukraine) в Германии как механизма координации помощи и обучения, который призван придать поддержке более предсказуемый характер [16].

В 2025 г. украинское правительство представило проект программы действий, построенной вокруг четырех опор — безопасность, экономика, человеческое достоинство и восстановление². Такой подход направлен на то, чтобы увязать оборонные приоритеты с социальной стабильностью и перезапуском экономики.

Устойчивость Украины в Черноморском регионе тесно связана с кибер- и критической инфраструктурой. По данным CSIS, в 2024 г. был зафиксирован значимый рост киберинцидентов, нацеленных на критически важные системы Украины, что делает киберзащиту и резервирование инфраструктуры не «технической темой», а элементом национальной безопасности [9].

² Cabinet of Ministers of Ukraine. Draft Government Action Plan is built on four pillars (18 Aug 2025). URL: <https://www.kmu.gov.ua/en/news/kabinet-ministriv-predstaviv-proekt-prohramy-dii-uriadu> (accessed: 17.06.2026).

Таким образом, анализ украинских документов показывает, что ставка делается на евроатлантическую интеграцию, институционализацию внешней поддержки и связь обороны с восстановлением экономики страны. В тоже время сохраняются факторы неопределенности: военные риски, уязвимость инфраструктуры.

Турецкий подход

Турция в Черноморском регионе выступает в качестве уникального актора, который проводит многовекторную политику [1]. Будучи членом НАТО и одновременно причерноморским государством, Турция сочетает союзнические обязательства с курсом на «стратегическую автономию», стремясь минимизировать зависимость от любой внешней «оси» и сохранять свободу маневра. Такая ситуация определяется как внешнеполитическими интересами, так и институциональными рамками национальной безопасности и географии. Фактически Турция контролирует ключевые проливы (Босфор и Дарданеллы), «связывающие Черное море со Средиземноморьем, и тем самым объективно влияет на военно-морской баланс и режим доступа нечерноморских держав в регион»³.

Системообразующим документом турецкого сектора безопасности остается Национальный документ политики безопасности (Milli Güvenlik Siyaset Belgesi), часто называемый «Красной книгой». Содержание этого документа в полном объеме не публикуется, однако факт его актуализации и одобрения фиксируется в официальных сообщениях Совета национальной безопасности (MGK). Так, в январе 2025 г. документ был обновлен на основе оценки актуальных и потенциальных угроз для Турции, региона и мира⁴. В практическом измерении «Красная книга» выполняет роль компаса угроз и приоритетов, задавая общий вектор: от борьбы с терроризмом и управления миграционными рисками до реагирования на региональные конфликты и технологические вызовы. В черноморском контексте особое значение имеют задачи, направленные на предотвращение эскалации и поддержание управляемости военно-морской ситуации,

³ Convention regarding the Régime of the Straits. Montreux, July 20, 1936. *UK Treaties Online (FCDO)*. URL: <https://treaties.fcdo.gov.uk/data/Library2/pdf/1937-TS0030.pdf> (accessed: 17.06.2026).

⁴ NSC convenes at the Presidential Complex. *Directorate of Communications of the Republic of Türkiye*. 22.01.2025. URL: <https://www.iletisim.gov.tr/english/haberler/detay/nsc-convenes-at-the-presidential-complex-22-01-2025> (accessed: 17.06.2026).

поскольку любой резкий дисбаланс вокруг проливов и прибрежной инфраструктуры прямо затрагивает национальную безопасность Анкары.

Черноморская стратегия Турции опирается на международно-правовой режим проливов. Конвенция Монтрё 1936 г. закрепила за Турцией право регулирования прохода через проливы и устанавливает специальные ограничения для военных кораблей нечерноморских государств. Это сделало Анкару «диспетчером» доступа флотов извне в акваторию Черного моря. В исследованиях по безопасности региона подчеркивается, что после 2022 г. интерпретация и применение Монтрё стали одним из ключевых инструментов турецкой политики «двойного баланса». Анкара одновременно демонстрирует союзническую солидарность в рамках НАТО и избегает прямого втягивания в конфронтацию с Россией. Именно поэтому черноморская линия Турции часто описывается как сочетание сдерживания и диалога: поддержка Украины и укрепление обороны одновременно «с сохранением каналов коммуникации с Москвой и акцентом на недопущении милитаризации морских коммуникаций» [11].

Важная составляющая данной модели — связка безопасности с экономикой, прежде всего энергетикой и транзитом. Анкара продвигает себя как «хаб» для газовых потоков и энергетической дипломатии, что усиливает ее переговорные позиции как перед ЕС, так и перед поставщиками и транзитерами. В октябре 2025 г. министр энергетики Турции прямо увязывал роль страны с европейской энергетической безопасностью, отмечая «значение крупных транзитных маршрутов и центральность “Турецкого потока” в текущей архитектуре поставок»⁵. При этом «хабовая» стратегия сталкивается с геополитическими и регуляторными ограничениями: для превращения транзита в полноценный «газовый хаб» требуются доверие рынков, прозрачность правил и устойчивость внешнеполитического курса»⁶.

Другие документы формируют технологическое измерение безопасности. Национальная стратегия кибербезопасности Турции на 2024–2028 гг. сформулировала задачу повышения кибербезопасности и укрепления международных позиций страны

⁵ Türkiye plays key role in Europe's energy security through major gas transit projects. *Anadolu Agency*. 15.10.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/en/energy/energy-projects/turkiye-plays-key-role-in-europes-energy-security-through-major-gas-transit-projects/52297> (accessed: 17.06.2026).

⁶ Там же.

в киберпространстве, включая развитие национальных компетенций и более системную координацию. Это важно для Черноморского региона не меньше, чем морская компонента: критическая инфраструктура (энергетика, порты, связь) становится «мишенью» в условиях конфликта, а киберустойчивость превращается в часть оборонного потенциала. Военно-промышленный аспект также усиливает черноморскую субъектность Турции.

В январе 2025 г. руководство Управления оборонной промышленности (SSB) представило итоги 2024 г. и целевые ориентиры на 2025 г. Был отмечен рост оборонного экспорта и масштаб портфеля проектов. В 2025 г. президент Р. Эрдоган заявил о намерении ускорять ввод в строй национальных оборонных проектов и усиливать оборонное сотрудничество с европейскими союзниками на основе “win-win”, что «отражает стремление соединить автономизацию ВПК с прагматичным сотрудничеством внутри евроатлантического пространства»⁷.

В научной литературе черноморская стратегия Турции описывается как баланс трех факторов: (1) военные амбиции и стремление к лидерству в регионе, (2) экономические ограничения и зависимость от внешних рынков/транзита, (3) сложная динамика отношений с Россией и Западом.

Турецкие документы задают прагматичный подход: сохранение контроля над режимом проливов и управляемость военноморского баланса, одновременно с этим — усиление кибербезопасности и оборонной промышленности, а также использование энергетической дипломатии как инструмента регионального влияния. Такая модель позволяет Турции играть на нескольких направлениях одновременно, но несет и риски: при ухудшении отношений с любой из сторон (Россия/НАТО/ЕС) цена «стратегической автономии» возрастает, а Черное море становится более конфликтным пространством, где экономические и силовые факторы тесно переплетены.

⁷ Anadolu Agency. Türkiye to “swiftly” move defense projects, boost “win-win” defense cooperation with European allies: President Erdogan. 03.11.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkiye/turkiye-to-swiftly-move-defense-projects-boost-win-win-defense-cooperation-with-european-allies-president-erdogan/3734181> (accessed: 17.06.2026).

Болгария: евроатлантическая ориентация

Болгария как прибрежное государство на западном берегу Черного моря рассматривает регион не просто как пространство, а как один из ключевых контуров своей внешней политики и национальной безопасности. Будучи членом НАТО и ЕС, она выстраивает стратегию вокруг укрепления евроатлантической связи, поддержки коллективной обороны и снижения уязвимостей, которые обострились после 2022 г. В этой логике Черное море становится зоной, где одновременно решаются «задачи безопасности (сдерживание, защита инфраструктуры и морских коммуникаций) и развития (торговля, транспорт, энергетические маршруты), а выбор инструментов все чаще определяется сочетанием союзнических обязательств и внутренних политико-экономических ограничений» [17].

Внешнеполитическая цель Софии опирается на принцип стратегического партнерства с союзниками и стремление удерживать фокус НАТО на Черноморском направлении как части «восточного фланга». Это выражается в поддержке усиления союзнического присутствия и в участии в формировании многонациональных сил на своей территории. В частности, НАТО фиксирует «развертывание и развитие многонациональной батальонной группы в Болгарии как элемента усиления сдерживания и обороны на восточном фланге»⁸. В Болгарии подчеркивают необходимость расширения присутствия НАТО в Черном море для «повышения ситуационной осведомленности и противодействия гибридным угрозам»⁹.

С точки зрения национальной безопасности Черное море воспринимается как пространство комплексных рисков: военных, гибридных и инфраструктурных. В документах оборонного планирования Болгарии середины 2020-х гг. основное внимание сконцентрировано на «изменении среды безопасности и возросшей потребности в долгосрочных целях обороны, включая повышение готовности и устойчивости»¹⁰. Вместе с тем усилена

⁸ Strengthening NATO's eastern flank. NATO. 23.10.2025. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/strengthening-natos-eastern-flank> (accessed: 18.06.2026).

⁹ The Foreign Ministers of Bulgaria, Romania and Türkiye held a trilateral meeting in Brussels. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Bulgaria. 04.12.2025. URL: <https://www.mfa.bg/en/news/46520> (accessed: 18.06.2026).

¹⁰ Government Approves New National Defence Strategy. Bulgarian News Agency (BTA). 05.03.2025. URL: <https://www.bta.bg/en/news/bulgaria/845874-government-approves-new-national-defence-strategy> (accessed: 18.06.2026).

практическая региональная кооперация с соседями по Черному морю: «важным примером стала договоренность Болгарии и Румынии о создании регионального командования сил специальных операций для Черноморского региона (HQR-SOCC), призванного обеспечивать планирование и управление компонентом NATO SOF в регионе»¹¹.

Отдельным направлением болгарской политики стали вопросы безопасности, связанные с судоходством и реализацией противоминных мер. На фоне инцидентов с морскими минами после 2022 г. Болгария участвует в трехсторонних инициативах с Румынией и Турцией по «реагированию на минную опасность, а также обсуждается расширение задач этих форматов на защиту энергетической инфраструктуры и торговых маршрутов»¹².

Импульс для реализации черноморской политики Болгарии придают общеевропейские инициативы. Стратегический подход ЕС к Черноморскому региону (май 2025 г.) строится на трех опорах: безопасности и стабильности, устойчивом росте и процветании, экологической устойчивости и готовности создать Black Sea Maritime Security Hub для усиления морской безопасности и защиты критической инфраструктуры. Для Болгарии это важно, поскольку переводит Черное море из страновой проблематики в приоритет общеевропейской безопасности и открывает доступ к инструментам координации и финансирования в логике Team Europe / Global Gateway. При этом существует риск «разрыва между целями и инструментами реализации стратегии: без четких механизмов и ресурсов она может остаться преимущественно декларативной»¹³.

В итоге болгарская стратегия в Черноморском регионе формируется как система приоритетов: укрепление союзнического сдерживания и обороны, защита критической инфраструктуры и морских коммуникаций, снижение гибридных уязвимостей и поддержка экономической устойчивости через безопасность транспортно-энергетических коридоров. При ограниченных

¹¹ Bulgaria and Romania establish new military headquarters for special operations command. *Bulgarian National Radio (BNR)*. URL: <https://bnr.bg/en/post/108012/bulgaria-and-romania-establish-new-military-headquarters-for-special-operations-command> (accessed: 18.06.2026).

¹² Romania seeks to expand Black Sea task force with Turkey, Bulgaria. *Reuters*. 14.08.2025 (accessed: 18.06.2026).

¹³ The EU's New Black Sea Security Strategy: Right Goals, Unclear Means. *German Marshall Fund of the United States (GMF)*. 02.06.2025. URL: <https://www.gmfus.org/news/eus-new-black-sea-security-strategy-right-goals-unclear-means> (accessed: 18.06.2026).

внутренних ресурсах ключевым условием эффективности становится способность Софии трансформировать инициативы союзников в рабочие механизмы: от совместимости сил и командных структур до устойчивого финансирования и долгосрочного планирования.

Румыния: важный фланг НАТО

Румыния как прибрежное государство на западном побережье Черного моря рассматривает регион как один из ключевых контуров своей внешней политики и национальной безопасности. Членство в НАТО и ЕС задает повестку для Бухареста. Приоритет отдается «коллективной обороне, укреплению трансатлантической связи и поддержке общеевропейских подходов к устойчивости и безопасности на восточном фланге» [15]. В официальной внешнеполитической повестке Румынии Черноморье описывается как пространство, где стабильность и безопасность напрямую связаны с развитием торговли, транспортной связности и энергетической инфраструктуры. Румыния последовательно продвигает идею более значимой роли НАТО в Черном море и укрепления региональной координации.

Поддержка Украины после 2022 г. рассматривается Румынией не только как вопрос солидарности, но и как условие снижения рисков для самого Черноморского бассейна (безопасность судоходства, портовая логистика, устойчивость цепочек поставок). Стратегическое направление румынской политики безопасности в 2020-х гг. задает Национальная стратегия обороны (National Defence Strategy) на 2020–2024 гг., утвержденная парламентом в 2020 г. [12]. Документ зафиксировал приоритеты укрепления обороноспособности, развития союзнического присутствия и повышения устойчивости государства к новым типам угроз, включая гибридные и киберугрозы.

В конце 2025 г. на фоне роста угроз в Черноморском регионе обсуждался новый стратегический пакет на 2025–2030 гг. В новом документе были отдельно отмечены риски «для энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры в Черном море и необходимость тесной кооперации с союзниками по региону»¹⁴.

¹⁴ Romanian national defence strategy highlights risk to Black Sea infrastructure. *Reuters*. 12.11.2025 (accessed: 18.06.2026).

Практическое измерение черноморской политики Румынии проявляется в усилении оперативного взаимодействия и в расширении военной совместимости с союзниками. Сюда относятся многосторонние инициативы по противоминной безопасности и защите судоходства, а также обсуждение расширения мандата совместной румыно-болгаро-турецкой группы (изначально ориентированной на разминирование) в сторону задач патрулирования и защиты инфраструктуры и торговых маршрутов. Одновременно Румыния взяла на себя роль организатора в проведении в 2025 г. крупных учений Sea Shield 25, направленные «на отработку взаимодействия союзников в сложной среде Черного моря»¹⁵.

Повышенное внимание Румыния уделяет развитию инфраструктуры на территории страны. На территории Румынии создан Европейский центр подготовки пилотов F-16 (European F-16 Training Center) в Фетешти. Он создавался при участии Нидерландов и при поддержке партнеров. Центр должен был стать международным «хабом» подготовки и совместимости пилотов. Такой формат взаимодействия «закрепил за Румынией роль опорного государства восточного фланга, соединяющего задачи региональной обороны и долгосрочного наращивания возможностей союзников»¹⁶.

Политика Румынии реализуется в рамках стратегии ЕС. Стратегический подход ЕС к Черноморскому региону (май 2025 г.) предусматривает «усиление координации по морской безопасности и защиту подводной инфраструктуры, в том числе через создание Black Sea Maritime Security Hub» [10]. Для Румынии это открыло новые возможности для того, чтобы «институционализировать» черноморскую проблематику в повестке ЕС, увязав вопросы безопасности с развитием связности и устойчивым ростом. При этом эксперты подчеркивают, что результативность стратегии будет зависеть от наличия конкретных инструментов и финансирования, иначе риск декларативности остается высоким.

¹⁵ NATO's annual "Sea Shield 25" military drill in the Black Sea concludes after 12 days. *Euronews*. URL: https://www.euronews.com/my-europe/2025/04/11/natos-annual-sea-shield-military-drill-in-the-black-sea-concludes-after-12-gruelling-days?utm_source=.com 11.04.2025 (accessed: 18.06.2026).

¹⁶ Romania opens F-16 pilot training hub for NATO allies, Ukraine. *Reuters*. URL: https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/romania-opens-f-16-pilot-training-hub-nato-allies-ukraine-2023-11-13/?utm_source=.com 13.11.2023 (accessed: 18.06.2026).

Таким образом, румынская политика в Черном море сочетает в себе стратегические установки НАТО/ЕС, практические механизмы региональной кооперации (безопасность судоходства, защита инфраструктуры, совместимость сил) и развитие национальной инфраструктурной базы и подготовки кадров. Сильной стороной Бухареста является последовательность евроатлантического курса и концентрация внимания на Черноморье как на приоритетном направлении восточного фланга.

Политика Грузии в Причерноморье

Грузия, расположенная на восточном побережье Черного моря, традиционно рассматривает регион как один из ключевых направлений своей внешней политики и национальной безопасности. Для Тбилиси Черное море представляет собой окно возможностей в европейское пространство и одновременно является зоной повышенных рисков, связанных с конфликтами на постсоветской территории, конкуренцией крупных акторов и уязвимостью морской и припортовой инфраструктуры. Основным перечень угроз и приоритетов грузинской политики закреплён в Национальной концепции безопасности Грузии. В документе подчеркиваются вопросы «суверенитета, территориальной целостности и евроатлантической ориентации как стратегического выбора государства» [13].

Во внешнеполитическом измерении Грузия на протяжении последних десятилетий сочетает прагматическую многовекторность с устойчивым заявлением о стремлении к интеграции с ЕС и НАТО. Черноморское направление играет инструментальную роль. Оно «поддерживает транзитную функцию страны и связывает грузинские экономические интересы с европейскими рынками»¹⁷.

В официальной дипломатической риторике Черное море определяется как «мост» к ЕС и как пространство реализации крупных инфраструктурных проектов, усиливающих связанность с Европой. В транспортно-логистическом плане это коррелирует с развитием Транскаспийского маршрута («Средний коридор»),

¹⁷ Maka Botchorishvili: Georgia Has Consistently Sought to Transform the Black Sea into a Bridge Connecting It with the European Union. *Ministry of Foreign Affairs of Georgia*. 18.03.2025. URL: <https://mfa.gov.ge/en/news/093368-maka-botchorishvili-saqartvelo-mudmivad-tsdilobdagadaeqtsia-shavi-zghva-evrokavshirtan-gamaertianeb> (accessed: 18.06.2026).

где одна из ключевых ветвей проходит через Азербайджан и Грузию к Черному морю и далее в Европу.

Внешнеполитическая траектория Грузии на европейском треке в 2024–2025 гг. столкнулась с существенными ограничениями из-за внутривнутриполитических решений и ухудшения отношений с Брюсселем. На уровне институтов ЕС было зафиксировано, что процесс евроинтеграции Грузии оказался «де-факто приостановлен». В более широком политическом контексте это снизило способность Тбилиси опираться на европейские механизмы устойчивости и безопасности именно в тот период, когда значение Черноморского региона как района стратегической конкуренции возросло.

Курс на обеспечение национальных интересов в середине 2020-х гг. был конкретизирован в Программе правительства Грузии на 2025–2028 гг. В документе отражен подход, предполагающий «вовлечение не только вооруженных сил, но и гражданских институтов в повышение устойчивости государства к кризисам и гибридным угрозам» [14]. В этом контексте возросло внимание к кибербезопасности, защите критической инфраструктуры и стратегическим коммуникациям, поскольку именно эти сферы наиболее уязвимы в прибрежных районах и в условиях высокой конфликтности акватории.

Практическое измерение «черноморской» повестки Грузии традиционно опирается на сотрудничество с НАТО. В качестве одного из наиболее форматов взаимодействия выступают визиты кораблей НАТО в порты Грузии и мероприятия, направленные на повышение совместимости, которую «Альянс трактует как элемент укрепления безопасности в Черноморском регионе и партнерских связей с Грузией»¹⁸. Такие контакты имеют не только символическое значение, но и прикладной эффект: они поддерживают подготовку и взаимодействие береговой охраны / морских структур, а также демонстрируют включенность Грузии в региональные механизмы безопасности НАТО даже при отсутствии формального членства.

Стратегический подход ЕС к Черноморскому региону (май 2025 г.) предполагает развитие трех взаимосвязанных направлений. Это: безопасность и стабильность, устойчивый рост /

¹⁸ NATO Ships Visit Georgia. *Allied Maritime Command (NATO)*. 12.10.2021. URL: <https://mc.nato.int/media-centre/news/2021/nato-ships-visit-georgia> (accessed: 18.12.2025).

связанность, экологическая устойчивость, что «предусматривает создание Black Sea Maritime Security Hub для усиления мониторинга, обмена информацией и защиты критической морской инфраструктуры» [10]. Для Грузии это потенциально важный канал встраивания в европейскую систему безопасности и связанности. При этом последующее участие будет зависеть от состояния отношений с ЕС и от внутренней политики Грузии.

Заключение

Черноморский регион, в котором сталкиваются интересы шести прибрежных государств — России, Турции, Украины, Румынии, Болгарии и Грузии, является пространством конкурирующих стратегий. Политика причерноморских государств формируется под воздействием исторических событий, энергетических и транспортных маршрутов, контроля над морскими коммуникациями в Черном море и динамики военных угроз [2].

После эскалации отношений между Россией и Западом в 2022 г. Черное море превратилось в зону повышенной напряженности. В этом регионе усилились фрагментация регионального порядка, произошла поляризация позиций отдельных стран Черноморского региона, что сказалось на балансе сил.

Сравнение документов, в которых отражены стратегии причерноморских государств, продемонстрировало, что сложились диаметрально противоположные позиции. На одной стороне находится Россия, которая в стратегических документах рассматривает Черноморский регион в качестве пространства, в котором сосредоточены национальные интересы. Приоритет отдается обеспечению военной безопасности, защите морских коммуникаций и поддержанию стратегической стабильности в Черноморском регионе в условиях трансформации региональной системы международных отношений.

Конфликт на Украине адаптировал подходы черноморских государств к обеспечению своей безопасности. Например, действия украинских морских дронов и высокоточных средств поражения снизили свободу маневра российского флота, вынудив менять тактику, перераспределить силы и повысить значение и роль непрямых инструментов в отстаивании своих интересов.

Турция занимает особую позицию. Будучи членом НАТО и в то же время, претендуя на лидирующие позиции в регионе, она придерживается политики балансирования. Анкара воспринимает Россию как конкурента, но стремится избегать прямой

конфронтации. Ключевым инструментом влияния остается режим проливов по Конвенции Монтрё, который позволяет Турции ограничивать военно-морскую активность нечерноморских держав и регулировать доступ в акваторию Черного моря. Вместе с тем Турция сохраняет тесные экономические и энергетические связи с Россией, поддерживает переговорные каналы и участвует в различных форматах, например, в экспорте зерна. В тоже время Анкара поддерживает Украину в военно-техническом и политическом измерении. Такая двойственная политика сделала Турцию ключевым участником в Черноморском регионе, государством, претендующим на сохранение баланса сил.

После 2022 г. Украина кардинально изменила свою стратегию, сделав ставку на международную коалицию. Это привело к масштабному расширению сотрудничества во многих областях. Поставки морских беспилотников, ударных систем, разведка — эти и другие компоненты позволили Киеву сохранить влияние на Черном море. Возможности России в Причерноморье были ослаблены. При этом украинская сторона проводила политику на защиту экспортных коридоров, которые касались прежде всего экспорта зерна. Для этого использовались альтернативные логистические цепочки, в том числе через инфраструктуру Румынии. Евроатлантическая интеграция для Украины понимается широко и трактуется как ключевая гарантия безопасности. Это значительно усилило стратегическую связку Киева с ЕС и НАТО, одновременно утвердив конфронтационную линию в отношениях с Россией.

Румыния в этой конфигурации выступает наиболее последовательным сторонником усиления НАТО в Черном море и рассматривает регион как часть «восточного фланга». Бухарест придерживается позиции, что главная угроза исходит от России, и делает ставку на расширение союзнического присутствия со стороны членов Альянса, развитие инфраструктуры, расширение военной совместимости. Одновременно с этим Румыния укрепляет свои экономические возможности: продвигает энергетические проекты в своей экономической зоне, модернизирует порты и транспортные узлы, формирует инфраструктуру. Можно сделать вывод, что румынская политика сочетает как военную составляющую, так и прагматичный расчет на рост роли страны как регионального хаба.

Политика Болгарии во многом повторяет курс Румынии, уделяя Причерноморью повышенное внимание. Однако стартовые

условия и внутренние ограничения ослабляют ее. София опирается на НАТО и ЕС и после 2022 г. стала расценивать политику России в качестве угрозы. При этом вовлеченность в совместные инициативы Болгарии достаточно слабые, что связано с устойчивой политической нестабильностью, наличием социально-экономических проблем и продолжающимися дискуссиями в стране о направлениях внешней политики. В итоге Болгария остается важным, но в тоже время «колеблющимся» звеном восточного фланга.

Позиция Грузии в Черноморском регионе сформировалась под влиянием внутривластных дискуссий о приоритетах внешней политики и развития экономических отношений с Россией. При этом стратегия Грузии опирается на сближение с Западом, участие в европейских форматах и использование транзитной роли страны как основы экономической устойчивости. Однако сотрудничество с Россией в сфере экономики привели к росту напряженности в отношениях Тбилиси с ЕС.

Таким образом, Россия и Турция, обладая значительным военно-политическим потенциалом, поддерживают баланс сил в Черноморском регионе, защищая свои интересы. Такие страны, как Украина, Румыния, Болгария и Грузия ориентируются на механизмы коллективной защиты ЕС и НАТО.

Литература

1. Андрухин Т. В. Политика Турции в Центральной Азии: итоги и перспективы. Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 2. С. 126–137. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-126-137>
2. Высоцкий П. А. Основные проблемы Черноморского региона: современное состояние. *Проблемы постсоветского пространства*. 2023. Т. 10. № 1. С. 17–25. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-17-25>
3. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок 2020 г.). *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 17.05.2026).
4. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229. *Президент России*. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 15.05.2026).
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400. *Президент России*. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 19.05.2026).
6. Стратегия национальной безопасности Украины: утв. Указом Президента Украины от 14.09.2020 № 392/2020. *Официальный сайт Президента Украины*. URL: <https://www.president.gov.ua> (дата обращения: 15.06.2026).
7. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». *Президент России*. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 17.05.2026).
8. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». *Президент России*. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 17.05.2026).

9. Cyber Threats to Critical Infrastructure in Ukraine and the Black Sea Region. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*. Washington, 2024. URL: <https://www.csis.org> (дата обращения: 15.06.2026).
10. EU strategic approach to the Black Sea region. *EEAS*. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-strategic-approach-black-sea-region_en (дата обращения: 18.06.2026).
11. Isachenko D. Turkey in the Black Sea Region: Ankara's Reactions to the War in Ukraine against the Background of Regional Dynamics and Global Confrontation. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2023RP12_Turkey_BlackSeaRegion.pdf (дата обращения: 17.06.2026).
12. National Defence Strategy 2020–2024. URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/National_Defence_Strategy_2020_2024.pdf (accessed: 18.12.2025).
13. National Security Concept of Georgia. URL: https://gfsis.org.ge/media/download/GSAC/resources/National_Security_Concept_Georgia.pdf (дата обращения: 18.06.2026).
14. Program for 2025–2028. *Government of Georgia*. 02.12.2024. URL: https://www.gov.ge/files/41_90407_824274_Programfor2025-2028.pdf (дата обращения: 18.06.2026).
15. The Black Sea Region. *Ministry of Foreign Affairs of Romania*. URL: <https://www.mae.ro/en/node/2183> (дата обращения: 18.06.2026).
16. Washington Summit Declaration (10 July 2024): Official text. *NATO*. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2024/07/10/washington-summit-declaration> (дата обращения: 17.06.2026).
17. Wezeman S. T., Kuimova A. Bulgaria and Black Sea Security: SIPRI Background Paper. December 2018. *SIPRI*. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-12/bp_1812_black_sea_bulgaria_1.pdf (дата обращения: 18.06.2026).

References

1. Andrukhin T. V. Turkey's policy in Central Asia: results and prospects. *Post-Soviet Issues*. 2024. Vol. 11. №2. P. 126–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-126-137>
2. Vysotsky P. A. The current state of the key challenges in the Black Sea region. *Post-Soviet Issues*. 2023. Vol. 10. №1. P. 17–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-17-25>
3. Constitution of the Russian Federation (as amended in 2020). *President of Russia*. URL: <http://www.kremlin.ru> (date accessed: 17.05.2026). (In Russ.)
4. Foreign Policy Concept of the Russian Federation: approved. by Decree of the President of the Russian Federation of 31.03.2023 No. 229. *President of Russia*. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (accessed: 15.05.2026). (In Russ.)
5. National Security Strategy of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400. *President of Russia*. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed: 19.05.2026). (In Russ.)
6. National Security Strategy of Ukraine: approved by Decree of the President of Ukraine dated 14.09.2020 No. 392/2020. *Official website of the President of Ukraine*. URL: <https://www.president.gov.ua> (accessed: 15.06.2026).
7. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *President of Russia*. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed: 17.05.2026). (In Russ.)
8. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023, No. 229 "On Approving the Foreign Policy Concept of the Russian Federation". *President of Russia*. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (accessed: 17.05.2026). (In Russ.)
9. Cyber Threats to Critical Infrastructure in Ukraine and the Black Sea Region. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*. Washington, 2024. URL: <https://www.csis.org> (accessed: 15.06.2026).
10. EU strategic approach to the Black Sea region. *EEAS*. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-strategic-approach-black-sea-region_en (accessed: 18.06.2026).
11. Isachenko D. Turkey in the Black Sea Region: Ankara's Reactions to the War in Ukraine against the Background of Regional Dynamics and Global Confrontation. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2023RP12_Turkey_BlackSeaRegion.pdf (accessed: 17.06.2026).
12. National Defense Strategy 2020–2024 URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/National_Defence_Strategy_2020_2024.pdf (accessed: 18.12.2025).

13. National Security Concept of Georgia. URL: https://gfsis.org.ge/media/download/GSAC/resources/National_Security_Concept_Georgia.pdf (accessed: 18.06.2026).
14. Program for 2025–2028. *Government of Georgia*. 02.12.2024. URL: https://www.gov.ge/files/41_90407_824274_Programfor2025-2028.pdf (accessed: 18.06.2026).
15. The Black Sea Region. *Ministry of Foreign Affairs of Romania*. URL: <https://www.mae.ro/en/node/2183> (accessed: 18.06.2026).
16. Washington Summit Declaration (10 July 2024): Official text. *NATO*. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2024/07/10/washington-summit-declaration> (accessed: 17.06.2026).
17. Wezeman S. T., Kuimova A. Bulgaria and Black Sea Security: SIPRI Background Paper. December 2018. *SIPRI*. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-12/bp_1812_black_sea_bulgaria_1.pdf (accessed: 18.06.2026).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук,
заведующий кафедрой политической теории
Дипломатической академии МГИМО МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences,
Head of the Department of Political Theory Diplomatic Academy
of the Moscow State Institute of International Relations of the Russian
Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

ЭКОНОМИКА КИТАЯ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CHINA'S ECONOMY: INTERIM RESULTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Аннотация: в статье исследуются проблемы, с которыми сталкивается экономика Китая. На протяжении последних десятилетий Китай и, прежде всего, его экономика находятся в фокусе внимания исследователей многих государств. Одной из последних работ, в которой исследуется экономика Китая, стала книга А. Кнобеля и А. Улюкаева «Китай: анатомия замедления». На основе многочисленных данных, в ней проведен анализ современного развития экономики Китая, выявлены ключевые проблемы, с которыми сталкивается государство. Среди них авторы выделяют замедление роста, демографический кризис, проблемы сектора недвижимости. В статье на основе опубликованного исследования, а также других работ, выявлены основные тенденции экономического развития Китая, а также проведен анализ текущего положения Китая в современной мировой системе. В частности, исследованы новые тенденции в отношениях Китая и США. Помимо этого, рассмотрены отношения Китая с Россией, которые в последнее десятилетие последовательно налаживали тесное экономическое и политическое взаимодействие. В целом в статье сделан вывод, что экономика Китая приспосабливается к изменениям, которые происходят в мировой политике и мировой экономике. С помощью метода системного анализа выявлены риски, с которыми сталкивается экономика Китая. Сделан вывод, что Китай должен будет предпринимать усилия, которые позволят ему сохранить ведущие позиции в мировой экономике.

Ключевые слова: Китай, мировая экономика, США, ЕС, Россия.

Abstract: The article examines the challenges faced by the Chinese economy. Over the past decades, China, and particularly its economy, has attracted the attention of researchers from many countries. One of the most recent works examining the Chinese economy is the book "China: Anatomy of a Slowdown." by A. Knobel and A. Ulyukaev. Drawing on extensive data, it analyzes the current development of the Chinese economy and identifies key challenges that the country faces. Among them, the authors highlight slowing growth, a demographic crisis and problems in the real estate sector. Drawing on this published study and other works, the article identifies the main trends in China's economic development and analyzes China's current position in the modern global system. Particularly, it examines new trends in relations between China and the United States. Furthermore, it reviews China's relations with Russia, which have consistently maintained close economic and political cooperation over the past decade. Overall, the article concludes that China's economy is adapting to changes in global politics and the global economy. Using a systems analysis approach, the author identifies the risks the Chinese economy is facing. Accordingly, Beijing will need to take steps to maintain its leading position in the global economy.

Key words: China, global economy, US, EU, Russia.

Введение

На протяжении нескольких десятилетий Китай был лидером по темпам экономического развития, последовательно реализует программы долгосрочного развития. Однако несмотря на внешне привлекательные показатели, которые вывели Пекин на ведущие позиции в мировой экономике и мировой политике, существует большое количество внутренних проблем, которые китайское руководство стремится решать, чтобы сохранить достигнутые позиции в мировой политике. Вместе с этим стоит отметить, что внутренние проблемы тесно связаны с внешней политикой, которую реализует Китай в последние десятилетия. Вопросы современного развития Китая, его экономический потенциал и влияние внешнего фактора, прежде всего в лице США, исследуются в работе Кнобеля А. и Улюкаева А. «Китай: анатомия замедления» (М: Институт Гайдара, 2026. 168 с). [4].

Экономические успехи

При обсуждении Китая и его политики, как правило, вспоминают его стремительный экономический рост, который вывел его в лидеры, а также инициативу «Один пояс — один путь», которая была предложена Пекином многим странам. Однако за внешне привлекательными показателями и инициативой, скрывается комплекс внутренних проблем. Более того, в третьем десятилетии Китай столкнулся со значительными трудностями, что заставляет его применять различные инструменты для стабилизации макроэкономических параметров.

Экономические реформы, начатые несколько десятилетий назад, позволили Китаю достичь значительных успехов. В первом десятилетии XXI в. экономический рост достигал в 10–11% [2],

что сделало Китай второй экономикой мира. Однако с 2010 г. рост стал замедляться, и в последующие годы составлял не более 8%¹, что вынудило Китай в 2013 г. выдвинуть инициативу «Один пояс — один путь», которая позволила поддержать высокие темпы развития государства. Экономическое развитие было стабилизировано, а с 2013 по 2021 г. экономика «КНР росла в среднем на 6,6% в год. Этот показатель на 2,6% превышает среднемировые показатели за тот же период и на 3,7% — средние темпы роста развивающихся экономик»².

В целом можно говорить о том, что усилия Китая позволили реализовать задуманные планы по реформированию экономики. «За годы реформ Китай добился заметных успехов в сфере экономики. Они были связаны с отказом от следования принципам «вашингтонского консенсуса», таких как либерализация экономики, уход государства из сферы экономического управления, быстрая приватизация государственных предприятий. Одним из главных факторов успеха реформы было активное включение Китая в систему международного разделения труда и использование таких внешнеэкономических факторов, как привлечение иностранного капитала для развития иностранных технологий в стране, развитие свободных экономических зон на территории Китая, быстрое развитие внешнеэкономических связей как с развитыми, так и развивающимися странами» [6].

Новые задачи

Авторы монографии [4] подчеркивают, что по мере усложнения отношений Китая с другими странами, все более актуальным становится вопрос о рассмотрении различных задач, которые стоят перед китайской стороной. Прежде всего это касается структурных изменений, с которыми сталкивается Китай при реализации своей экономической политики. В этом контексте приоритетной задачей выступает систематизация и понимание ключевых тенденций, которые оказывают влияние на развитие современного Китая. Это и демографическая проблема, и состояние финансовой системы, и вопросы, связанные с технологическим развитием.

¹ Рост ВВП Китая в 2013 г. уступает прошлогодним показателям. 26.12.2013. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/12/2013/570415279a794761c0ce534a?ysclid=mqcn6pjb0e940131742> (дата обращения: 23.05.2026).

² Цзяо Го Как изменилась экономика Китая за прошедшее десятилетие. 22.11.2022. URL: <https://iz.ru/1428983/tcziao-go/kak-izmenilas-ekonomika-kitaia-za-proshedshee-desiatilietie> (дата обращения: 24.05.2026).

Китай сталкивается с рядом фундаментальных проблем, которые являются ограничителями его экономического роста. Стоит отметить такие факторы, как старение населения при устойчивой динамике сокращения его численности. Это может оказать решающее влияние на развитие Китая в последующие десятилетия. Вторым фактором выступает замедление темпов экономического роста, что также приобрело устойчивый характер. Замедление темпов роста свидетельствует «об исчерпании догоняющего потенциала развития». Перед Китаем стоит задача поддержания темпов роста экономики хотя бы на уровне последнего десятилетия, что сохранит возможности для дальнейшего развития.

В этом контексте значительный интерес представляет анализ соотношения государственного и частного секторов китайской экономики, а также вопросы, связанные с бюджетно-финансовой сферой. С этим тесно увязаны внешние вызовы, с которыми сталкивается Китай. Прежде всего, это торговые войны с США, которые оказывают негативное влияние на развитие китайской экономики.

Третьим фактором выступает кризис в секторе недвижимости, на долю которой приходится до 20–25% ВВП. Это демонстрирует «риски чрезмерной долговой нагрузки на корпоративном и субнациональном уровне и ставит вопрос об устойчивости всей инвестиционной модели» [4].

Китайское руководство стремится искать выходы из сложившейся ситуации. Масштабные усилия по преобразованию внутреннего рынка предполагают оптимизацию государственного сектора, стимулирование спроса. Вместе с этим меры направлены на создание собственной технологической системы, которая опирается на масштабные инвестиции в НИОКР. В период с 2012 по 2022 г. «инвестиции Китая в научно-исследовательские разработки выросли с одного до почти трех триллионов юаней в год, финансирование фундаментальных исследований увеличилось в три с половиной раза»³.

³ За 10 лет инвестиции Китая в НИОКР выросли с одного до почти трех триллионов юаней в год. 04.10.2022. URL: <https://russian.dbw.cn/system/2022/10/04/001476609.shtml?ysclid=mqco3j51o777425388> (дата обращения: 23.05.2026).

Внешнеполитические факторы

Реализация мер, направленных на формирование новых условий для развития экономики, происходит в условиях беспрецедентных за последние десятилетия изменений в мировой экономике. Вопросы экономической конкуренции, которые длительное время преподносились в качестве ключевого фактора развития мировой экономики, отошли на второй план. На их место вышло жесткое экономическое противостояние в сфере экономики, что в значительной мере отражает глобальные проблемы, которые каждая из сторон стремится решить в собственных интересах. Торгово-экономическое противостояние Китая и США развивается по траектории обострения отношений и ужесточения условий торговли. Итогом подобной политики стало сокращение товарооборота между США и Китаем. «Объем китайско-американской торговли в 2025 году сократился по сравнению с 2024 годом на 18,7% и составил 559,74 млрд долларов⁴.

Соперничество Китая и США приобрело черты глобального противостояния. При этом речь идет о столкновении интересов в различных регионах мира. Как отмечают авторы монографии [6], в последние годы Китай вынужден отстаивать свои интересы в технологической сфере, которая превратилась в ключевой элемент китайской политики, и в сфере редкоземельных металлов, которые также имеют огромное значение для технологического развития.

Месторождения редкоземельных металлов находятся в фокусе внимания Китая, усилия которого направлены на получения к ним доступа в разных регионах мира. Усилия Пекина позволили закрепить за собой значительную часть мировой добычи, тем самым создав стартовые возможности для продвижения своих интересов. Соответственно, «в последние 10–12 лет рынок редкоземельных минералов и химических продуктов на их основе контролируется Китаем. Производство в США в последние годы значительно снизилось. В итоге, за Китаем сохраняются позиции основного поставщика редкоземельных минералов на мировом рынке (около 95%). Фактически Китай монополизировал рынок, ведя жесткую маркетинговую политику» [7]. В результате «Китай полностью контролирует горнодобывающую деятельность, тех-

⁴ Товарооборот Китая и США в 2025 году упал на 18,7%. 14.01.2026. URL: <https://tass.ru/ekonomika/26141141?ysclid=mqef3wmb5938970673> (дата обращения: 28.05.2026).

нологии обогащения и металлургию, а также конечные продукты из редкоземельных металлов, что приводит как в Европе, так и в США к полной промышленной зависимости» [8].

Экономическое соперничество Китая и США постепенно обострялось. Это было связано с борьбой за лидирующие позиции в мировой экономике. США, в рамках либеральной модели, стремились получить от Китая преференции, которые позволили бы им сохранять ведущие позиции. В свою очередь, Пекин стремился «использовать экономическую мощь для достижения своих политических целей в других странах мира [1]. Однако странам становилось все сложнее разрешать противоречия из-за накопившихся проблем [5].

Несмотря на противоречия с США, двусторонние торговые отношения между странами развивались динамично. В 2024 году товарооборот достиг 688 млрд долл., что на 3,7% больше 2023 года. Однако уже в 2025 году он сократился. Снижение торговых отношения произошло из-за давления на Китай со стороны США, которые ввели пошлины в отношении китайских товаров. «Тарифное противостояние между крупнейшими экономиками мира провоцирует новую фазу фрагментации мировой торговли. По мере усиления протекционизма это ведет к снижению глобального спроса, особенно на сырьевые товары» [3].

Состояние китайской экономики

В 2025 году экономика Китая выросла на 5%. Этот показатель выше среднемирового, однако в условиях сохраняющейся нестабильности в мировой экономике и значительной зависимости Китая от внешних рынков прогнозы не дают положительной динамики. Большинство экспертных оценок сходятся на том, что в долгосрочной перспективе экономика Китая продолжит замедление. Ожидается снижение темпов экономического роста до 3% к 2030 г. и до 2% к 2040 г. [4].

Сальдо торгового баланса имело позитивную динамику. С 2010 г. по 2024 г. оно увеличилось с 181 млрд долл. до 992 млрд долл. Негативная динамика наблюдалась только в 2016–2018 гг. [4].

Возрастание нестабильности в мировой экономике побуждали Китай задействовать внутренние стимулы. Однако они могли лишь поддержать темпы роста на достигнутом уровне, но никак не обеспечить новый прорыв.

Инвестиции в основной капитал «стремительно росли в 2000-х годах. В этот период их объем увеличился в 7 раз. За последующие

14 лет рост составил еще более 100%. При этом доля инвестиций в ВВП достигла максимума в 46,6% в 2011 году, а к 2024 году их доля сократилась до 40%» [4].

В последние годы ключевым фактором, который оказывал влияние на динамику внутренних инвестиций и на экономику Китая в целом, «является кризис в секторе недвижимости, на который приходится около 20% ВВП страны. Строительный бум в 2010–2018 годах привел к существенному в сфере строительства снижению цен на недвижимость. Расходы на инфраструктурные проекты привели к повышению долговой нагрузки на провинциальном уровне, крупные застройщики столкнулись с финансовыми ограничениями по обслуживанию долговых обязательств, привлечение новых заемных средств и наращивание инвестиций в сектор для реализации и завершения проектов было ограничено мерами правительства» [4].

В последние годы правительство Китая стремится вводить регулирующие меры, направленные на улучшение финансовой ситуации у крупных застройщиков. Под контроль берется выделение средств на проекты на региональном уровне, где также накопилось большое число проблем. Подобные меры продиктованы значительными сложностями. Например, «продажи жилья за последние 3 года упали на 50%, а с 2021 по 2024 годы площадь построенного, но не выкупленного жилья выросла на 75%, с 225 млн м² до 390 млн м²» [4]. Наряду с ростом нереализованного жилья возросла и долговая нагрузка застройщиков. В 2023 году «общая их задолженность достигла 12 трлн долларов (67%) ВВП. При этом ситуация усугубляется накоплением “скрытых” долгов на уровне провинций (по расчетам экспертов МВФ они достигли 8,4 трлн долларов в 2023 году)» [4].

Для решения данной проблемы власти Китая пытаются оживить строительную отрасль и обеспечить рост продажи жилья. В частности, власти проводят политику, направленную на снижение ограничений по ипотеке, уменьшение доли первоначального взноса. Кроме того, «вводятся меры по усилению контроля и надзора со стороны центрального правительства над деятельностью местных органов управления, ответственных за финансирование проектов» [4].

На протяжении последних десятилетий менялся вклад различных секторов экономики в ВВП Китая. С 1995 по 2010 годы доля промышленности в ВВП составляла 44–46%. Это было обусловлено ориентацией на экспортное производство. Этот этап

характеризовался «активным наращиванием промышленных мощностей и превращением Китая в мировую фабрику» [4]. Однако ситуация затем стала меняться. Доля услуг стала возрастать и в 2024 г. достигла 56,7%⁵.

По оценкам авторов монографии [4], сложившаяся демографическая ситуация усугубляется проблемами в пенсионной системе, которая становится тормозом для развития Китая. В стране реализуется политика, при которой мужчины выходят на пенсию в 60 лет, а женщины — в 55 лет. При возрастающей продолжительности жизни это привело к значительной нагрузке на пенсионную систему, финансировать которую становится все труднее.

С демографической проблемой тесно связаны вопросы потребительского спроса. Авторы монографии подчеркивают, что «потребительский спрос не создает реальную альтернативу как драйвер экономического роста. Если в 2000–2010 гг. темпы роста потребления домашних хозяйств составляли в среднем 12%, то в 2020–2024 гг. — лишь 7%. Фиксируется существенное снижение динамики розничной торговли потребительскими товарами при ее высокой волатильности по годам» [4].

Сделан вывод, что период, когда «экономический рост обеспечивался за счет демографического дивиденда, массовых капиталовложений, активной интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости и заимствования иностранных технологий, подошел к концу. Соответственно, Китай сталкивается с фундаментальной необходимостью перехода от экстенсивной, инвестиционно-экспортной модели к качественно иной, основанной на инновациях, внутреннем потреблении и устойчивой производительности труда и капитала» [4].

В развитии китайской экономики большую роль играет государственное регулирование, которое обеспечивает контроль за рыночными механизмами в распределении ресурсов. Данная модель продемонстрировала свою эффективность в условиях стремительного экономического роста, что вывело страну в лидеры мировой экономики. Однако в последние годы она столкнулась

5 Бирюкова О. В., Жаронкина Д. В. От «мировой фабрики» к «мировому офису»: роль Китая в международной торговле услугами. 26 марта 2026. URL: <https://bricscouncil.ru/ru/analytics/ot-mirovoy-fabriki-k-mirovomu-ofisu-rol-kitaya-v-mezhdunarodnoy-torgovle-uslugami?ysclid=m-qcowpzgc962258886> (дата обращения: 23.05.2026).

с системными вызовами, которые требуют своего разрешения. До налоговой реформы, проведенной в 1994 г., китайская экономика характеризовалась высокой степенью децентрализации. «Сформировались по сути автономные региональные хозяйства, что привело к фрагментации и ослаблению центральной экономической власти. Ключевой проблемой стала фискальная система: местные власти собирали налоги и передавали центру лишь оговоренную сумму по индивидуальным договорам. В результате доля доходов центрального бюджета в ВВП резко сократилась — с 27% в 1979 году до 14,5% — в 1992 году. Это снижало возможности выравнять растущий разрыв между развитыми приморскими и отсталыми внутренними провинциями» [4].

Ситуацию усугублял региональный протекционизм. Местные власти возводили торговые барьеры, разрывая экономические связи между регионами. «При этом государственные предприятия оставались неэффективными, а контроль центра был ослаблен, поскольку проверяющие органы также подчинялись местным властям» [4]. Ответом на эти вызовы стали шаги, которые позволили перераспределить налоговые потоки в пользу центральных властей, что дало возможность приступить к выравниванию межрегиональных противоречий, введению банковского надзора, который контролировался центральными властями, и усилению партийной вертикали, что дало мощный инструмент для политического контроля за регионами.

Перспективы

Китай находится в переходном состоянии. Прежняя модель управления китайской экономики, направленная на решение поставленных задач, нуждается в серьезных изменениях. Принятые решения должны позволить решить накопившиеся проблемы и обеспечить дальнейшее развитие Китая. По сути, речь идет о необходимости создания новой экономической модели, которая должна сбалансировать внутренние и внешние вызовы.

Возможные направления трансформационного периода могут содержать такие меры, как «усиление роли внутреннего потребления через программы обновления товаров длительного пользования, развитие сервисов, нацеленных на все более растущую долю пожилого населения, внедрение индивидуальных пенсионных счетов и постепенное повышение пенсионного возраста, что должно снизить нагрузку на государственный бюджет, провести реформу бюджетно-финансовой системы, направленную

на укрепление ее устойчивости и решение проблемы хронического дисбаланса между фискальными возможностями и обязательствами местных властей» [4].

На внутренние процессы в Китае ключевое влияние будет оказывать внешний фактор. Борьба за технологическое лидерство, доступ к редкоземельным металлам, дисбалансы во внешней торговле и попытки США исправить ситуацию односторонними мерами — эти и другие факторы будут оказывать решающее влияние на развитие Китая.

Литература

1. Бетани А. Пекинские правила. Как Китай превратил свою экономику в оружие. Ереван. Fortis Press. 2024. 472 с.
2. Григорьев Л.М., Жаронкина Д.В. Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития. *Вестник международных организаций*. 2024. Т. 19. №1. С. 68-69. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-08>
3. Клышко Р. Весна нестабильности. *Коммерсантъ Деньги*. 24.04.2025. № 10. С. 7.
4. Кнобель А., Улюкаев А. Китай: анатомия замедления. М.: Институт Гайдара. 2026. 168 с.
5. Кризисная геополитика и Россия / отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Дашков и К0, 2025. 384 с.
6. Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: МБА. 2020. 496 с.
7. Твердов А., Жура А. Обзор рынка редкоземельных металлов. *Глобус*. 2013. № 1. С. 16–19.
8. Charalampides G., Vatalis K. I., Apostoplos B., Ploutarch-Nikolas B. Rare Earth Elements: Industrial Applications and Economic Dependency of Europe. *Procedia Economics and Finance*. 2015. P. 126–135.

References

1. Bethany A. Beijing Rules: How China Weaponized Its Economy. Yerevan: Fortis Press. 2024. 472 p. (In Russ.)
2. Grigoryev L., Zharonkina D. India's Climate Mitigation Policy: Challenges and Prospects. *International Organisations Research Journal*. 2024. Vol. 19. №1. P. 68–69. (In Russ.) doi:10.17323/1996-7845-2024-01-08
3. Klyshko R. Spring of Instability. *Kommersant Dengi*. 24.04.2025. № 10. P. 7. (In Russ.)
4. Knobel A., Ulyukaev A. China: The Anatomy of a Slowdown. Moscow. Gaidar Institute. 2026. 168 p. (In Russ.)
5. Crisis Geopolitics and Russia / Responsible for Ed. M.A. Neimark. Moscow: Dashkov&K0. 2025. 384 p. (In Russ.)
6. Ostrovsky A.V. China is becoming an economic superpower. Moscow. IBA. 2020. 496 p. (In Russ.)
7. Tverdob A., Zhura A. Rare Earth Metals Market Review. *Globus*. 2013. №1. P. 16–19. (In Russ.)
8. Charalampides G., Vatalis K. I., Apostoplos B., Ploutarch-Nikolas B. Rare Earth Elements: Industrial Applications and Economic Dependency of Europe. *Procedia Economics and Finance*. 2015. P. 126–135.

**Научный периодический журнал
«ВЕСТНИК ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ МИД РОССИИ.
РОССИЯ И МИР»**

E-mail: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Рубрики журнала:

- Мировая политика и международные отношения
- Региональные проблемы
- История и религия
- Научная жизнь

Журнал входит в Перечень изданий, рекомендованных ВАК РФ, по следующим научным специальностям:

- 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики;
- 5.2.5 – Мировая экономика;
- 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии;
- 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные исследования

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой *«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»*.

Каждая статья проходит обязательное рецензирование специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется строго в соответствии с требованиями.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

Статья должна содержать информативную аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Объем аннотации должен составлять 200–300 слов. Ключевые слова не должны повторять название статьи. В аннотации должны указываться цель, методы, результаты исследования. Объем статьи не должен быть меньше 35 тыс. знаков и не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами) с учетом аннотации, ключевых слов и списка литературы.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

- параметры страницы: верхнее поле — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 3 см, правое — 1,5 см, абзацный отступ — 1,25 см;
- статья предоставляется в формате Microsoft Word, шрифт — Times New Roman, размер — 14 пт, межстрочный интервал — 1,5;
- заголовок: по центру, шрифт полужирный — Times New Roman, размер — 14 пт, межстрочный интервал — 1,5;
- подзаголовки: по центру, шрифт полужирный курсив;
- ссылки размещаются в тексте в квадратных скобках через точку с запятой [номер источника, страница], номер источника выделяется полужирным шрифтом;
- содержательные примечания указываются в сносках внизу каждой страницы, шрифт — Times New Roman, размер — 10 пт, межстрочный интервал — 1;
- графики и диаграммы должны быть выполнены в программе Microsoft Excel, иметь порядковый номер, название и источник, которые размещаются под иллюстрацией, шрифт текста — Times New Roman, размер — 12 пт, межстрочный интервал — 1,5. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении;
- таблицы оформляются в Microsoft Word, название размещается над таблицей, шрифт текста — Times New Roman, размер — 12 пт, межстрочный интервал — 1,5;
- иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей.

Материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы (Литература), расположенных в алфавитном порядке (сначала на кириллице, потом на латинице). В список литературы включаются только рецензируемые источники (статьи из научных журналов и монографий), упоминающиеся в тексте статьи. При описании источника следует указывать его DOI (при наличии).

Необходим перевод списка литературы (References) на английский язык с транслитерацией имен и фамилий авторов согласно стандарту BSI. После описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: (In Russ.).

Примеры оформления:

– для книжных изданий: Автор. Название: Пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. 000 с.

– для периодических изданий: Автор статьи. Название. *Издание*. Год. Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. С. 00-00.

– для интернет-источников:

1) Автор. Название (дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно). URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала. URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений и указания источников, не являющихся научно-аналитическими материалами, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [8, с. 12] или [8, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2026. № 1 (47)

Редактор *Н.Г. Карпинская*
Корректор *Н.Г. Карпинская*
Верстка *Д.Е. Волков*

Подписано в печать 13.06.2026.
Формат 70x100 1/16.
Усл.печ.л. 14
Тираж 116 экз.

Издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Отпечатано в производственном отделе
Издательского дома МГИМО.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru